

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МУЗЕЙ ТРАДИЦИИ ЭТНИЧНОСТЬ

№ 1 (9)

Санкт-Петербург
2017

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Музей. Традиции. Этничность
Научный журнал. Издаётся с 2012 г.
Выходит два раза в год.
2017, № 1 (9)

Учредитель:
Российский этнографический музей

Главный редактор:
д.и.н. проф. Д.Г. Савинов

Редакционная коллегия:
к.и.н. Д.А. Баранов, к. культурологии Е.Е. Герасименко, д.пед.н. проф. В.М. Грусман,
д.и.н. В.А. Дмитриев, д. культурологии проф. Н.М. Калашникова, к.и.н. доцент
Е.Н. Мастеница, д.и.н. А.Б. Островский

Адрес редакции:
191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1
e-mail: journal@ethnomuseum.ru

ISSN 2304-9928
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51222 от 20 сентября 2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс 70735

Содержание

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 5 **Дмитриев В.А., Калашникова Н.М.**
РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ В ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

- 21 **Шангина И.И.**
ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

- 28 **Емельяненко Т.Г.**
СВАДЕБНЫЙ ЗАНАВЕС В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ (УЗБЕКИ, ТАДЖИКИ)

- 36 **Попова Л.Ф.**
СЕКТОР ВНЕШНЕГО ПРОДУКТА В КАЗАХСКОМ СОЦИУМЕ КОНЦА XVIII –
НАЧАЛА XX В. И СПОСОБЫ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ГРАБЕЖ, ДАНЬ, ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ,
ОБМЕН, ТОРГОВЛЯ

- 48 **Дмитриев В.А.**
ВЛИЯНИЕ ТОРГОВЛИ НА СПЕЦИФИКУ КУЛЬТУРЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

МУЗЕЙНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

- 61 **Федорова М.В.**
БУДДИЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОЕКТАХ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

- 80 **Фишман О.М.**
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АТЛАС
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

- 89 **Колчина Е.В., Мишурина Л.И.**
КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ ОТДЕЛА ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИУРАЛЬЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

- 96 **Зиминова Т.А.**
ОСОБЕННОСТИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ МУЗЕЯ
СРЕДИ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

- 115 **Копанева А.Н.**
ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1900–1953)

- 123 **Михайлова А.А.**
ВКЛАД В ЭТНОГРАФИЮ: ЭКСПЕДИЦИЯ, РУКОПИСЬ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
СТУДЕНТА Н.И. КИРМИДЧИ (КИРМИКЧИ)

Contents

FROM THE HISTORY OF ETHNOGRAPHIC SCIENCE

- 5 **Dmitriev V.A., Kalashnikova N.M.**
THE DEVELOPMENT OF COLLECTION-BUILDING CONCEPTS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY
- 21 **Shangina I.I.**
ISSUES OF ETHNOGRAPHIC COLLECTION-BUILDING IN THE LAST QUARTER OF THE 19TH CENTURY
- ## ETHNIC TRADITIONS IN CULTURE
- 28 **Emelyanenko T.G.**
WEDDING CURTAINS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE SETTLED POPULATION OF CENTRAL ASIA (UZBEKS AND TADZIKS)
- 36 **Popova L.F.**
SEGMENT OF FOREIGN-MADE COMMODITIES IN THE KAZAKH SOCIETY IN THE END OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES AND WAYS OF OBTAINING THEM: PLUNDER, TRIBUTE, RANSOM, BARTER AND TRADE
- 48 **Dmitriev V.A.**
THE INFLUENCE OF TRADE ON THE SPECIFICITY OF THE NORTH CAUCASUS MOUNTAIN-DWELLERS' CULTURE
- ## FORMS OF THE MUSEUM'S TRANSLATION OF ETHNICITY
- 61 **Fedorova M.V.**
BUDDHISM COLLECTIONS IN EXHIBITION PROJECTS OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY
- 80 **Fishman O.M.**
ETHNO-DENOMINATIONAL ILLUSTRATED ATLAS OF THE LENINGRAD REGION
- ## ETHNOGRAPHIC FIELD, MUSEUM'S COLLECTIONS AND ARCHIVES
- 89 **Kolchina E.V., Mishurinskaia L.I.**
HANDLING AND AUGMENTING THE STOCKS OF THE DEPARTMENT OF THE PEOPLES OF THE VOLGA-URAL REGION IN THE PRESENT-DAY CONDITIONS
- 96 **Zimina T.A.**
SPECIFIC FEATURES OF FIELD COLLECTING WORK AMONG THE RUSSIAN RURAL POPULATION
- 115 **Kopaneva A.N.**
ON THE FORMATION HISTORY OF THE COLLECTION OF MANUSCRIPTS IN THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY (1900–1953)
- 123 **Mikchailova A.A.**
A CONTRIBUTION TO ETHNOGRAPHIC STUDIES: EXPEDITION, MANUSCRIPT, MUSEUM COLLECTIONS. ON THE PUBLICATION OF NIKOLAI IVANOVICH KIRMIDCHI'S MANUSCRIPT

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 930092 (303.01)

Развите концепции комплектования коллекций в истории Российского этнографического музея

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
отдела этнографии Средней Азии и Кавказа
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

НАТАЛИЯ МОИСЕВНА КАЛАШНИКОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор культурологии, заведующая отделом этнографии
Белоруссии, Украины и Молдавии
e-mail: ethnonataly@mail.ru

На протяжении XX в. Российский этнографический музей (ранее Этнографический отдел Русского музея, Государственный музей этнографии) выполнял функции ведущего этнографического музея России. В разные периоды истории Российского этнографического музея в соответствии с принципами его деятельности и состоянием этнической культуры народов России определялись задачи и формы комплектования собрания музея. В дореволюционный период решалась задача наполнения фондов музея и поиска архаических компонентов народной культуры. В 1920-х гг. работа по сбору музейного материала была подчинена принципам палеоэтнографической научной дисциплины. С 1930-х гг. главными задачами стали сбор и изучение предметов традиционно-бытовой культуры и предметов этнографии современности. В 1960–1980-е гг. это направление работы получило оформление в целевых программах, направленных на подготовку музейных экспозиций и выставок. Произошедшие в конце XX – начале XXI в. эпохальные изменения в обществе поставили задачу выработки современной концепции развития собрания музея.

Ключевые слова: музей, музейное собрание, этнография, комплектование музейного собрания, народная культура, этническая культура.

UDC 930092 (303.01)

The Development of Collection-Building Concepts in the History of the Russian Museum of Ethnography

VLADIMIR A. DMITRIEV, D.Sc (History)

Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg
Top-grade researcher, Department of the Ethnography of the Peoples
of the Central Asia and the Caucasus
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

NATALIYA M. KALASHNIKOVA, D.Sc (Culturology)

Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg
Head, Department of Ethnography of Belarus, Ukraine and Moldova
e-mail: ethnontaly@mail.ru

In the course of the 20th century, the Russian Museum of Ethnography (previously the Ethnographic Department of the Russian Museum) achieved the status of the country's principal museum of ethnography. In different periods, the endeavours on the part of the Museum to increase its holdings found expression in the objectives and forms that were consonant with the principles of its work and the contemporary state of the ethnic cultures of the peoples inhabiting Russia. During the pre-revolutionary period, the target was to create stocks of artefacts and preserve specimens of archaic elements of folk culture. In the 1920s, the collecting of museum materials followed the academic principles of paleo-ethnographic studies. From the 1930s onward, the priority objective was the amassment and study of objects that belonged to the traditional culture of everyday life, contemporary ethnography. In the 1960s–1980s, this approach was incorporated in programmes designed for the preparation of museum exhibitions and displays. The epoch-making changes in folk culture at the close of the 20th and the outset of the 21st century, brought about a need to work out a present-day concept of the Museum collection development.

Key words: museum, museum collections, ethnography, collecting programme, folk culture, ethnic culture.

В свете общих для России и Европы тенденций общественных настроений, именуемых историзмом, в различных слоях общества второй половины XIX века усиливалось внимание к крестьянской культуре как носителю извечных общественных традиций народа. В какой-то момент сторонники идей самодержавного консерватизма и революционного преобразования сошлись на интересе к одному предмету – русскому общинному крестьянству и схожими с ним социальными слоями других народов России. Этот момент общественного согласия, относящийся к периоду, который историки назовут временем правления Александра III, был периодом оформления идеи русского единства. В соответствии с идеями просвещения, которые формировались в среде элиты императорской России, шло культурное строительство, что, в частности, выразилось в организации двух музеев, близких к статусу национального – Исторического музея в Москве и Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге.

Развитие капиталистических отношений в России влекло за собой изменение традиционного образа жизни, культуры, быта. Материальная культура, непосредственно связанная с социально-экономическими условиями, в определенной мере детерминированная ими, сильнее всего была подвержена этим изменениям. Представители различных категорий общественности, ученые, сознавая, что отдельные элементы народной культуры видоизменяются или исчезают вовсе, искали и в столицах,

и в провинции пути сохранения для потомков лучших ее образцов. Решение этой задачи настоятельно требовало создания сети комплектованных этнографические материалы стационарных научных учреждений, которыми и стали музеи.

В середине 30-х гг. XIX в. в результате разделения петербургской Кунсткамеры на самостоятельные академические музеи появились Этнографический и Антропологический музеи, к 1879 г. преобразованные в Музей этнографии и антропологии (ныне Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого РАН – МАЭ РАН). Русское географическое общество (РГО) еще раньше приступило к созданию этнографического музея, однако это начинание не увенчалось успехом, и его коллекции были впоследствии переданы в МАЭ. Ликвидация в 1891 г. музея РГО и дальнейшая специализация МАЭ на общей и зарубежной этнографии со всей очевидностью обнаружили необходимость особого этнографического изучения народов Российской империи¹.

Ни один из существовавших в стране музеев конца XIX в. не был тем учреждением, которое могло бы стать центром пропаганды русского национального единства. Создать такие учреждения предполагалось и в Москве, и в Санкт-Петербурге. И, хотя в Москве уже существовал этнографический музей российских народов – Дашковский музей (часть комплекса Румянцевского музея), появление в Санкт-Петербурге Русского музея императора Александра III в

последнее десятилетие XIX в. стало главным шагом в этом направлении.

Структура Русского музея императора Александра III была образована следованием русской идее, для чего были организованы два отдела (Художественный и Этнографический), направленные на представление русской культуры как в ее наиболее развитой художественной форме (работы профессиональных художников), так и в традиционной (крестьянская культура)². Вторая задача должна была решаться через отражение общности народов Российской империи и, в более дальнем плане, единства славянских народов. Этим воспроизводилась схема, уже применявшаяся в организации Этнографической выставки 1867 г., к которой восходит начало истории этнографической части Румянцевского музея³.

Изначально в функционировании Этнографического отдела Русского музея (ЭО РМ; ныне – Российский этнографический музей, РЭМ) видели государственный институт, ориентированный на пропаганду национальной идеи. Так, В.И. Ламанский, видный российский ученый, председатель этнографического отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО), редактор журнала «Живая старина», готовивший программу деятельности отдела, представлял его задачу в доказательстве России через «русскую национальную и государственную идею» как «распространение русской народности и строение русского государства»⁴. Специальная комиссия, обсуждавшая проекты возможной структуры ЭО РМ, в которую входили крупные ученые и общественные деятели Д.А. Клеменц, В.В. Радлов, Н.П. Кондаков, А.Н. Пыпин, П.П. Семенов, В.В. Стасов, А.Н. Харузин и Л.Л. Шахматов, формулируя задачи музея, на первое место поставила изучение России в рамках Империи, затем земель славян, независимо от территории их расселения, и далее – земель, не входящих в Империю, – для сравнительного изучения этнографии России⁵. Политического заказа такая форма отражения этнографических реалий не отрицала, но ставила во главу угла представление пространств, в которых проживало несколько народов, что было уже особым этнологическим подходом, в данном случае своего рода отечественным вариантом школы культурных кругов, занимавшей важное место в европейской науке среди других концепций первой трети XX в.

Дискуссии о главенстве русского начала в концепции работы создававшегося учреждения не было по вполне понятным причинам, тем большую важность приобретал вопрос, как выразить отношение к другим народам Рос-

сийской империи. Как бы ни трактовали эту проблему, она превращалась в программный стержень и требовала ответа на вопрос, как отнестись к этнографическому разнообразию населения страны.

В формировании задач музея по комплектованию фондов большой вклад внес Д.А. Клеменц, первый заведующий ЭО РМ. Назначение этого ученого на высокую должность было оправдано опытом его этнографических исследований в условиях такого сложного в национальном отношении региона, как Сибирь. Кроме того, были хорошо известны работы Д.А. Клеменца по комплектованию музеев как краеведческого, так и центрального типа (Музея антропологии и этнографии), а также его знания по обработке поступивших в музей этнографических коллекций. Опыт комплектования, выработанный на посту руководителя Восточно-Сибирского отделения ИРГО и как сотрудника Музея антропологии и этнографии (консерватора, хранителя и старшего этнографа), сформировал Д.А. Клеменца как универсального исследователя – этнографа, археолога и знатока естественно-природной истории края. Годы работы в музеях Сибири (Минусинск, Иркутск), где комплектование шло по краеведческому типу, определили его точку зрения о необходимости организовать работу ЭО РМ по изучению народной культуры и, соответственно, формировать коллекции по географическому принципу.

Д.А. Клеменц предлагал изучать Россию по пяти областям: полярная, где основным занятием населения была охота; области умеренного климата и земледельческого хозяйства; области переходного климата и хозяйства; области пустынь, где существовали кочевники; области южного земледелия и виноградарства. Таким образом, ученый предвосхитил появление в советские годы материалистической школы хозяйственно-культурных типов, но не добился внедрения этого принципа в основу работы ЭО РМ⁶.

Восторжествовала же точка зрения его оппонента, представителя столичной академической науки В.В. Радлова, директора Музея антропологии и этнографии, считавшего общими задачами для всех этнографических музеев следующие: «собрать и выставить коллекции предметов, представляющих и творчество отдельных народностей, отражающееся в их быте, духовную жизнь и эстетические стремления, как феномены культуры, так и последовательное развитие и взаимовлияние разных национальных культур»⁷. В перечисленных положениях очерчены основы теории этноса, под знаменем

которой прошел в отечественной науке весь XX век.

В результате дискуссии было решено, что объектом изучения в ЭО РМ должен стать народ как сообщество индивидуумов, объединенных общими физическими признаками, общностью исторических судеб и общностью языка – «этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения народной психологии всей духовной культуры»⁸. Известно, что языку придавали особое значение как ведущему компоненту народной психологии и европейские ученые, и видные деятели отечественной науки, ставшие ко времени возникновения и становления ЭО РМ кумирами научной мысли, такие как В. Вундт, М. Лацарус, Х. Штейнталь, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, являвшиеся столпами концепции «психологии народов».

Совокупным мнением было установлено, что преимущественным объектом изучения должен стать русский народ, отличавшийся «умением приспособляться к разным обстоятельствам и уживаться с соседними народами, не теряя в то же время собственной индивидуальности»⁹. И хотя тот же Д.А. Клеменц говорил об изучении русских как «первой задачи, какая только должна быть у музея», тезис предполагал внимание к русским не только как к одному, хоть и самому многочисленному, из этносов России, но и как к образованию, возникшему вследствие наличия многочисленных зон взаимного влияния с другими народами страны¹⁰.

С принятием задачи составления этнического портрета народа были выдвинуты два важнейших постулата: об исключительном внимании к предметам, «следующим народному потреблению», и о «громчайшем значении в жизни народа суммы всех способов добывания средств существования»¹¹. Если второй тезис можно рассматривать как следование материалистическому подходу и принципу экономического детерминизма, то установка на внимании к народному потреблению есть ничто иное, как требование учета всей идейно-ценностной сферы этноса, изучение которой следует вести в плане единства материальных и духовных интересов.

В процессе подготовки «Программы для собирания этнографических предметов» были выделены определяющие свойства вещей, пригодных для включения в музейные коллекции: предметами этнографии являлись те, которые крестьянин сделал для своего домашнего обихода, своими инструментами, для удовлетворения своих потребностей¹². Несомненно, Д.А. Клеменц сузил собственный тезис, сведя

этнографический предмет лишь к предмету народно-ремесленной культуры, поскольку в начале XX в. еще не было составлено представление о традиционно-бытовой культуре в качестве ядра культуры народной.

Ориентация музея на отечественные этнографические реалии и неизученность многих районов России требовали развертывания этнографических исследований по всей территории Империи. Понимая, сколь трудна задача, которую предстояло решать, сотрудники музея обратились за помощью к общественности. «Отдел в особенности нуждается в содействии местных любителей и знатоков народного быта, которые могут оказаться особенно полезными в тех областях народоведения, где потребуются непосредственное знакомство со всеми подробностями внешнего быта и нравственного склада местного населения» – подчеркивалось в предисловии к первому изданию «Программы для собирания этнографических предметов»¹³.

Программа была научным руководством для собирателей различного уровня. Она состояла из восьми разделов, которым предшествовал еще один, называвшийся «О собирании этнографических коллекций». Находясь под влиянием философии позитивизма, составители программы, как и создатели самого музея, значительно больше внимания уделяли изучению материального быта народов России. Относясь к музейным экспонатам как к особому виду документов, авторы программы предъявляли серьезные требования не только к приобретаемым для коллекций предметам, но и тем записям, которые должны были их сопровождать: «О каждой вещи должно быть непременно указано, откуда она взята (село, город, губерния); если возможно, следует указать даже имя лица, которому она принадлежала, или же имя мастера <...> Необходимо сообщить точное местное название <...> Вещь без обозначения происхождения не может быть этнографическим документом»¹⁴. Сформулированные в программе направления нацеливали на необходимость полного сбора информации, в итоге создающего четкое представление о том или ином этнографическом феномене.

Первый раздел программы – «Поселения, постройки, жилища и его принадлежности» – включал 11 вопросов. Рассчитывая получить точные полноценные описания этого раздела традиционной бытовой культуры, составители не только обращали внимание на необходимость сбора данных о типах поселений, жилищ, но и требовали характеристику внутренней планировки, декора, освещения избы, отопительной системы и т.п.¹⁵. Порой задача ставилась таким

образом, чтобы во время исследования собиратель попытался выявить причины того или иного этнографического явления. «Если в одной местности – отмечалось в 4-м пункте раздела – имеются жилища разного типа, то чем объясняется это разнообразие? Объясняется ли это просто степенью зажиточности или племенным составом населения? <...> Можно заметить заимствование одного народа у другого каких-нибудь особенностей в устройстве жилища»¹⁶. Понимая влияние природно-климатического и социального факторов на тип жилища, авторы программы отдавали должное и роли этнических традиций, что нашло отражение в этом разделе. Отмечалась также важность фиксации местных названий для разного рода жилищ.

Второй раздел – «Одежда и украшения» – состоял из четырех подразделов, включавших, в свою очередь, ряд более мелких вопросов. Программа предусматривала сбор детской, мужской и женской одежды. Особенно выделялась одежда профессиональная¹⁷. Придерживаясь комплексного принципа сбора традиционного костюма, составители подчеркивали: «Вообще лучше собирать и составлять отдельно костюмы: будничные, праздничные, летний, зимний, костюм девушки, костюм невесты, костюм замужней женщины»¹⁸. Стремясь к получению достоверных сведений о традиционной одежде, авторы отмечали значимость такого рода данных, как, например, предпочтительное отношение к какому-либо цвету или сочетанию цветов, т.е. ко всему, что могло бы в определенной степени дополнить характеристику одежды. По мнению авторов программы собиратели, приступая к изучению и сбору комплексов народной одежды, должны были выявить ареал распространения тех или иных элементов костюма и попытаться проследить их эволюцию.

Третий раздел программы – «Техника в народном быту» – включал восемь вопросов, ответы на которые, как полагали составители, должны были дать представление о процессах обработки камня, кости, дерева, кожи и пр.¹⁹.

Четвертый раздел – «Пища и напитки» – состоял из подразделов, вопросы которых касались повседневной и праздничной пищи. Особо обращалось внимание на необходимость получения сведений о пище обрядовой²⁰.

Пятый раздел – «Занятия и промыслы» – включал вопросы о традиционных ремеслах, изучать которые предлагалось в контексте обрядовой культуры, примет и поверий, связанных с ними. Придавая большое значение народному опыту ведения сельскохозяйственных работ, защиты растений, составители обращали внимание собирателей на необходимость их изуче-

ния²¹. Оценивая значимость вопросов данного раздела следует учесть, что тема народных технологий была в это время весьма актуальна, о чем свидетельствует огромное количество всяческих издававшихся пособий о том, как можно использовать народные приемы строительства, плетения из лозы, засолки грибов и т.д. в домашнем хозяйстве горожан.

Еще один раздел, **шестой**, был посвящен семейному быту. Авторы программы, пытаясь охарактеризовать во всей полноте быт семьи, предлагали вопросы о родильных, свадебных и похоронных обрядах. Касались они и такой важной проблемы, как народное воспитание. Подчеркивая необходимость воссоздания полной картины детской жизни и ее обстановки, авторы отмечали важность сбора разнообразных сведений (типы колыбелей, детская пища, занятия, игры, игрушки)²².

Суеверия и гадания стали темой **седьмого раздела** программы²³. В **восьмом разделе**, посвященном народной медицине, предлагалось собирать сведения и местные названия лекарств, применяемых при различных заболеваниях, и т.п.²⁴.

Программа была важным документом, способствовавшим формированию основных фондов музейного собрания и развитию научного направления в деятельности музея. Данная программа выдержала несколько изданий, что свидетельствует о ее актуальности.

Осмысление задач комплектования и сбора предметов происходило в процессе поступления материала, т.к. они далеко не всегда обозначались в проектных документах. Главным ориентиром выступили полевые наблюдения сотрудников музея, тех, кто единственно обладал необходимыми знаниями для дальнейшего развития музейного собрания. Среди обозначенных принципов комплектования начального этапа практически-собирающей работы музея были закрепление за исследователем конкретного района, «конкретной группы этнографических единиц», противопоставление деятельности музея произволу частных скупщиков и коллекционеров при контакте с местными корреспондентами²⁵. Было проведено размежевание функций археологических и этнографических исследований при их координации и объектном объединении, существенно было использование в комплектовании типологических схем и методик реконструкции²⁶, требование сбора предметов разных периодов истории одного народа²⁷, установка на сбор сходных предметов у разных народов с целью отражения принципов общности²⁸ и т.д. Общим для разных исследователей и первых хранителей музея было мнение о необходимости особого внимания к предметам и

явлениям архаики, под которой понимались устойчивые в прошлом элементы культуры, или уходящие из настоящего под воздействием городских и промышленных веяний. Одновременно была провозглашена установка на сбор предметов «новообразования», как А.А. Миллер называл новые явления в народной культуре; поддержка такой позиции в деятельности музея всегда была относительной и менялась в зависимости от времени, но никогда не была массовой.

Необходимо отметить, что первый этап собирательской деятельности (1902–1913) не только заложил основу коллекционного собрания музея, но фактически сформировал основные фонды собрания.

Какой бы отрезок деятельности Российского этнографического музея ни был взят, источники поступления предметов были одними и теми же: экспедиции сотрудников музея и отбор ими предметов на местах, поступления от частных лиц и коллекционеров, передачи от официальных инстанций и общественных организаций, приобретения с выставок. Время от времени изменялось лишь соотношение между этими видами собирательской работы.

Все же дореволюционный период представляется временем, когда к собирательской работе ЭО РМ были привлечены самые разные группы населения. Состав коллекций определялся усилиями сотрудников основного звена музея, носивших звание хранителей. Со временем с расширением кадрового состава сотрудников стали привлекать помощников хранителей, в т.ч. и тех, которые по штатному расписанию были связаны с другими хранителями. Хранители также привлекали корреспондентов, направляя их из Петербурга или привлекая на местах, причем в последнем случае они рекрутировались как из широкого круга энтузиастов, так и из государственных служащих. В собирательской работе участвовали и представители местной аристократии, пример которым подавали члены царской фамилии. Высок был уровень меценатских поступлений, приобретений от коллекционеров и скупщиков антиквариата.

Николай II, управляющий Русским музеем великий князь Георгий Михайлович и другие члены императорской семьи заслуженно могут быть названы первыми фондообразователями музея. От императора поступили подносные блюда и полотенца, парадное оружие, приобретенные на его личные средства коллекции русских вещей И.Л. Шабельской и Ф.М. Плюшкина (в этом поступлении были вещи многих народов России и сопредельных стран), собрание среднеазиатских ковров генерала А.В. Вере-

шагина и начальника Закаспийской области А.А. Боголюбова, коллекция буддистской бронзы князя Э.Э. Ухтомского и пр. Социальный состав собирателей музея дореволюционного периода был весьма разнообразен: чиновники, военные, священники, учителя, ученые, студенты, художники, ссыльные революционеры. Их активность, как и поступление в ЭО РМ многих вещей из частных собраний, говорит о большой популярности нового музея в обществе.

Можно также отметить, что собирательская работа превалировала над хранительской и экспозиционной, что естественно для начального периода деятельности музея. Первая еще не достигла стадии оформления как отдельного направления работы, вторая не концептуализировалась, а следовала за поступлениями в фонды коллекций, что можно признать исполнением формулы представления этнографических реалий вне построения каких-то сложных научных моделей. В дореволюционное время еще не сложились какие-то требования для сбора полевого материала ради решения конкретных экспозиционных задач, поэтому на характер сборов в первую очередь влияла ситуация в поле. Выставки 1904, 1913, 1915, 1917 гг. и другие, имевшие внутренний характер, только констатировали поступления предметов в собрание музея. Музей выступал инструментом сбора комплексного знания о народах Российской империи и, очевидно, достаточно эффективно, если учесть, что его сотрудники были в конце 1910 – начале 1920 г. привлечены к составлению энциклопедической карты страны, в частности, к деятельности Комиссии по описанию племенного состава России.

Тем не менее, в 1910-е гг. были опробованы установки на сбор этнографического материала ради построения выставок с особыми задачами. Например, ЭО РМ участвовал в отборе и сборе материала выставки «Северная Ривьера», задачи которой были в восхвалении колониальной политики Российской империи на Кавказе, а собранная этнографическая коллекция поступила в собрание ЭО РМ²⁹.

Демонстрацией результатов собирательской работы, направленной на отражение этнографических реалий, не ограниченных политическими границами, явился состоявшийся в 1915 г. показ коллекции, собранной хранителем ЭО РМ Ф.К. Волковым в Галиции, на Буковине и в Угорской Руси. В двух залах музея экспонировались предметы материальной культуры, значительную часть которых составили полные комплексы костюмов русинов, бойков, лемков и гуцулов. Важным дополнением на выставке были фотографии, позволившие воссоздать

среду бытования населения пограничных с Польшей и Венгрией территорий³⁰.

Характеризуя принципы экспедиционно-собирательской деятельности начального времени работы музея, следует добавить, что в дореволюционный период деятельность музея была менее всего идеологизирована. Судя по документам и публикациям хранителей, сбор вещей в поле был направлен на подробное представление народной культуры, притом что ядром ее считалась крестьянская традиция.

Предметы крестьянской культуры и составили основные поступления в фонд музея. Однако в дореволюционный период и в незначительной мере в первое десятилетие советской власти *важное место отводилось предметам*, имевшим яркую этническую окраску, но пришедшим, например, от восточных высокопоставленных особ (одежда от карачаевских князей Крымшамхаловых, комплект свадебной кибитки карангайского старшины, предметы дворцового убранства от Тальшинского хана и т.д.). Большая часть поступлений подобного рода прошла через руки российских чиновников и верховного администратора российского императора Николая II. Таким путем в музей попали дары от кабардинских князей, дворян Дагестана, якутских нойонов, бакши донских калмыков, правителей Тибета и пр.

Получение элитных вещей из собраний коллекционеров высокого ранга своеобразным образом было продолжено в 1920-х гг., когда музею передавались предметы из дворцов петербургской знати: Зимнего, Аничкова, Гатчинского, Александровского, дворца великого князя Николая Николаевича и пр. Следует отметить особую роль при этом такой организации как Государственный музейный фонд (ГМФ), контролировавшей «движение» подобных предметов.

Перемещение частей коллекций было особенно характерно для музейного мира России в 1920-х гг. Только за период с 1924 по 1928 г. в Этнографический отдел из ГМФ поступило свыше 8 тыс. экспонатов, к сожалению, без достаточно подробной документации. Для ряда предметов собрание ЭО РМ было временным пристанищем. Так, например, вещи Памятного отдела, ликвидированного в 1918 г., хранились в Историко-бытовом отделе Русского музея, а в 1934 г. были переданы в Государственный Эрмитаж.

Национализация коллекций проявлялась в разных формах: так в музейное собрание включались те экспонаты, которые были отданы ЭО РМ на хранение в сложное время Первой мировой войны и революции. В качестве при-

мера можно привести собрание еврейских вещей Ан-ского или коллекцию оружия и других высокохудожественных изделий В. Оранжевой.

Оглядываясь на первое послереволюционное десятилетие существования этнографического музея, стоит отметить, что в государственной культурной политике именно этнографический музей был местом, куда продолжала поступать часть категории предметов декоративно-прикладного искусства элитарного характера.

Предметы, вывезенные правителями царской России из отдельных ее областей, попадали в собрание РЭМ и гораздо позднее, например, в 1948 г. вместе с передачей фонда Дашковского этнографического музея, входившего позднее в собрание московского Музея народоведения (Музея народов СССР).

1920-е гг. для ЭО РМ проходили под эгидой реализации установки превращения музея в сугубо просветительное учреждение с открытием его для посетителей в 1923 г. и было, несомненно, связано с образованием СССР (1922). Этот период характеризовался продолжением национализации частных собраний и развертыванием экспедиционно-собирательской деятельности, сочетавшей этнографические и археологические методы в кооперации ЭО РМ – ГАИМК (Государственная академия истории материальной культуры). При этом следует отметить относительно слабое давление властей в период восстановления музея после событий 1917–1918 гг. и возросшее «внимание» к учреждению во второй половине 1920-х гг. В краткий период истории России, называвшийся НЭП, власти не предъявляли жестких идеологических требований к работе музеев, как не осуществляли и тоталитарного руководства их деятельностью. В относительно плюралистической системе деятельности музейных учреждений ЭО набрал самостоятельность в сфере собирательской работы, при этом в отношениях с государством имел посредников, таких как ГМФ (движение уже музеефицированных предметов) и ГАИМК (комплектующие фондов через экспедиционную деятельность). Появившийся в то время Историко-бытовой отдел Русского музея принял в фонды некоторую часть предметов, связанных с инновациями индустриально-городской культуры³¹.

В 1920-х гг. собственно собирательская работа ЭО РМ была значительно сокращена и обращена уже к исключительно народной культуре в плане научно-исследовательского изучения в связи с утвердившейся в обществе высокой оценкой роли народных масс в истории. Немаловажную роль в этом сыграл и уже накопленный опыт полевого и кабинетного изучения народной

культуры. О том, что адекватное отражение этнической ситуации первоначально устраивало новые власти, можно судить по их благожелательному отношению к музею в начале первого десятилетия советской власти, когда ЭО РМ был открыт для посетителей на следующий год после образования СССР.

Экспедиции ЭО РМ проводились с достаточным для полевого изучения сроком. Ими руководили ученые, составившие себе имя в науке, многие из них были известны больше как археологи. На Северном Кавказе и Дону работали А.А. Миллер, в Сибири – С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, в Крыму – Г.А. Бонч-Осмоловский, в Средней Азии – Ф.А. Фиельструп, на Северо-Западе РСФСР – Д.А. Золотарев. Такие комплексные экспедиции позволяли собирать материалы, иллюстрировавшие существование долговременных традиций, имевших массовое распространение, как, например, предметы из собрания А.А. Миллера по горному земледелию у осетин, поступившие в результате работы Северокавказской экспедиции ГАИМК.

Очень интересный период работы ЭО РМ в 1920-х гг. еще не получил своей полной оценки, но уже сейчас можно отметить имевшееся в те годы продолжение сбора этнографического материала в духе объективизма, характерного для дореволюционной этнографии и культурологии, и достижение высот палеоэтнологического подхода, сочетавшего методы этнографии и археологии, что во многом определило характер полевого материала, поступившего в собрание музея. В персональном отношении это было время, когда в музее работали самые известные отечественные этнологи и археологи.

При этом сохранялась относительная независимость полевой работы от других видов музейной деятельности, и комплектование вещевого собрания не диктовалось идеологическими установками музейной пропаганды. Активизировалась экспозиционно-просветительская работа музея, связанная с открытием в 1923 г. экспозиций музея.

До конца 1920-х гг. в среде ЭО РМ задачи трансляции представлений об этническом составе государства, цели идеологии ВКП(б) и позитивистки-ориентированного народоведения совпадали или, по крайней мере, не находились в позиции острого конфликта. Объективно 1920-е гг. были рубежом того времени, когда архаика в народной культуре еще не стала вытесняться инструментальными приемами государственной социальной политики, субъективно – временем наибольшей свободы индивидуальной научной деятельности.

Конец 1920-х гг. ознаменовался переходом к строительству общества, которое, по одной версии, называют обществом социального единства, по другой – тоталитарным. Его основополагающим принципом было всеобъемлющее партийное руководство в различных сферах общественной жизни, осуществившееся в социально-идеологическом монизме, безусловном до середины 1950-х гг. Музеям в этом случае уделялось большое внимание, поскольку они должны были сыграть важную роль в воспитании народных масс, но в другом контексте, чем это представлялось до революции.

Советские музеи должны были не увлекать народ образцами народного творчества, возмечивавшими прошлое, а отражать установки модернизирующегося общества с приоритетом идей социалистического строительства. Для этнографических музеев такой подход в указанное время означал переориентацию в комплектовании от предметов традиционно-бытовой культуры к сборам вещей инновационного образца. Подобных изделий, которые могли бы быть отнесены к порождениям прогресса в советское время, существовало очень немного. Одним из следствий этого было возникшее в верхах представление об этнографии как науке, ориентированной в прошлое и не адекватной эпохе переустройства общества. Положение было спасено в ходе дискуссии о возможности существования марксистской этнографии (1929–1932), первоначально сулившей трагические перспективы для ЭО РМ как учреждения, существовавшего по дореволюционным принципам. На фоне глубочайшей трансформации советского общества конца 1920 – начала 1930-х гг. специалистами была выработана компромиссная формула об этнографии как вспомогательной исторической науке, поставляющей материалы для изучения «объективного процесса смены общественно-экономических формаций», исследующей общества, не перешедшие на стадию нации и пребывающие на стадии первобытно-общинного или раннеклассового общества³². Предлагалось также изучать «явления культуры, которые коренятся в далеком прошлом, и пережитки, которые остаются в среде общества от предшествующих докапиталистических периодов его развития»³³. Это не спасло от нападков никого из столпов отечественной науки, но сохранило этнографию в СССР как научную дисциплину.

Перед музеями была поставлена задача стать местами пропаганды истории народов, выраженной в яркой, доступной малограмотным людям форме. Примечательно, что Первый Всероссийский музейный съезд отметил, что в этом

направлении музеи могут быть сильнее кинематографа³⁴. Выходившие в 1930-е гг. партийные и правительственные постановления выделяли лидерство экспозиционной работы как одной из форм политико-просветительской деятельности над всеми другими, в том числе исследовательской и собирательской. Начало 1930-х гг. в этом плане действительно стало переломным, приоритеты поменялись местами, с этого времени утвердилось представление о разделении функций музея как активного участника идеологического диалога с обществом и как хранителя культурного наследия. При этом, в советский период истории музейного дела декларировался приоритет воспитательной роли музеев, легко переходящей на прямые ее формы, что загоняло музеи этнографического профиля в программный тупик, вынуждая искать в сохранении традиции, феноменально воспроизводящей архаику, прогрессивные новации, а затем обнаруживать в инновациях положительные и аттрактивные этнические признаки.

В 1930-х гг. в экспозициях музея все большее место стали занимать тексты, графики, диаграммы, диорамы. Их использование отвечало духу и букве руководящих партийных и государственных документов. Применение графически-знакового материала нельзя не рассматривать в контексте происходившей в стране так называемой «культурной революции», т.е. процесса быстрого обучения народа основам грамотности, письменного способа передачи информации, что, как установлено, вызывает временную повышенную восприимчивость к печатному тексту, лозунгу и к их разновидностям в форме указанных экспозиционных средств. Однако для музеев их использование вызывало недоверие к вещи как источнику информации, что, в свою очередь, влияло на принципы комплектования.

Одним из результатов кризиса общественной мысли, этнографической науки и работы самого музея в 1930-е гг. была временная утрата собственных приоритетов, что выразилось в обращении к комплектованию предметами, не имевшими корней в народной культуре, но принадлежавшими миру индустриальной культуры, активно вводимыми в быт и особо в сферу сельского и кустарного производства. Так стали приобретаться фабричные плуги, электропилы, культовары, одежда фабричного производства. Их приобретение нельзя считать вполне навязанным музею сверху, поскольку сам скачок в развитии общества был исторически оправдан и отвечал чаяниям большей части образованных слоев общества, в том числе и музейных сотрудников. Однако искажение принципов

музейного комплектования в этнографическом музее позволило сделать важный вывод: музей не должен приобретать предметы, являющиеся инновациями (если на то нет особых причин), но его должны интересовать результаты появления этих инноваций в народной культуре, ведущих к изменению в этнической традиции.

В 1934 г. ЭО РМ стал самостоятельным Государственным музеем этнографии (ГМЭ, с 1948 – ГМЭ народов СССР). До 1941 г. шла очистка фондов музея от «непрофильных» материалов³⁵: археологических предметов (включая ныне знаменитые результаты раскопок Пазырыкских курганов), задержавшегося на некоторое время в ГМЭ собрания фондов Историко-бытового отдела (так в Эрмитаж были перемещены ценнейшие образцы русского городского костюма XVIII – начала XX вв.³⁶), часть предметов из прежних дворцовых собраний и пр. Дважды менялся профессиональный состав сотрудников музея: в 1932–1934 гг. произошло устранение специалистов с дореволюционной базой знаний, а в конце 1930-х гг. в другие учреждения перешли сотрудники музея, посчитавшие работу на новом месте, очевидно, более престижной.

К осени 1937 г., очевидно, ГМЭ в системе музейных учреждений СССР стал рассматриваться ведущим этнографическим музеем, после краткого периода закрытия в 1937 г. была восстановлена его работа, в то время как значимость аналогичного музея в Москве неуклонно снижалась.

Вследствие произошедших с середины 1930-х гг. перемен в советской науке можно говорить о частичной реабилитации этнографического факта после «революционных свершений первого десятилетия»; тогда началось восстановление значения этнографии, в том числе и в праве обладать собственным предметом изучения. С середины 1930-х гг. постепенно предметом этнографии (правда, еще без четкого обозначения) определяется бытовая народная культура, преимущественно сельская.

Однако значение народной культуры могло получить признание либо как существующей в историческом антагонизме с культурой эксплуататорской верхушки, либо в контексте вхождения в культуру урбанизирующегося социалистического общества. Эти оценки декларируются в материалах внутримузеевского совещания 1938 г., масштабы дискуссии на котором в дальнейшем никогда не возрождались в истории ГМЭ³⁷. В соответствии с идеями дискуссии выделенные в процессе научной работы социальные характеристики «этнографического факта» транслируются в программы экспозици-

онного строительства, а в комплектовании собрания этнографических музеев открывается право на поступление предмета традиционно-бытовой культуры, в котором желательно видеть этнические свойства. Вследствие этого в ГМЭ оживляется экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность, ее обычной формой становится поездка одного или нескольких сотрудников на срок около месяца в места расселения конкретного народа или этнографической группы для сбора вещей с целью подготовки экспозиции или пополнения музейного собрания. Приобретение от респондентов на текущий момент обретает самостоятельность; такие поступления уже менее регулируются концепцией комплектования, чем в дооктябрьский период. Увеличивается роль поступлений с временных выставок, из других музеев, передач из других инстанций – в том числе, когда решение о приобретении экспонатов принималось за пределами этнографического музея. В целом подобная практика сохраняется до настоящего времени.

По сути, данные принципы комплектования действовали с середины 1950-х гг. (хотя единично фиксировались и в 1940-е гг.). Причиной тому было вызванное Великой Отечественной войной и последующим восстановительным периодом естественное смещение акцентов в деятельности музея на вопросы сохранения и восстановления имеющегося фонда. Собрания музея продолжали пополняться и в 1940–1950-е гг., в том числе и за счет экспедиций, однако в это время совершенно не могли возникнуть условия для выработки концепций и их обсуждения.

Без обоснования научной позиции произошло включение в фонды музея части собрания московского Музея народов СССР (МН СССР), данное событие де-факто сделало ГМЭ главным этнографическим музеем страны. Надобности в концепции слияния этих фондов не было отчасти потому, что соединение коллекций не вытекало из логики музейного дела, а также из-за определенной недосказанности, связанной с закрытием московского музея. Несомненно, что принятие материалов МН СССР потребовало большого времени и серьезной технической обработки. Долгие годы этот фонд воспринимался сотрудниками музея несколько отдельно от собственного собрания, имел своеобразную систему учета, и лишь относительно недавно в документации к нему стали применяться принятые в РЭМ принципы поколекционного учета.

В период с конца 1930-х и по 1950-е гг. и далее, в 1960–1970-е гг., осуществлялся собственный поиск базы принципов комплектования музея, который нашел отражение и в полевой работе.

Этот поиск можно связать с работой ряда сотрудников музея – сильных личностей, выработавших свой стиль научной и практической деятельности в условиях существовавшего в обществе идеологического контроля, оставивших большой след в работе музея в целом и имевших собственные интересы в исследовании этнографических реалий. Среди них следует назвать А.С. Морозову, возглавлявшую отдел народов Средней Азии с конца 1930-х до начала 1970-х гг. и руководившую музеем в годы Великой Отечественной войны; сотрудника того же отдела М.В. Сазонову, зам. директора по науке в 1950-е гг.; Е.Н. Студенецкую, проработавшую в музее с 1930 по 1982 г. и большую часть этого срока возглавлявшую отдел народов Кавказа (в 1960-е гг. она совмещала руководство отделом с работой зам. директора по науке); Т.А. Крюкову, сотрудника музея с 1932 по 1977 г., одного из создателей, а с 1944 г. – бессменного руководителя отдела народов Поволжья и Приуралья. Становление этих сотрудников как ученых произошло в трудные 1930–1940-е гг.

Значение таких фигур, как Е.Н. Студенецкая и Т.А. Крюкова, было очень велико и потому, что они лично обеспечили в музее духовную преемственность от этнографии начала 1920-х гг. с присущим ей сочетанием революционного поиска и традиций академизма российской науки. Каждой из них было проведено несколько десятков экспедиций, отснято множество кадров фото пленки, написано значительное количество полевых дневников, собраны сотни экспонатов. Они создали экспозиции по народам Северного Кавказа (Е.Н. Студенецкая) и по народам Поволжья и Приуралья (Т.А. Крюкова). Каждая из исследовательниц на фоне общей музейной работы имела приоритетные научные темы. Для Е.Н. Студенецкой это было изучение культуры карачаевцев, народного костюма северокавказских горцев, войлочных изделий³⁸; для Т.А. Крюковой – изучение культуры и быта марийцев, костюма народов Поволжья, народного прикладного искусства³⁹. Объединял их и интерес к современности. Личность А.С. Морозовой – пример сочетания в музейшике профессионализма этнографа, экспозиционера, полевого, специализировавшегося на изучении культуры туркмен, казахов, каракалпаков, и партийного лидера⁴⁰.

Затронутая тема обычно не является предметом обсуждения, но правильным будет подчеркнуть влияние научных интересов конкретного исследователя на тематику комплектования музейных коллекций. Официально наличие личностных интересов в науке достаточно часто подвергалось осуждению, борьба

с «мелкотемьем» шла с переменной интенсивностью все советские годы. Однако согласно одному из положений науковедения, выделение предмета исследования происходит через осознание интересов науки, которые связаны и с интересами отдельных личностей.

Во второй половине XX века сложилась система координации индивидуальных научных интересов, когда каждому сотруднику предлагалось специализироваться в изучении этнической культуры одного или группы народов, а также разрабатывать один из разделов народной культуры – одежда, украшение, утварь, вышивка, народное искусство и пр. Подобная организация исследовательской работы, несомненно, влияла на практику комплектования и сбор предметов в поле.

С середины 1950-х до начала 1980-х гг. в области комплектования определились общие для всего музея установки. Первая из них – сбор предметов для строящихся экспозиций и выставок музея. Вторая – изучение традиционной и современной этнографии. Следует отметить, что в указанный период было приобретено много изделий народных ремесел и художественных промыслов. С 1970-х гг. музей занимался изучением и пропагандой так называемого советского образа жизни и новой исторической общности – советского народа⁴¹.

Экспозиции РЭМ второй половины XX века – это многообразные комплексные образования «монографического характера», т.е. посвященные этносу или группе этносов с раскрытием различных сторон материальной и духовной культуры, начиная от первичного производства (хозяйства) и заканчивая религиозными установками и элементами национального самосознания. Различные концепции этноса, предлагавшиеся в советской науке, определялись подходами материалистической философии. Главное внимание должно было направляться на те этносы, которые в пределах СССР обладали национальной территорией и органами власти, при этом предполагалось, что экспонироваться и собираться будут только памятники традиционной культуры. Все это порождало множество противоречий в осмыслении роли этнографического музея в сбережении и комплектовании наследия этнической части культуры. Важно отметить, что построение такой экспозиции требовало привлечения материала, не являющегося предметом этнической культуры от элементов политической культуры общества до метакультурных предметов (широко распространенные орудия труда, предметы религиозных культов). В теоретическом плане музейные работники раньше ученых

академических институтов вышли на проблему различия этнической культуры и культуры этноса, и, соответственно, к решению таких вопросов, как, например, насколько простирается этническое начало в любом бытовом предмете и где проходит граница между бытовыми и внебытовыми формами этнической культуры. В практическом плане обозначилась проблема различия между предметами, несомненно являющимися носителями этнографической информации и необходимыми этнографическому музею (предметы основного фонда) и предметами, не обладающими этими признаками, но нужными музею для решения конкретных экспозиционно-выставочных задач (предметы научно-вспомогательного фонда).

Необходимость отражения современности осознавалась всеми. Так возникла постановка вопроса об изучении традиционной и современной этнографии. Этнографической науке характерного периода не удалось дать приемлемого определения этнографии современности, которое было бы общепринятым. Возможно, что одним из удачных вариантов подхода к проблеме «этнографии современности» является предложенный в конце 1940-х гг. тезис Е.Н. Студенецкой о необходимости выделять при изучении и комплектовании культуры этноса те явления, которые будут существовать и развиваться в дальнейшем, что наделяло науку мало применяемой в этнографии функцией прогнозирования⁴². Формально выделение «традиционной этнографии» облегчало работу исследователей в этой области, но оно неоправданно снимало вопрос о сути понятия, т.к. часто самым простым было признание главными признаками предметов традиционной этнографии тех вещей, которые были изготовлены в прошлом и превращались сейчас в раритеты. Однако в ходе практической полевой работы сотрудников ГМЭ в 1950–1970-х гг. все же образовался слой материальных объектов, в которых традиционные признаки сочетались с теми, которые дала индустриально-городская культура. Их объем в собрании музея оказался достаточным для строительства ряда экспозиций, среди которых первое место, несомненно, принадлежит экспозиции «Новое и традиционное в современном национальном жилище и одежде» (1969). Как известно, любое явление, развивающееся количественно и качественно обозначенное, имеет свой путь развития, что и произошло с фондом вещей по этнографии современности в музее, обретших потенциал собственного экспонирования⁴³.

В 1960–1970-е гг. этнографические музеи затронула спущенная сверху программа про-

паганды советского образа жизни. В том виде, как это декларировалось в руководящих документах, данная задача была невозможна для разработки в музее, т.к. требовала комплектования деэтнизированных вещей и отказа от экспонирования предметов, демонстрирующих этническую самобытность. Однако она стимулировала размышления о роли, значении и признаках предметов мета- и интеркультурных, но не лишенных этнических признаков, например, связанных с процессами модернизации, или предметов традиционно-бытовой культуры, но по разным причинам, общих для различных этносов.

Ответом на возрастание проблемности в основной деятельности музея стала внутренняя дискуссия в ГМЭ (1980), посвященная вопросам выработки концепции комплектования этнографического музея. Директивных документов дискуссия не породила, но выявила два подхода к проблеме.

Согласно первой из них (авторы В.А. Дмитриев и Н.М. Калашникова) комплектование должно исходить из отражения процессов, происходящих в жизни этноса, на базе его этнической культуры. Подход соответствовал развивавшемуся в науке данному периоду представлению о традиции как изменяющемся и обогащаемом инновациями культурного феномена⁴⁴. В соответствии с этим традиция сама стала рассматриваться как совокупность процессов. Эти процессы состояли, во-первых, из сохранения элементов и структур традиционно-бытовой культуры; во-вторых, из создания смешанных форм культуры, сочетающих элементы традиционной культуры и культуры индустриально-городской (причем сочетание имеет тенденции выживания и развития в будущем); в-третьих, из создания инновационных форм, порожденных явлениями современности и являющихся вторичными по отношению к этнической традиции, но, тем не менее, служащих для выявления и удовлетворения потребностей этноса. Возникшие в результате этих процессов явления и вещи предлагалось называть национально окрашенными. Критерием для отбора таких предметов предлагалось считать наличие в них признаков, дающих информацию о самих предметах и о культуре, к которой они принадлежат. Поскольку конечным критерием включения в собрание музея предлагалось считать свойства предметов, отражающих указанные процессы, то они обозначались как потенциальные этнографические экспонаты⁴⁵.

Вторая концепция (авторы А.В. Коновалов и Е.Я. Тимофеева) требовала поиска матери-

ального объекта, обладавшего признаками традиционности в форме, материале, способе изготовления, орнаменте и способах бытования (ареал, длительность и способ существования)⁴⁶.

Если сравнивать обе парадигмы, то первая предназначена для удержания исследовательской (включая комплектование) работы в рамках общих подходов этнографической науки и обществознания, а вторая ориентирует на формирование особой (для ГМЭ-РЭМ) подзоны предмета этнографии. В признании приоритета одной из них существует причина сохранения в научном коллективе музея сторонников изучения ситуации в этнической среде и сторонников изучения локального культурного наследия, хотя ясно, что обе позиции являются частью диалектической пары оценки этнографического предмета.

На дискуссию, открытую музейными специалистами, откликнулись коллеги-этнографы, в том числе А.С. Мьльников, который считал возможным объединить оба подхода под понятием «этнографического источника», необходимого этнографическому музею⁴⁷. Сегодня предложенная позиция нам представляется не совсем верной, поскольку первая концепция предусматривает не только добычу информации в виде самого предмета, но и манипулирование им при создании экспозиции в пределах адекватности исторической реальности. Исходя из этого, можно по-другому, чем ранее отмечено, расставить акценты: первую точку зрения можно назвать концепцией комплектования, предполагающей сбережение и использование части культуры, а вторую – концепцией сбора этнографических предметов в их конкретном понимании и являющейся, таким образом, подсистемой концепции комплектования.

В соответствии с принятой в музее в 1970–1980-х гг. установкой на сбор экспонатов по традиционной этнографии (заполнение так называемых лакун, работа по специально разработанным программам для этнографических атласов) и комплектование фондов предметами «по современности», собирательская работа шла в двух направлениях: фиксация и по возможности приобретение памятников традиционной культуры и изучение явлений сохранения и развития самобытных этнокультурных традиций. Основными темами этого периода были изучение и сбор информации по современной одежде и жилищу, обрядам и праздникам, предметам народного искусства и промыслов, что обуславливалось широко развернувшейся работой по созданию экспозиций, отражающих этнографические аспекты современного образа жизни. Среди сотрудников ГМЭ постоянно возникали

частные дискуссии об этнографическом содержании предметов декоративно-прикладного искусства, изделий художественных промыслов и Домов моделей, сувенирной продукции. Показательно, что в числе одной из тем, подвергшихся острому и незаконченному обсуждению, была работа по сбору этнически окрашенных изделий легкой промышленности.

Тому времени (1950–1980) была свойственна разработка частных программ полевой деятельности; подразумевалось, что они каким-то образом следуют общей концепции, отраженной в Программе для собирания этнографических предметов начала XX в.

Примечательно, что в последнее десятилетие этого периода появился новый жанр изданий музея – методические рекомендации по отражению музейными средствами явлений современности, включавшие и разработки традиционной проблематики⁴⁸. Что касается общего подхода к принципам комплектования, то можно констатировать его смещение к разработке видов целевого сбора поступающего материала.

С 1990-х гг. сфера исследовательских интересов музея стала гораздо шире изменившихся политических границ. Вместе с тем много регионов, где прежде работали сотрудники музея, оказались закрытыми для сбора вещей, хотя со временем проникновение в них стало упрощаться. Уменьшение политического пространства современной России по сравнению с территориями СССР и царской России при наличии музейного фонда РЭМ, собранного с гораздо более широкой территории, чем даже пространство царской России, явилось причиной тому, что само собрание музея стало получать не только национальную, но и евразийскую оценку. Развиваются также представления о центральном этнографическом музее как музее российской цивилизации. Таковы, очевидно, политические аспекты целей комплектования дальнейшего собрания Российского этнографического музея. Их влияние на принципы комплектования имеет опосредованный характер, но не может не быть принятым во внимание, если относиться к концепции комплектования как к главному проекту стратегического развития музея.

После 1990 г., когда был опубликован последний комплексный документ по концепции комплектования РЭМ, прошло время, сопоставимое с продолжительностью демографического поколения. При этом изменения, произошедшие за этот период с объектом этнографической науки и фондообразования музея, оказались особенно значительными. В их числе – состоявшийся переход российского общества в состоя-

ние модернизированной (урбанистической, индустриально-городской) культуры и частично культуры постмодерна (информационного общества) с сохранением отдельных компонентов традиционной культуры; переход архаики, как основной составляющей традиционной культуры, в латентную форму; повсеместное распространение «вторичных форм» народной культуры⁴⁹; тотальное сокращение бытования предметов традиционно-бытовой этнической культуры, массовый уход по естественно-демографическим причинам носителей традиционного знания и знания о традиционной культуре из среды ее бытования, замена их экспертами из профессиональной среды науки и просвещения. Произошедшее на рубеже тысячелетий изменение традиционной культуры явилось столь резким, что предлагает иную модель, чем плавное изменение традиции благодаря адаптации инноваций, что в настоящее время ведет к усилению полярных областей культуры: первой, традиционно-архаической, и второй, порожденной воздействием модернизации, как принятой, так и отвергнутой.

В последнее время обозначились и определенные гносеологические трудности в развитии стратегии этнографического музееведения, вызванные сдвигом интересов академической этнологической науки в сторону культурально-антропологической проблематики, тогда как сложившееся музейное собрание требует придерживаться стратегии сосредоточения основной деятельности музея на парадигме значения этнокультурного наследия.

Все же, формулируя генеральную линию существования музейного собрания, его пополнения и использования, отвечающую за формирование в т.ч. концепции комплектования, следует обратить внимание на структуру базиса этнографического музееведения в РЭМ. В нем, несомненно, присутствует постоянное ядро, отвечающее решению задач формирования музейно-этнографического источника в соответствии с существующим на данный момент его концептуальным пониманием. Концепция музейно-этнографического источника, в свою очередь, исходит из общих положений науки и ее развивающихся установок. Однако в силу общественной роли музея и его положения в системе учреждений культуры этнографический музей постоянно включает в свое собрание предметы, которые расцениваются как «сомнительные» этнографические источники или как сопутствующий материал. Разделение источников отчасти отражается в отнесении предметов музейного собрания к основному и научно-вспомогательному фондам, но, очевидно, не

имеет в нем адекватного решения. При взгляде на эту проблему под несколько иным ракурсом возникает сомнение в возможности полного концептуального выделения этнографических предметов из круга культурно-исторических (историко-бытовых) предметов.

В ядро музейного собрания, несомненно, входят предметы, принадлежащие к состоявшимся этнокультурным традициям, и, следовательно, попадающие под определение исчезающего наследия. Данный набор источников менялся на протяжении XX в., но имеет оценку устойчивости и постоянства через соотнесение с образцами традиционно-бытовой культуры конца XIX – начала XX в. Так как традиция представляет собой меняющееся явление, то следует отметить, что к базовому набору источников постоянно присоединялись элементы, порожденные соответствующей эпохой. Для дореволюционного периода дополнениями были предметы быта социальной элиты царской России, в 1920-х гг. их собиратели брали из предметов древности археологического происхождения, в середине 1930-х гг. – из бумажной вторичной документации, деэтнизированных образцов индустриальной промышленности, в предвоенный период – из материалов, достаточных для построения экспозиции «История России XVIII–XIX вв.», альтернативной остальным экспозициям музея. Такие части фондового собрания РЭМ были со временем переданы в другие музеи.

В 1960–1980-е гг. в фактически сведенном в предшествующие годы к основному ядру собрания РЭМ снова стали формироваться дополнительные тематические совокупности предметов – в этом случае оно включило в себя то, что определяется как предметы этнографии современности и документы советской эпохи. Очевидно, сейчас эти предметы ждет дифференцированное исследование; у части из них есть возможность поднятия этнографического статуса, для других потребуются более сложная культурологическая оценка.

Несомненно, что для настоящего времени все предметы сохранившихся в музее дополнительных тематических образований, возникших ранее, имеют историографическую ценность и являются частью истории РЭМ и развития музейного дела в стране. При этом заметно, что уже идет процесс образования новых тематических групп артефактов, статус которых более всего будет вызывать дискуссию. Приблизительно данную категорию этнографических источников, часть из которых носит не вещевой характер, можно определить как *результаты модернизации этнической культуры, получившие оценку этнически-окрашенными*.

В научном коллективе РЭМ, работающем в XXI в., присутствует мнение об актуальности специального глубокого обсуждения концепции комплектования музея в XXI в. Предварительно выделяются следующие мнения, имеющие коллективный характер:

- безусловно признать необходимость комплектования объективированных предметов культуры с признаками архаики;
- признать музейным предметом тот, в котором сохраняется информация об этнокультурной традиции;
- отметить различие этнографического и историко-бытового материала, включение которого в собрание музея может быть допущено для подготовки части экспозиций (обстановочные сцены и другие экспозиционные комплексы);
- допустить частичные поступления в собрание музея реконструкций, дублей и реплик этнографических предметов;
- принять понимание иерархической сложности этнографического объекта комплектования, отметить наличие в нем признаков локальной и региональной культуры;
- признать наличие незаполненных лакун в собрании собственно этнографических предметов музея: стадийно-временных (предметы «советского периода» как перехода от традиционной культуры к индустриальной и постиндустриальной), структурных (недостаток бытовых предметов ручного производства и устойчивого бытования, ранее не поступавших из-за отсутствия в них выраженных этнических признаков);
- признать факт глубоких изменений, произошедших в этнической культуре народов России в XX в., и наличия ее кардинально иного состояния по сравнению с реалиями начала XX в., когда была предложена единственная комплексная программа сбора этнографических предметов музейного значения.

Данные замечания, не являясь единодушно разделяемыми, тем не менее имеют широкую поддержку, чего нельзя сказать об отношении к комплектованию предметов, порожденных воздействием модернизации (предметы промышленного производства, изделия, выделяемые только по наличию национальной символики, сувениры, изделия специализированных народных промыслов, авторские произведения и т.п.). Существуют различные точки зрения.

Складывается ситуация, диктующая необходимость концентрации интеллектуальных усилий для осмысления функции центрального этнографического музея, т.е. музея, ориентированного на поликультурность и всеобщность этнографических признаков в том состоянии общества, когда этнические традиции реализу-

ются в основном, если не во вторичных формах, то в других вариантах по отношению к тому времени, когда создавалась первая концепция комплектования музея. За прошедшее столетие изменились объект и предмет этнографической науки и этнографического музееведения. Музейная мысль, на самом деле, отслеживала эти изменения и рефлексировала в их отношении – как при их концептуальном осмыслении, так и в повседневной практической деятельности.

В задачи настоящей статьи не входит конкретизация пунктов проекта концепции комплектования собрания российского этнографиче-

ского музея на настоящем этапе существования. Полагаем, что их формулировка будет предпринята в отдельной работе. Полагаем также, что прошедшие за отрезок с 1902 по 2017 г. изменения положений и представлений о сути комплектования собрания РЭМ было процессом развития научной мысли, которому должен быть предложен толчок к продолжению. Скорее всего, продолжение разработки концептуальных подходов к комплектованию музейного этнографического материала может быть связано с новым осмыслением понятия культурного наследия.

¹ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978; Решетов А.М. Музей антропологии и этнографии РАН в последней четверти XIX – первой четверти XX века: Проблемы создания и организации // Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. – Т. 1. – СПб., 1996. – С. 9–44.

² Следует помнить, что структура комплексного Русского музея (1895–1934) была трехчастной. В дореволюционное время в ее состав входил т.н. Памятный отдел, посвященный сугубо значению личности императора Александра II. Научное значение этого отдела было незначительным. Совершенно другой должна быть оценка деятельности Историко-бытового отдела Русского музея (1921–1934), существование которого заполняло лакуну между этнографическими собраниями и собраниями творчества профессиональных художников и скульпторов. Только триада – Художественный, Этнографический, Историко-бытовой отделы – делала Русский музей 1920-х гг. историческим и национальным, но из них исключительно у Историко-бытового отдела была тематика, относящаяся к бесперспективному историческому прошлому: крестьянский и дворянско-мещанский быт русских, что определило его разгром после раздела комплексного музея в 1934 г.

³ Славяне Европы и народы России. К 140-летию первой этнографической выставки 1867 года. – СПб.: Славия, 2008. – 256 с.

⁴ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁵ Отчет о деятельности Русского музея за 1900 г. – СПб., 1901. – С. 15.

⁶ Отдельный оттиск на правах рукописи. Приложение к протоколу 3-го предварительного совещания по вопросу об устройстве и организации этнографического отдела Русского музея. – СПб., 1901. См. также: Пигмалион музейного дела России. – СПб.: Лань, 1998.

⁷ Радлов В.В. О задачах и распределении русского этнографического музея // Протокол второго (состоявшегося 13 февраля 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. – С. 1.

⁸ Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии // Живая старина. – 1916. – Вып. 1. – С. 11.

⁹ Архив РАН. Ф. 1. Оп. 1а, 1903. Д. 150. Л. 66.

¹⁰ Протокол второго предварительного совещания. Указ. соч. – С. 5.

¹¹ Архив СПбФИВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 120. Л. 6.

¹² Программа для собирания этнографических предметов. – СПб.: Изд-е III Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, 1904. – С. 2.

¹³ Там же. – С. 6.

¹⁴ Там же. – С. 7.

¹⁵ Там же. – С. 15–22.

¹⁶ Там же. – С. 16.

¹⁷ Там же. – С. 21–25.

¹⁸ Там же. – С. 24.

¹⁹ Там же. – С. 25–32.

²⁰ Там же. – С. 32–37.

²¹ Там же. – С. 38–47.

²² Там же. – С. 47–50.

²³ Там же. – С. 50, 51.

²⁴ Там же. – С. 51.

²⁵ Молотова Л.Н. Е.А. Ляцкий и его деятельность в Этнографическом отделе Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сборник – СПб., 1992. – С. 14–25.

²⁶ Дмитриев В.А., Иванова В.П. А.А. Миллер – археолог и этнограф-кавказовед // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сборник. – СПб., 1992. – С. 26–40.

²⁷ Там же. – С. 32.

²⁸ Черунова Н.К. Ф.К. Волков и его работа по комплектованию коллекций этнографического отдела Русского музея // Из истории. Указ. соч. – С. 52–61.

²⁹ Обзор выставки Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера». Приложение к журн. «Вестник выставок». – СПб. 1913. – 20 с.; Каталог сельскохозяйственной и Культурно-промышленной выставки Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера». – СПб., 1913 (ноябрь–декабрь). – 83 с.

³⁰ Указатель временной этнографической выставки русского населения Галиции, Буковины и Венгрии. – Пг., 1915; Крыжановский Б.Г. Женская одежда Центральной Украины. – Л., 1923.

³¹ Закс А.Б. Историко-бытовой отдел Русского музея. 1918–1941 гг. // Труды Научно-исследовательского института музееведения. – 1962. – Вып. VII. – С. 240–285.

³² Матороин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. – 1931. – № 1–2. – С. 3–38; Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // Советская этнография. – 1932. – № 3. – С. 3–14; От классиков к марксизму. Совещание этнографов Москвы и Ленинграда

(5–10 апреля 1929 г.) – СПб.: Кунсткамера, 2014. – С. 70–76.

³³ Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // Советская этнография. – 1932. – № 3. – С. 3–14.

³⁴ Труды Первого Всероссийского музейного съезда: Протоколы пленарных заседаний 1–5 декабря 1930 г. – М., 1931. – Т. 1. – С. 22.

³⁵ В 1932–1934 гг. значительные коллекции были переданы в Эрмитаж и из Музея антропологии и этнографии; см.: От классиков к марксизму. Указ. соч. – С. 11.

³⁶ Коршунова Т.Т. Костюм в России XVIII – начала XX века. Из собрания Государственного Эрмитажа. – Л.: Художник РСФСР, 1979. – 240 с.

³⁷ Протоколы совещаний при директоре ГМЭ о профиле ГМЭ. Совещание научных работников ГМЭ, посвященное обсуждению профиля ГМЭ, положения о ГМЭ и пятилетнего плана развития ГМЭ // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 716.

³⁸ Дмитриев В.А., Селинкова Е.Я. Евгения Николаевна Студенецкая (1908–1988). – Армавир, 1997; Дмитриев В.А., Иванова В.П. Е.Н. Студенецкая – этнограф-кавказовед (к 80-летию со дня рождения) // Доклады среднеазиатско-кавказских чтений. – Л., 1990. – С. 3, 4.

³⁹ Личность и творчество (к 95-летию со дня рождения Т.А. Крюковой). – СПб., 2000.

⁴⁰ Емельяненко Т.Г. А.С. Морозова и ее деятельность в Российском этнографическом музее // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2000–2001 гг. Краткое содержание. – СПб., 2002. – С. 9, 10.

⁴¹ Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода. / Сост. Бабаянц Г.Н., Горб Д.А., Студенецкая Е.Н., Хазова Н.М., Яглинская Э.А. – Л., 1979.

⁴² Студенецкая Е.Н. Современное кабардинское жилище // Советская этнография. – 1948. – № 4. – С. 105–123.

⁴³ Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде / Сост. Новикова Г.И. – Л., 1983.

⁴⁴ Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. – Ереван, 1973; Традиция в истории культуры. Сб. ст. / Отв. ред. Карпушин В.А. – М., 1978. – 281 с.; Арутюнов С.А. О вхождении инновации в традицию // Советская этнография. – 1981. – № 1–2; Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // Советская

этнография. – 1981. – № 2. – С. 97–99; Данилова Л.В. Традиция как специфический вид социального наследования // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 48–51; Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 78–97; Соколов Э.В. Традиция и культурная преемственность // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 56–59; Куббель А.Е. Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация // Советская этнография. – 1985. – № 6. – С. 17–28; Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 160–165; Гофман А.Б. Традиции // Культурология. XX век. Словарь. – СПб., 1997. – С. 480, 481; Ледовская О.В. Роль традиций в современной культуре: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.13 – Ставрополь, 2006. – 151 с.; Она же. Роль традиций в современной культуре // Инф. ресурс.: Ледовская, Оксана Викторовна dissland.com/catalog/rol_... копия (20.08.2017).

⁴⁵ Дмитриев В.А., Калашникова Н.М. О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе // Советская этнография. – 1989. – № 2. – С. 82–93; Научное комплектование фондов этнографического музея. Методические рекомендации. – Л., 1990.

⁴⁶ Коновалов А.В., Тимофеева Е.Я. К определению понятия этнографический предмет // Тезисы докладов научно-практической многосторонней конференции «Музей и этнографические проблемы современности». 2-я секция. 1987. С. – 1–3.

⁴⁷ Мыльников А.С. О методологических аспектах этнографического музееведения // Советская этнография. – 1991. – № 2. – С. 159–161.

⁴⁸ Новикова Г.И. Примерная программа сбора материалов по современному периоду для историко-краеведческих и этнографических музеев. – Л., 1986; Она же. Советская обрядность как объект отражения в этнографических и других музеях. – Л., 1989.

⁴⁹ Чистов К.В. Проблема вторичных форм в фольклористике и этнографии // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 1975. – № 5. – С. 32–41; Он же. Народные традиции и фольклор. – Л.: Наука, 1986. – С. 45–56; Сабирова А.М. Вторичные формы в народной культуре // Aspectus. – 2016. – № 4. электронный журнал. cs.aspectus.info/-/_09SaXfZVHqZF...

Проблемы комплектования этнографических собраний в последней четверти XIX в.

ИЗАБЕЛЛА ИОСИФОВНА ШАНГИНА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
отдела этнографии русского народа
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

Статья посвящена вкладу русских ученых в последней четверти XIX в. в создание концепции комплектования этнографических памятников в музеях России. Концепция, разработанная В.Е. Барсовым, В.Ф. Миллером, Д.Н. Анучиным, А.Н. Пыпиным, И.Н. Смирновым, использовалась музеями вплоть до 1930 г. и не утратила своей значимости в наши дни. Необходимость в ее разработке была вызвана потребностью в расширении источников этнографической науки за счет привлечения вещевых памятников.

Ключевые слова: комплектование музейного собрания, этнографические экспедиции, критерии отбора вещевых памятников.

UDC 39.56

Issues of Ethnographic Collection Building in the Last Quarter of the 19th Century

IZABELLA I. SCHANGINA, D.Sc. (History)

Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg
Top-grade researcher, Department of the Ethnography
of the Russian People
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

The article addresses the contribution of Russian scholars to the evolvement in the last quarter of the 19th century of the ethnographic collection-building concept for the country's museums. The policy worked out by V.E. Barsov, V.F. Miller, D.N. Anuchin, A.N. Pypin and I.N. Smirnov was applied by the museums until as late as 1930, its relevance hardly diminished to date. The urge for developing it became imperative as the collectors needed to expand their ethnographic source base by incorporating everyday objects as ethnographic monuments.

Key words: formation of museum collections, ethnographic expeditions, criteria for selecting utilitarian objects as monuments.

Одним из важных источников этнографической науки без сомнения являются памятники традиционной культуры, вошедшие в собрание музеев. На протяжении многих десятилетий и даже столетий в России был сформирован огромный вещевой этнографический фонд, начало которому было положено созданием в 1714 г. в Петербурге естественно-исторического музея – Кунсткамеры. В XIX в. количество музеев, комплектовавших этнографические предметы, значительно выросло. В 1836 г. из

состава Кунсткамеры вышел Этнографический музей Академии наук, получивший в 1879 г. название Музея антропологии и этнографии преимущественно России (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН), в 1863 г. начал работу Этнографический музей при Императорском Русском географическом обществе (ИРГО) в Петербурге (в 1891 г. его собрание было передано в Музей антропологии и этнографии Академии наук). В 1867 г. в Москве был организован Дашковский этно-

графический музей с отделением Иностранной этнографии, входивший в состав Московского Публичного и Румянцевского музеев (в 1924 г. на базе его коллекций был организован Центральный музей народоведения, в 1934 переименованный в Музей народов СССР, в 1948 г. после ликвидации музея его коллекции были переведены в Ленинград, в Российский этнографический музей, тогда – Государственный музей этнографии, ГМЭ). Музей с этнографическими собраниями в последней четверти XIX в. возникали во всех губернских и многих уездных городах Российской империи.

Начало XX в. ознаменовано организацией в 1902 г. в Петербурге Этнографического отдела Русского музея (ЭО РМ) императора Александра III (ныне Российский этнографический музей, РЭМ), который рассматривался государством как основной центр этнографического изучения народов Российской империи. В последующие десятилетия XX в. вещевой этнографический фонд постоянно увеличивался. Его комплектованием занимались как продолжавшие свою жизнь старые музеи, так и вновь открытые музеи в столицах республик, в областных городах, а также во многих районных центрах.

Весь этот огромный вещевой этнографический материал представляет собой богатейший источник изучения народов не только России, но и зарубежных стран. Однако использование его потенциала невозможно без тщательного изучения истории сложения этнографических собраний. В разные периоды времени в основе их комплектования лежали различные представления об объекте этнографической науки, ее предметной области, задачах музеев. Это естественно сказывалось на методах сбора и принципах отбора экспонатов и в свою очередь определяло характерные особенности этнографических коллекций. Соответственно при работе с музейными собраниями требуется произвести их предварительный внешний источниковедческий анализ, т.е. выяснить, каким образом они комплектовались.

В статье рассматривается концепция комплектования этнографического вещевого фонда, разработанная в России в последней четверти XIX в. Это было время активного превращения этнографии в подлинно научную дисциплину, окончательно оформившуюся к концу XIX столетия¹. В связи с этим шло обсуждение предметной области этнографии, методов исследования и базы ее источников. В различных журналах печатались статьи известных ученых, таких как Е.В. Барсов (1836–1917), хранитель Московского Публичного и Румянцевского музеев², академик А.Н. Пыпин (1833–1904)³, академик Д.Н. Анучин (1843–1923)⁴, профессор

Казанского университета И.Н. Смирнов (1856–1904)⁵. В них утверждалось, что этнография должна быть самостоятельной наукой, изучающей народ: «...быт народный со всеми обрядами, обычаями, равно как и все культурные средства и орудия, направленные к его существованию и отвечающие разным степеням его внутреннего развития», а также его язык и устное народное творчество⁶. При этом ученые полагали, что важнейшей задачей этнографии на ближайшие годы является задача составления капитальных монографий о каждом даже самом маленьком народе Российской империи.

В связи с развитием этнографической науки и постановкой новых задач перед учеными встал вопрос об ее источниковой базе. Считалось бесспорным, что этнографические исследования должны строиться на письменных документах, сведениях, собранных во время экспедиций, записках путешественников. Вещевые же памятники как источники научных исследований не казались этнографам столь уж бесспорными, хотя возможность их использования с «учеными целями» обсуждалась еще в XVIII в. Академик П.С. Паллас (1741–1811), например, считал, что вещевые памятники могут быть «инструментом» науки. Отправляя в Кунсткамеру коллекцию культовых предметов буддизма, он писал, что они помогут «разобраться ученым людям к объяснению митологических [мифологических] древностей и религии Далай Ламы»⁷. К этому вопросу возвращались и в середине XIX в. А.П. Богданов, организатор Первой русской этнографической выставки (Москва, 1867), рассчитывал, что представленные на ней экспонаты могут быть использованы «как средство получения материала для изучения, преподавания или популяризации сведений по той или иной науке»⁸. Однако серьезного обсуждения вопроса о возможности использования вещевых памятников в качестве источников этнографической науки в эти годы не было. Дискуссии на эту тему развернулись только в последние двадцать–двадцать пять лет XIX в. Ученые старались понять значимость предметов народного быта для науки, выяснить, какие проблемы истории и этнографии можно успешно разрешить с их помощью, определить качество уже накопленных в музеях коллекций, понять, как необходимо комплектовать музейные собрания, чтобы они отвечали всем требованиям науки.

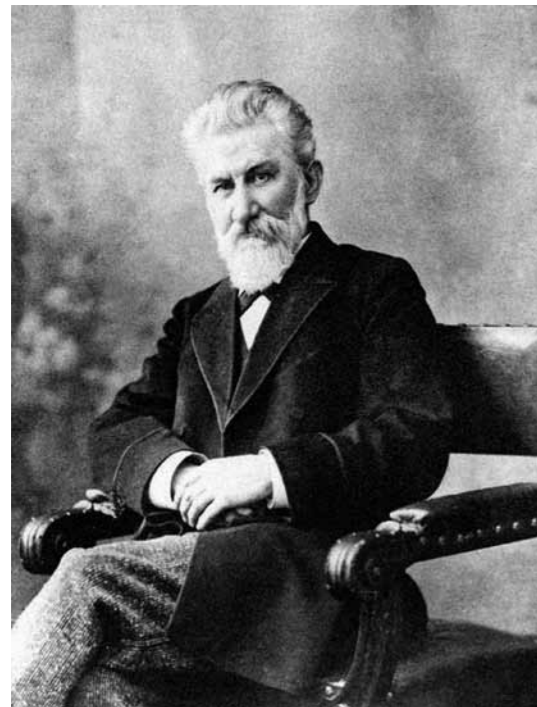
После длительных обсуждений в печати ученые пришли к выводу, что вещевые памятники, бесспорно, могут стать источниками научных знаний. Е.В. Барсов в статье 1884 г. назвал собрание Дашковского этнографического музея «аппаратом» этнографической науки, который столь же важен для этнографии, как и сама этнография «для нашего отечества»⁹. Его поддержал

А.Н. Пыпин, который полагал, что музейные собрания «действительно могут служить пособием для научных изысканий»¹⁰. Этому же мнению придерживались Д.Н. Анучин, И.В. Смирнов, В.Ф. Миллер, В.В. Радлов. При этом они подчеркивали широкие возможности их использования в этнографических и исторических исследованиях. По словам А.Н. Пыпина, они полезны для «постижения народной жизни во всем ее целом, исторического начала и развития народа, склада его характера, его бытового содержания»¹¹. В.Ф. Миллер считал, что они будут прекрасным источником для изучения современного «внешнего быта народностей, населяющих Россию», т.е. изучения их хозяйственного быта, одежды, жилища и пр.¹². Д.Н. Анучин добавлял о возможности применения их при разработке проблем «древнейших стадий культуры вплоть до первобытности»¹³. С ним был полностью согласен И.Н. Смирнов, который полагал, что вещи могут многое сказать «о способности народа приспособлять к своим потребностям предметы окружающего мира», помогут проследить «историю технического развития нашего местного человека до самой ранней ступени его развития» и пр.¹⁴. При этом они считали, что использование памятников вещевой культуры в этнографических и исторических исследованиях должно сочетаться с материалами археологии, письменными памятниками, а также произведениями фольклора¹⁵.

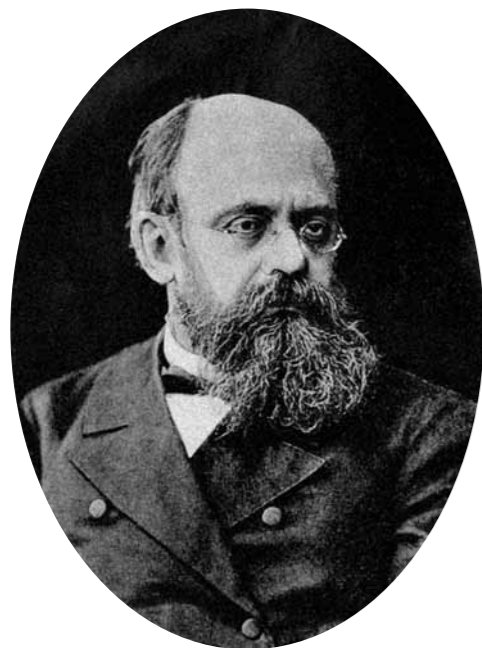
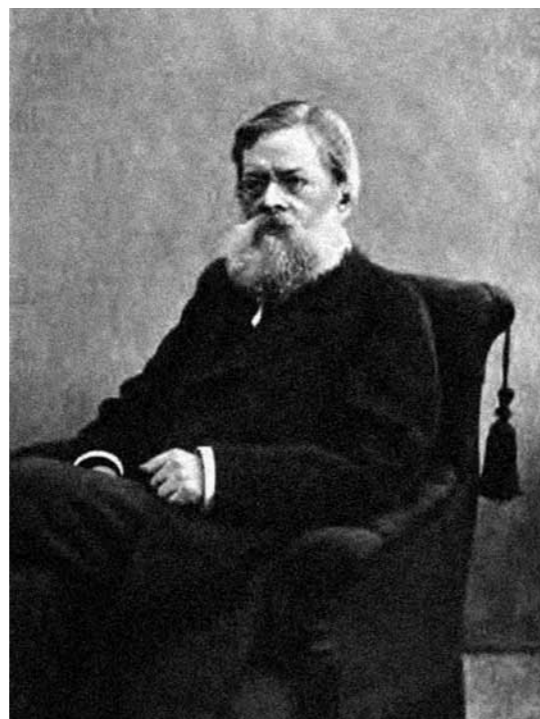
Утверждая необходимость привлечения музейных памятников для исследовательской работы, ученые вынуждены были с сожалением констатировать, что накопленный материал «далеко еще не удовлетворяет широким научным требованиям, и чем больше развивается этнографическая наука, тем больше и яснее сказываются его недостатки, не позволяющие ему быть на высоте своего назначения»¹⁶. Недостатком современных им музейных коллекций они считали: «неполноту» музейного собрания, отсутствие научного подхода к отбору вещей и плохое состояние документации к экспонатам. Говоря о «неполноте» этнографических собраний, ученые имели в виду, что они не отражают действительной картины предметного мира народов Российской империи. Академик В.В. Радлов (1837–1918), назначенный в 1894 г. директором Музея антропологии и этнографии преимущественно России, после тщательного ознакомления с его собранием, докладывал в Историко-филологическом отделении Академии наук: «Я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций, но, с другой стороны, надо сознаться, что наши коллекции в настоящем составе не могут соответствовать своему назначению и дать сколько-нибудь полную картину постепенного развития челове-

ского рода и разнообразного культурного положения различных племен»¹⁷. Такая картина была характерна не только для собрания академического музея, но и для всех других музеев страны. А.Н. Пыпин, анализируя этнографические собрания столичных и провинциальных музеев, писал: «В настоящее время мы имеем более или менее богатые этнографические и антропологические коллекции <...>, но как ни любопытны многие из этих собраний, как ни роскошна, например, известная коллекция Румянцевского музея, очевидно, они далеко не отвечают тому громадному этнографическому материалу, какой представляется бытом русского и инородческого населения России»¹⁸. Ученые отмечали также отсутствие научного подхода к отбору поступавших в музей экспонатов. В собрании было много предметов, которые А.Н. Пыпин называл «курьезами» – случайными, не вписывающимися в картину реального предметного мира какого-либо народа.

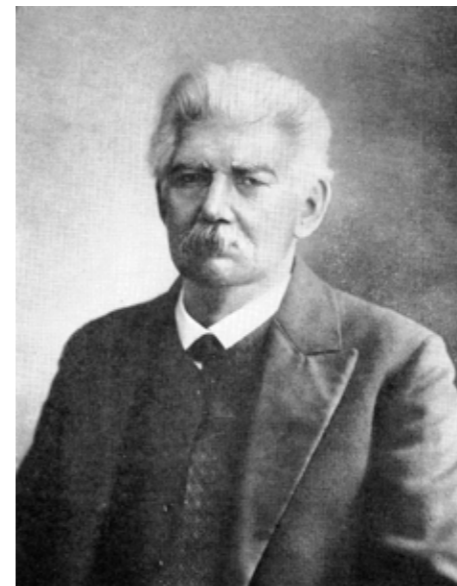
Научная документация к экспонатам фактически отсутствовала или была недостаточной для использования их в качестве источника этнографических знаний. В Дашковском этнографическом музее, например, по словам В.Ф. Миллера, множество предметов вообще не было снабжено никакими легендами, не было даже указано их название, не говоря уже о назначении в быту¹⁹. В Музее антропологии и этнографии имела книга поступлений, но записи в ней были сделаны небрежно. В книгу вносились дата поступления коллекции, фамилия собирателя и краткая характеристика коллекции. Отдельные же ее предметы оставались без каких-либо легенд: не имели не только номера, но и названия, назначения, точного места их приобретения²⁰. Такое же состояние научной документации было характерно и для провинциальных музеев. В музее Восточно-Сибирского отделения РГО в Иркутске, например, комиссия, проверявшая работу Общества в 1888 г., констатировала, что «проверку имущества музея по каталогу Комиссия нашла невозможным сделать. Все вещи размещены в шкафах без соблюдения системы. Некоторые вещи попорчены молью, часто встречаются вещи без этикеток, в других случаях этикетки на предметах не соответствуют каталогу. Каталоги существуют только инвентарные, хронологические в них номера одного не соответствуют номерам другого, некоторые из вновь поступивших коллекций не занесены в каталог»²¹. Это объяснялось тем, что вплоть до середины XIX в. музейные экспонаты почти не рассматривались как источники научных знаний. Они должны были удовлетворять интерес «любопытной публики», для которой подробная информация о предмете была не столь важна.

Дмитрий Николаевич Анучин (1847–1923)

Елпидифор Васильевич Барсов
(1836–1917)Всеволод Федорович Миллер
(1848–1913)

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904)

Василий Васильевич Раглов (1837–1918)

Утверждая необходимость использования вещевых собраний с научными целями, ученые отмечали, что они могут быть полезны только в том случае, если памятники культуры в них будут «правильно собраны». А.Н. Пыпин в 1885 г. отмечал, что «этнографическое собрание составляет в науке дело первостепенной важности; это самая основа всего научного построения; чем богаче и шире ведена работа собирателя, тем значительнее могут быть выводы исследователя, – наоборот и, к сожалению, слишком часто ученому приходится убеждаться в непрочности своих заключений»²². Необходимость разработки «правил сбора», т.е. концепции комплектования, осознавалась многими учеными. Они считали ее «главной потребностью современной науки» и основной задачей музейных хранителей²³. Концепция была разработана исходя из задач этнографической науки на основе обобщения опыта предшествующих поколений музейных работников.

Прежде всего ученые указывали на необходимость систематического комплектования этнографических собраний музеев, охватывая шаг за шагом всю территорию обитания народа²⁴. Вещи должны собираться, как они считали, во время специальных этнографических экспедиций, организуемых музеями или научными обществами, имеющими отделения этнографии, такими, например, как Этнографическое отделение ИРГО или ИОЛЕАЭ (Императорского общества любителей естествознания, антропо-

логии и этнографии при Московском университете). Экспедиции, по их мнению, должны быть длительными, от трех до пяти-шести месяцев, и хорошо снаряженными. Участие в работе профессиональных этнографов, длительность работы в полевых условиях – все это, полагали ученые, будет надежной гарантией того, что в музейное собрание поступят «правильные экспонаты», т.е. адекватно отражающие предметный мир изучаемого народа. Кроме экспедиционного обследования этнографы предлагали также комплектовать музейные собрания через так называемую корреспондентскую сеть, предполагавшую работу с людьми, жившими в разных регионах России и даже за ее пределами, готовыми из года в год на протяжении длительного времени сотрудничать с учеными в сборе нужного для их исследований материала.

Корреспондентская сеть в этнографии довольно широко использовалась в середине XIX в. и ИРГО, и ИОЛЕАЭ, но в основном только для сбора этнографической информации. Для сбора музейных экспонатов этот метод комплектования предложил Е.В. Барсов. Он писал, что необходимо «иметь в разных краях и пунктах России собственных корреспондентов, давая им дипломы на сие звание и завлекая их к деятельности на пользу науки и этнографической науки, какими-либо преимуществами»²⁵. Каждый корреспондент должен был утверждаться на должность дирекцией музея и получить «диплом» – удостоверение. Утвердившись в должности, он получал консультанта в лице хранителя и вознаграждение за доставленные в музей экспонаты.

Близким к идее корреспондентской сети было предложение А.Н. Пыпина о создании в разных регионах страны и за рубежом так называемых «наблюдательных пунктов». Их сотрудники должны были внимательно наблюдать за жизнью народа, в среде которого они находились, собирать необходимые музеям экспонаты и этнографические сведения по специально разработанным программам. Роль наблюдательных пунктов могли, по его мнению, играть местные отделения научных обществ, сотрудники Губернских статистических комитетов, Ученых архивных комиссий и местных музеев. Предлагая этот вариант собирательской работы, А.Н. Пыпин использовал идею немецкого фольклориста Вильгельма Мангардта (1831–1880), мечтой которого была организация таких пунктов по всему миру для сбора мифов и преданий.

Предложение использовать при комплектовании фондов центральных этнографических музеев местных исследователей и любителей этнографии было обусловлено, во-первых,

небольшим штатом центральных музеев: максимум два-три хранителя, а во-вторых, представлением о том, что местные специалисты и любители этнографии лучше знают народ, среди которого они живут, и поэтому могут подобрать экспонаты и собрать сведения о них «с большей точностью и подробностью», чем приезжие ученые²⁶.

Сбор вещевых памятников предполагалось проводить на основе хорошо продуманной собирательской программы. При этом считалось желательным, чтобы она имела характер подробной инструкции, понятной не только специалисту, но и людям не столь глубоко знающим культуру народа. В качестве образца для составления программ предлагалась «Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства», составленная в 1895 г. В.В. Радловым²⁷. В ней рекомендовалось собирать вещи так и в таком количестве, чтобы в собрании музея по возможности полно и объективно нашла свое отражение «вся жизнедеятельность человека». В.В. Радлов предлагает собирать экспонаты, характеризующие общественную жизнь казахов, их жилище, мебель, домашнюю утварь, одежду, скотоводство, охоту, ремесла, религиозный культ (за исключением мусульманства), верования, музыкальные инструменты, народную медицину, употребление табака и опиума, «все вещества, употребляемые <...> женщинами для окрашивания кожи, ногтей и зубов», даже земледелие и рыболовство, которые не занимали большого места в киргизском хозяйстве. При этом предметы предлагалось собирать во всех их вариантах. В случае если вещи были громоздкие, трудно перевозимые в музей, рекомендовалось заменять их моделями, предварительно сделав обмеры оригинала²⁸. Необходимость в таком тщательном и детальном отборе памятников объяснялась тем, что нехватка какого-либо интересного предмета могла неблагоприятно сказаться на истолковании народной культуры.

Вопрос о критериях отбора памятников в музей в те годы не стоял так остро, как сейчас, потому что основная масса населения Российской империи жила в рамках традиционной культуры. Предметный мир каждого народа, за редким исключением, состоял из вещей привычных, проверенных веками; новшества, хотя и проникали, но быстро усваивались, становились своими или отторгались традицией. Однако, разрабатывая концепцию, ученые постарались определить для себя, какими свойствами должны обладать предметы – кандидаты на поступление в этнографический музей.

По их мнению собираемые предметы, во-первых, должны были иметь «местное происхождение», т.е. быть изготовленными мастерами,

принадлежащими к тому же народу, что и потребители их изделий. В.В. Радлов, перечисляя в инструкции казахскую кухонную и чайную утварь, указывал на необходимость приобретения первой, так как она «исключительно киргизской работы», и отказа от второй: «...чайная же посуда менее интересна: она большей частью привозная (китайская, среднеазиатская или русская)»²⁹. Отказ от приобретения «чужих» вещей объяснялся тем, что они помешают дать правильную характеристику народу и его культуре.

Во-вторых, они должны отличаться «своеобразием, своеобычностью», т.е., говоря современным языком, быть этнически выразительными. В инструкции В.В. Радлова рекомендовалось, например, приобрести в музей мужские и женские украшения, потому что они «все без исключения работают самими [киргизами] и носят особый своеобразный характер». В то же время, рассуждая о приобретении в музей одежды, он советовал не увлекаться ее сбором, потому что в большинстве своем она «мало отличается от татарской одежды». Однако желательно купить женские рубахи, свадебные платья и мужские шаровары, потому что они сохранили «свои особенности»³⁰. Ученые рекомендовали собирателям обращать внимание прежде всего на вещи старинные, в которых наиболее ярко проявляется «своеобразие», в то время как современные исследователям предметы быта постепенно его утрачивают или уже утратили окончательно.

Приобретение вещей должно сопровождаться составлением легенды, в которой необходимо указать местное название предмета, его назначение, место бытования, материал, из которого предмет сделан, а также указание на относительное время бытования предмета: старинный или изготовлен современными мастерами. Скучная по современным меркам легенда к музейным памятникам дополнялась сведениями о народе, в среде которого они бытовали. От собирателей требовались не только покупка тех или иных вещей народного быта, но и обязательный сбор «важнейших сведений, освещающих внешний и внутренний мир племен и народов». По словам И.Н. Смирнова, «о каждом из народов, которые доступны наблюдению современного исследователя, должны быть собраны данные, отчетливо рисующие всю созданную им культуру – его внешний быт, общественные отношения, мировоззрение»³¹. В инструкции В.В. Радлова собирателю предлагалось кроме отбора экспонатов фиксировать кочевой образ жизни киргизов во всей его полноте и своеобразии. Участник экспедиции должен был «...вести наблюдения и записывать полученную от носителей культуры информацию; составлять планы аулов, маршруты перекочевков, пашен, арыков, карты торговых путей;

фотографировать аулы, торговые караваны, сцены перекочевков, работу на пашне, мельницы, породы скота, охотничьих собак, а также праздники, свадьбы, похороны, а также типы людей»³².

Параллельный сбор вещевых памятников и сведений о среде их бытования позволял, как считали ученые, лучше выявить информационный потенциал вещи и с большей пользой применить ее в научных исследованиях.

Концепция комплектования этнографических памятников, разработанная в последней

четверти XIX в., оказалась очень жизнестойкой. Она была впервые апробирована этнографами при комплектовании фондов Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, созданного в 1902 г.³³, использовалась в работе Центрального музея народоведения и Музея центрально-промышленной области в Москве, и во многих историко-краеведческих музеях России. Многие ее положения актуальны и в наши дни.

¹ Турьинская Х.М. Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX в. – М., 2008. – С. 4.

² Барсов Е.В. О значении графа Румянцева в этнографической науке // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. – Вып. 1. – М., 1882. – С. 93–107; Барсов Е.В. Значение Дашковского этнографического музея и его задачи // Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 гг. – М., 1884. – С. 125–129.

³ Пыпин А.Н. О задачах русской этнографии // Вестник Европы. – Т. II, III. – 1885;

⁴ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. – Кн. 1. – 1889.

⁵ Смирнов И.Н. Задачи и значение местной этнографии. – Казань, 1891.

⁶ Барсов Е.В. Значение Дашковского этнографического. Указ. соч. – С. 127.

⁷ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи: По материалам этнографических музеев Академии наук – Л.: Наука, 1978.

⁸ Этнографическая выставка 1867 г. ИОЛЕАЭ, состоящего при Императорском Московском университете // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. XXIX. – Вып. 1. – М., 1878. – С. 2.

⁹ Барсов Е.В. Значение Дашковского. Указ. соч. – С. 125.

¹⁰ Пыпин А.Н. О задачах русской. Указ. соч. – Т. 3. – С. 169.

¹¹ Там же. – Т. 2. – С. 789.

¹² Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1886–1888 гг. – М., 1889. – С. 170; Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. – Вып. 1. – М., 1887. – С. 7.

¹³ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии. Указ. соч. – Кн. 1. – С. 29–32.

¹⁴ Смирнов И.Н. Задачи и значение местной. Указ. соч. – С. 4–7.

¹⁵ Колесницкая И.М. Вопросы изучения народной жизни и народного творчества в «Отечественных записках» Н.А. Некрасова (1868–1976) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Вып. II. – М., 1963. – С. 86.

¹⁶ Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.5 Л. 2.

¹⁷ Цит. по: Станюкович Т.В. Этнографическая наука. Указ. соч. – С. 125.

¹⁸ Пыпин А.Н. О задачах русской этнографии. Указ. соч. – Т. III. – С. 166, 167.

¹⁹ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870–1872 гг. – М., 1884. – С. 82–128.

²⁰ Станюкович Т.В. Этнографическая наука. Указ. соч. – С. 123.

²¹ О Иркутском музее // Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета – Т. X. – Вып. 1–6. – 1892. – С. 219.

²² Пыпин А.Н. О задачах русской. Указ. соч. – Т. 2. – С. 781, 782.

²³ Там же. – Т. 3. – С. 168.

²⁴ Смирнов И.Н. Задачи и значение. Указ. соч. – С. 13.

²⁵ Барсов Е.В. Значение Дашковского этнографического. Указ. соч. – С. 129.

²⁶ Пыпин А.Н. Отзыв на работу Н. Янчука Малорусская свадьба в Корницком приходе Константиновского уезда Седлецкой губернии // Вестник Европы. – Вып. 36 – 1886. – С. 829, 830.

²⁷ Радлов В.В. Инструкции для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. – СПб., 1895. – С. 1–10. В XIX в. киргизами называли казахов.

²⁸ Там же. – С. 3; Сутягина Л.Е. Артур Хазелиус и Василий Радлов. Поиски парадигмы нового музейного пространства на рубеже XIX–XX вв. // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. Сб. МАЭ. – Т. L. Вып. VIII. – 2013. – С. 59.

²⁹ Радлов В.В. Инструкция для собирания. Указ. соч. – С. 4.

³⁰ Там же. – С. 5.

³¹ Смирнов И.Н. Задачи и значение. Указ. соч. – С. 13.

³² Радлов В.В. Инструкция для собирания. Указ. соч. – С. 13.

³³ Шангина И.И. Программа для собирания этнографических предметов» этнографического отдела Русского музея императора Александра III и этнографическая наука на рубеже XIX–XX вв. // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию революции 1917 г. в России) / Мат-лы XVI межд. Санкт-петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2017. – С. 311–317.

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 39: 392.31; 392.51

Свадебный занавес в традиционной культуре оседлого населения Средней Азии (узбеки, таджики)

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Средней Азии и Кавказа
e-mail: rem.tatyana@mail.ru

В статье проводится сравнение особенностей бытования свадебного занавеса в традиционной свадебной обрядности народов Средней Азии. Автор приходит к заключению, что у оседлых узбеков и таджиков, как и у кочевых в прошлом тюркских народов, занавес, а также комплект вышитых покрывал *сузани*, входивших в приданое, представляют собой рудиментарную или редуцированную форму переносного свадебного жилища, которое когда-то у них существовало и, согласно архаическим семейно-брачным отношениям, принадлежало женщине.

Ключевые слова: узбеки, таджики, свадебная обрядность, свадебный занавес, вышитые покрывала, свадебное жилище.

UDC 39: 392.31; 392.51

Wedding Curtains in the Traditional Culture of the Settled Population of Central Asia (Uzbeks and Tadzhiks)

TATYANA G. Emelyanenko, D.Sc. (History)

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg

Chief Researcher, Department of the Ethnography of the Peoples of the Central Asia and the Caucasus
e-mail: rem.tatyana@mail.ru

The article draws comparison between different peculiarities of the wedding curtain in the traditional marriage rites of Central Asian peoples. It concludes that the settled Uzbeks and Tadzhiks, like the previously nomadic Turkic peoples, favoured this kind of curtain, as well as sets of *suzani* embroidered bedspreads, all these being part of the dowry, as a rudimentary or reduced form of a portable wedding abode they had preserved from the remote past when it used to be the property of the woman.

Key words: Uzbeks, Tadzhik, marriage ceremony rite, marriage ceremony curtain, embroidered bedspreads, wedding abode.

Свадебный занавес является обязательным атрибутом традиционного свадебного обряда большинства народов среднеазиатско-казахстанского региона. У тюркских народов он носит название *көшөгө* (кирг.), *шемалдык* (каз.), *туты* (туркм.), *чимилдык*, *чимилдурук* (узб.), под названием *чимилик*, *чимилдык* он известен и у оседлого населения оазисов – узбеков, равнинных таджиков, бухарских ирони; у таджиков Каратегина, Дарваза, в Гиссаре свадебный занавес называется *чодир*, *чодыр*.

О свадебном занавесе в разной степени подробно упоминают исследователи свадебной обрядности у всех народов Средней Азии. Однако в основном описываются ритуалы, в которых он используется, тогда как знаковые функции в полисемантическом комплексе свадьбы и его происхождение обычно остаются без внимания. Эта тема получила развитие только в двух одноименных статьях Г.А. Бонч-Осмоловского и Ф.А. Фиельструппа, посвященных генезису свадебного жилища некоторых тюркских, кочевых и полукочевых, народов, которые были опубликованы в 1926 г.¹ Рассматривая убранство свадебного жилища, особенности бытования и знаковые функции свадебного занавеса, авторы приходят к общему выводу, что он является редуцированной формой переносного жилища, которое в историческом прошлом принадлежало женщине и в которое, согласно архаическим нормам семейно-брачных отношений, должен был переселяться ее муж². В отношении свадебного занавеса у оседлого населения Средней Азии подобные исследования до сих пор не проводились, хотя в обрядовом комплексе таджикской и узбекской свадьбы ему принадлежит не менее важная роль, чем у тюркских кочевников. В некоторых локальных свадебных комплексах, например, г. Каракуля (Бухарская область), обряд *чимилдырык* (от *чимилдык* – занавес) был столь же обязателен, как и мусульманское бракосочетание *никох* – только проведение обоих обрядов, по народным представлениям, делало свадьбу правильно организованной и законной³. Кроме того, несмотря на многие специфические особенности бытования занавеса у кочевых и оседлых, тюркских и иранских народов региона, можно проследить и существенные схожие черты, указывающие на общее происхождение у них этого оригинального атрибута свадебной обрядности.

Согласно обычаям казахов и киргизов, приводимым, например, в статье Фиельструппа, мать начинала готовить свадебный занавес для дочери, когда та была еще ребенком. По достижении брачного возраста девушка переходила спать на левую половину юрты (где находилась и постель ее родителей), и этим занавесом отгораживали ее спальное место. В дальнейшем

за ним происходили свидания сосватанной девушки с женихом, а позднее – свидания с мужем в период ее послесвадебного возвращения в дом отца до окончательной выплаты калыма или по каким-либо иным причинам. На протяжении всех свадебных обрядов занавес сохранял неразрывную связь со своей владелицей. За ним девушка находилась в родительской юрте или в специальной палатке (*örög, otay*), куда переходила под прикрытием занавеса во время свадебных церемоний, совершаемых в ее родном доме. Лишь во время совершения мусульманского обряда бракосочетания *никох* вместе с ней за занавесом мог быть и жених⁴. При переезде в юрту или аул мужа невесту накрывали свадебным занавесом целиком либо, как, например, у казахов, несли его перед ней, закрывая от посторонних. Затем занавес вешали в юрте отца мужа или в отдельном, предназначенном для новобрачных жилище, и она находилась за ним в течение последующих свадебных церемоний, которые здесь проводили. Кроме того, за занавесом новобрачная скрывалась от посторонних и членов новой семьи (исключение составлял обряд «открывания лица» невесты) на протяжении всего периода сакральной инициации, составляющего, в зависимости от той или иной этнической традиции, от нескольких дней до нескольких месяцев или до рождения ребенка⁵.

У оседлых узбеков и таджиков свадебный занавес хотя и изготавливали заранее, но использовали лишь непосредственно во время свадьбы. Им отгораживали передний угол гостевой комнаты, где находилась невеста в окружении родственников, подруг и *янга* – представительниц(ы) жениха во время ритуалов, проводимых в доме ее родителей⁶. Здесь могло происходить ее знакомство с родственниками жениха (обряд *рубаник*), сюда приходили поверенные лица – *вакил*, чтобы спросить о ее согласии на брак во время бракосочетания по религиозному обряду *никох*⁷. После совершения *никоха* (он проводился в доме невесты или на нейтральной территории) за свадебным занавесом мог находиться и жених – вместе с невестой или один. Так было принято после *никоха* устраивать угощение для молодого и его друзей в комнате, где в это время за свадебным занавесом вместе с *янгой* сидела новобрачная, и муж должен был периодически заходить к ней; за этим занавесом происходило его ритуальное переодевание в одежду, присланную родителями девушки⁸; здесь совершалась первая совместная трапеза молодоженов, проводился обряд смотрения в зеркало и другие магические ритуалы⁹. В современных сценариях узбекской и таджикской свадьбы, несмотря на значительное упрощение и сокращение в ней старинных обрядов, свадебный занавес не только

Илл. 1. Свадебный занавес чимилдык в доме невесты. В один из его верхних углов завязывают деревянную ложку, в другой — нож и ветку плодового дерева в качестве оберега и благопожелания. Нижний край занавеса поднимают и перекидывают наружу, что символизирует благополучный уход девушки из родного дома; в доме мужа край занавеса наоборот будет перекинут назад. Невеста первая встает под занавес, жених появится в комнате спустя некоторое время в сопровождении грузей и встанет рядом с ней. Самарканд. 2007. Фото автора

сохранил свое значение, но и по-прежнему выступает как символическое «убежище» сначала невесты, а после *никоха* или непосредственно перед *никохом* — обоих молодоженов; хотя уже условно отделяет и скрывает их от окружающих, так как обычно собран над головами новобрачных¹⁰ (илл. 1).

После отъезда новобрачной в дом мужа свадебный занавес вместе с вещами приданого перевозили туда и сразу вешали в одной из комнат, предназначенных для молодоженов. Когда прибывала молодая, ее помещали за занавес, а затем к ней присоединялся муж, приезжавший несколько позднее. После повторения некоторых из ритуалов, которые проводили за или под занавесом в доме девушки, в частности, совместную трапезу из продуктов и блюд, привезенных из дома девушки, как и в юрте, за занавесом молодоженам стелили брачную постель¹¹.

У хивинских узбеков, аналогично с описанным Фиельструпом обычаем киргизов, казахов и других кочевых в прошлом народов, жена переезжала в дом мужа под прикрытием свадебного занавеса — его растягивали над ней¹².

Согласно свадебным традициям других локальных групп оседлых узбеков и таджиков занавес заменяли вышивки или головные покрывала. В Ургуте, Самарканде, селениях верховий Зеравшана девушку сажали на лошадь и с головой накрывали большим *сюзани* или везли под балдахином из вышивок. В горно-таджикских селениях на нее набрасывали три платка, которые все вместе, как и свадебный занавес, назывались *чодар*¹⁴ (илл. 2).

Таким образом бытование свадебного занавеса у тюркских и иранских народов Средней Азии — как кочевых, так и оседлых — имеет общее в основных позициях: свадебный занавес находится с невестой в доме ее родителей, перевозится с ее вещами в дом мужа, причем во время переезда девушку везут под занавесом (или, как у таджиков и узбеков, под заменяющим

Илл. 2. Невеста под вышитым покрывалом во время отъезда из дома родителей. Самарканд. 2007. Фото автора

его вышитым покрывалом), и в течение еще какого-то срока остается там «местом обитания» новобрачной и/или новобрачных. Еще большее сходство прослеживается при анализе знаковых функций, которые отводятся занавесу в свадебном обряде.

Одна из них — охранительная и благопожелательная магия. В связи с этим обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что изготавливать, вешать и снимать занавес повсеместно поручалось женщинам благополучным в браке и многодетным, чтобы их жизненная удача передалась молодой семье. У тюркских народов занавес готовила мать невесты, но для его орнаментации (в технике *курок*) собирала разноцветные кусочки тканей, оставшиеся после шитья одежды в других семьях¹⁵.

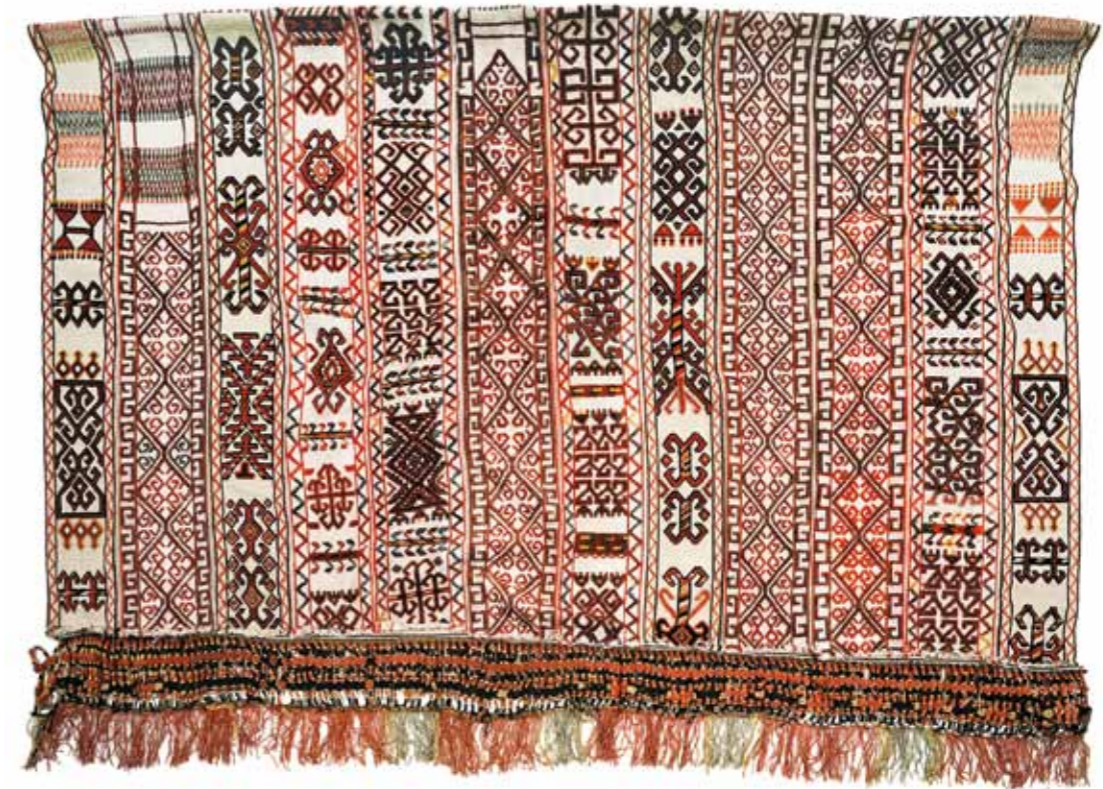
Изготовление занавеса у узбеков-хивинцев представляло один из обрядов свадебного цикла, называемый *кушаяна бичим*, главными действующими лицами которого были две старые женщины — одна готовила нитки, иголки, а другая кроила занавес. Им помогала *ходим* (представительница общины, помогавшая ее членам в проведении обрядов), обязанностью которой, кроме того, было «провоцировать» всех участниц *кушаяна бичим* на то, чтобы они много и громко смеялись (смеховая магия). Продолжали же работу молодые родственницы жениха, а старая женщина, разрывая руками остатки ткани на мелкие кусочки, раздавала лоскутки гостям¹⁶. У таджиков вешать и снимать занавес также поручали пожилой и успешной в семейной жизни женщине, награждая ее за это подарком.

Снятие свадебного занавеса, которое происходило в разные сроки в зависимости от местной традиции (на седьмой день, через 10 или 40 дней, 2–3 месяца или год и более, до рождения первого ребенка), сопровождалось специальным обрядом — *чодорканон* (*чодарканон*)¹⁷. Известно, что и комплекты вышивок, входившие в приданое и украшавшие комнату невесты, а затем — новобрачных, являлись результатом многолетнего труда матери и других женщин

ее семьи, некоторые передавались по наследству из поколения в поколение.

О магической функции свадебных занавесей могут свидетельствовать также материал, из которого они изготавливались, орнамент и дополнительные детали. У киргизов, казахов, полукочевых узбеков, каракалпаков занавеси орнаментировали в лоскутной технике (*курок*, *курама*), которая у всех народов Средней Азии в прошлом использовалась для украшения, прежде всего, ритуально значимых предметов: детской одежды, головных уборов, принадлежностей для колыбели, мешков для зеркала *ойна-халта* и гребня *шонахалта*, наволочек для подушек, покрывал на погребальные носилки и многих других вещей. Такие лоскутные фрагменты придавали им свойства оберега¹⁸.

Аналогичные функции выполняла аппликация из белой ткани в виде рогеобразных завитков; ею орнаментировали свадебные занавеси некоторые группы полукочевых узбеков¹⁹. Аппликация и лоскутная техника в сочетании с вышивкой, узоры которой также содержали магический смысл, украшали занавеси южных киргизов²⁰. Свадебный занавес у каракалпаков и кочевых узбеков сшивали из узоротканых полос, служивших для крепления войлочных покрывшек юрты²¹ (илл. 3).

Илл. 3. Свадебный занавес, сшитый из узоротканых лент для крепления и украшения праздничной юрты. XIX в. Каракалпаки. РЭМ, колл. 8230-1

Илл. 4. Свадебный занавес, сшитый из кустарного бархата с абровым (в технике «икат») узором. Благодаря пестроте расцветки и семантике стилизованных узоров абровые ткани традиционно использовали для изготовления ритуальных предметов. XIX в. Узбеки. РЭМ, колл. 6782-21882

У туркмен-емрели свадебный занавес был из белого шелка, с кистями *сечек* из красных шелковых ниток по краям и с прикрепленными в центре перьями филина, когтями беркута, различными амулетами *дагдан*²². Шелковый занавес бытовал и в зажиточных горно-таджикских семьях, однако более распространен был занавес из кустарной хлопчатобумажной ткани в редкую цветную полоску на белом фоне²³, и не столько из-за большей доступности этого материала, сколько из-за ритуальной значимости хлопчатобумажных тканей ручного производства вообще в таджикской культуре, особенно белых или с преобладанием белого цвета, который у многих народов региона, прежде

всего оседлых, почитался как цвет святости и чистоты. У таджиков Файзабада, например, в позднее время свадебные занавеси хотя и делали из ярких цветных шелков, но обшивали с двух сторон – в знак магического пожелания счастливой и светлой жизни – полосой белого мадаполама. Во время обряда снятия занавеса *чодарканон* эту белую полосу отрывали, разрезали на куски и раздавали их присутствующим женщинам²⁴. В Бухаре, Самарканде, Нурате, Ура-тюбе и других районах, где вышивальное искусство получило особое развитие, свадебные вышивки обязательно выполняли на белых кустарных хлопчатобумажных тканях, вышитые покрывала *сузани* нередко использовали

в качестве свадебных занавесей. Свадебные занавеси, сплошь покрытые вышитыми узорами, известны также у казахов, вышивка играла важную роль в декоре киргизских тушкиизов²⁵ (илл. 4).

Магико-охранительные функции свадебных занавесей (как собственно занавесей, так и применявшихся в качестве занавесей покрывал *сузани* у таджиков и оседлых узбеков), акцентированные символикой узоров и/или материала, определяли и их роль в институте избегания, известного в прошлом у всех народов Средней Азии и в рудиментарных формах сохранившегося до настоящего времени. Практиковалось избегание между женихом и родителями невесты, невестой/новобрачной и родителями жениха, между брачующимися²⁶. Таким образом свадебный занавес, скрывая и защищая новобрачных в «переходный» период их сакральной инициации, включался в обрядовую систему, восходящую к культу предков и знаменующую собой разрыв новобрачной со своим родом и приобщение к роду мужа²⁷. У таджиков подобное семиотическое значение занавеса можно проследить и в других переходных обрядах жизненного цикла: покрывалом, носящим, как и свадебный занавес, название *чодир/чодар*, накрывали носилки с покойным пожилого возраста при переноске на кладбище, занавесом *чодар* отгораживали помещение с новорожденным²⁸.

Общим для различной этнокультурной среды региона оказывается и представление о свадебном занавесе как редуцированной форме жилища (переносного по своей природе) невесты/новобрачной, отмеченное Г.А. Бонч-Осмоловским и Ф.А. Фиельструпом у тюркских народов. У большинства из них эту функцию свадебный занавес начинает выполнять с вступления девушки в период половой зрелости или после обручения²⁹. Как отмечалось, он отделяет ее спальное место на левой стороне юрты, расценивавшейся в качестве пограничной с «внешним» миром, в который должна будет уйти выросшая дочь³⁰. Занавес и постель новобрачных в юрте мужа также располагались на левой половине, если они проживали в юрте вместе с его родителями, и только в собственной юрте они спали за занавесом на правой, хозяйской, стороне помещения³¹. Занавес как символический образ ее родного жилища (и рода) сопровождал, охранял и изолировал девушку от «чужого» окружения, пока она не становилась его полноправным членом, что происходило после рождения ребенка. Тогда занавес «передавал» свои сакральные функции ее новому дому, в котором отныне ей предстояло жить и который становился для нее родным³².

У оседлых народов свадебный занавес, хотя и фигурирует преимущественно только непо-

средственно в день свадьбы, но так же, как в юрте, выступает связующим звеном между родным и новым жилым пространством новобрачной. К сожалению, в этнографической литературе отсутствуют конкретные указания на то, где именно размещался свадебный занавес; обычно упоминается передний угол комнаты (и в доме родителей, и в доме мужа)³³ или часть комнаты, но представляется, что в данном случае это не имело принципиального значения. Мусульманское брачное законодательство предусматривало обязательное предоставление новобрачным отдельного и, по возможности, изолированного помещения, чтобы жена или оба молодожена (в соответствии с локальными традициями) могли соблюдать требования института избегания. Символическое жилище женщины в этом случае определял не столько занавес, сколько многочисленные вышивки: сначала их развешивали в комнате, где находилась невеста в доме своих родителей, а затем вместе с приданным, включающим постельные принадлежности, одежду, ткани, ковры и войлоки, утварь и другие предметы, которые составляли внутреннее «содержание» любого жилища (как оседлого, так и кочевого), перевозили в дом мужа и размещали в комнате молодоженов³⁴.

В комплект вышивок входили как предметы убранства помещения, например, занавеси для стеновых ниш, покрывала на сандал, так и предназначенные для постели новобрачных простыни, покрывала на подушки, на саму постель и на *рахт* – сложенные стопкой постельные принадлежности. Свадебный занавес оставляли висеть в комнате после свадьбы на срок от сорока дней до рождения ребенка, постепенно убрали и остальные вышивки, что символизировало окончание адаптационного периода девушки в новой семье. Как и в юрте, где свадебный занавес использовался в качестве полого над спальным местом, у оседлых народов свадебный занавес и/или вышивки маркировали непосредственно постель³⁵, «хозяйкой» которой считалась женщина, так как именно в ее приданое входило большинство постельных принадлежностей, а при разводе или после смерти они частично возвращались в ее семью. Растительные узоры разнообразных вышитых изделий являлись символическим пожеланием счастливой и благополучной жизни, главным критерием которой считалось наличие детей. У таджиков Гиссара во время обряда *чодарканон* свадебную занавеску снимали многодетные женщины; в нее клали сладости, хлеб, ветки плодовых деревьев, зеркало, куски белого материала, затем все заворачивали в сверток в виде запеленатого ребенка, который давали подержать молодой с целью магического пожелания плодovitости³⁶. Таким образом, свадебный занавес и вышивки

подчеркивали ее ответственность и главенствующую роль в создании полноценной семьи и обустройстве семейного дома.

Важное указание на генетическую связь свадебного занавеса и комплекта свадебных вышивок с жилищем, принадлежащим женщине, можно найти также в обычаях и ритуалах, сопровождавших их изготовление. Так, вышивки – а в некоторых местах и свадебные занавеси – делали женщины из семьи невесты. Становясь основным убранством помещения молодой семьи, эти предметы передавали ему «женское начало» ее рода. У джиргатальских киргизов, например, для шитья свадебного занавеса из кусочков тканей созывали односельчан – *хашар*³⁷. Изготовление свадебного занавеса у хивинских узбеков так же проходило в присутствии многих приглашенных пожилых и молодых женщин³⁸. Коллективный труд объяснялся не столько практической необходимостью, сколько представлениями о его магической силе; к *хашару* прибегали при всех ответственных работах, в том числе при строительстве дома, рытье и очистке арыков, питающих водой посеи и сады.

Образ дома у равнинных таджиков и оседлых узбеков дополнительно создавался вышивками – *сузана*, заполняющими все пространство комнаты новобрачных. Убранство брачной комнаты этих народов, так же, как у крымских татар, османов, малоазийских узбеков, описанное Г.А. Бонч-Осмоловским³⁹, превращало ее в нарядную палатку, и свадебный занавес был одним из обязательных ее элементов. Эта семантика подтверждается тем, что наиболее старинные образцы вышитых покрывал на постель новобрачных, известные по музейным собра-

ниям, сшиты из пяти полос ткани⁴⁰, как и свадебный занавес *перде* крымских татар. По мнению Г.А. Бонч-Осмоловского, у последних это было связано с пятичастной конструкцией палатки или кибитки (четыре боковых части и навес), из которой и эволюционировало, в частности, *перде*⁴¹. Аналогичная связь, очевидно, существовала также между свадебной кибиткой и *сюзани* и свадебным занавесом в таджикско-узбекской обрядовой культуре.

Примечательно, что термин *чодир*, *чодар*, которым обозначается свадебный занавес горных таджиков, переводится так же, как «палатка», «шатер»⁴², и в этом значении он имеет более широкое распространение, что свидетельствует, вероятно, не только о символической, но и некогда реальной идентичности этих предметов. В XIX – начале XX в. в Бухарском оазисе существовали легкие садовые палатки из ткани – *чодир*, которые устанавливали для отдыха и в дни праздников. Их делали из хлопчатобумажной кустарной ткани *карбос*, окрашенной в зеленый цвет, а внутри богато украшали панно с аппликациями из различных тканей⁴³.

Таким образом, учитывая вышеприведенные доводы, можно предположить, что в культуре оседлого населения Средней Азии – таджиков и оседлых узбеков, как и у тюркских кочевых народов, в историческом прошлом имелось специальное переносное свадебное жилище, причем символическая форма его сохранилась не только в свадебном занавесе, но и в свадебных вышивках. Последние, хотя в настоящее время уже чаще не в ручном исполнении, а машинного производства, по-прежнему составляют обязательную часть приданого и убранства комнаты новобрачных.

¹ Бонч-Осмоловский Г.А. Свадебные жилища турецких народностей // Мат-лы по этнографии. – Т. III. – Вып. 1. – Л., 1926. – С. 101–110; Фиельструп Ф.А. Свадебные жилища турецких народностей // Там же. – С. 111–122.

² Фиельструп Ф.А. Свадебные жилища. Указ. соч. – С. 121, 122; Бонч-Осмоловский Г.А. Свадебные жилища. Указ. соч. – С. 109.

³ Емельяненко Т.Г. Современная свадьба в Каракуле: традиции и инновации // Музей. Традиции. Этничность. – СПб., 2013. – № 1. – С. 27.

⁴ Фиельструп Ф.А. Свадебные жилища. Указ. соч. – С. 118.

⁵ Там же. – С. 117–120.

⁶ Исключение составляло использование занавеса в хивинской свадьбе: как следует из описания Н.П. Лобачевой, его не вешали в комнатах (ни в доме девушки, ни ее мужа) – невеста сидела в углу отдельной комнаты, закрытая платками, – а накидывали на нее

и ее подруг после *никоха* (Лобачева Н.П. Хивинская свадьба // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1985. – С. 119).

⁷ Нурджанов Н. Свадьба // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1976. – Вып. 3. – С. 44, 46, 47.

⁸ Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. – М.; Л., 1959. – С. 129; Сухарева О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков к. Шахристан // Сб. научного кружка при Восточном факультете САГУ. – Вып. 1. – Ташкент, 1928. – С. 81.

⁹ Нурджанов Н. Свадьба. Указ. соч. – С. 49.

¹⁰ Емельяненко Т.Г. Современная свадьба в Каракуле. Указ. соч. – С. 28; Она же. Современная свадьба таджиков Самарканда // Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений. Этнология, история, археология, культурология. 2008–2009. Лавровский сборник. – СПб., 2009. – С. 261.

¹¹ Кисляков Н.Н. Семья и брак у таджиков. Указ. соч. – С. 109, 132, 182; Мардонова А. Свадебное торжество у таджиков Файзабада // История и этнография народов Средней Азии. Сборник статей. – Душанбе, 1981. – С. 116; Мардонова А. Обряд «чодарканон» у таджиков Гиссара // Кратк. содерж. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. – Л., 1986. – С. 34; Нурджанов Н. Свадьба. Указ. соч. – С. 52.

¹² Лобачева Н.П. Хивинская свадьба. Указ. соч. – С. 122.

¹³ Сухарева О.А. Некоторые вопросы брака. Указ. соч. – С. 82; Она же. К истории развития самаркандской декоративной вышивки // Литература и искусство Узбекистана. – Ташкент, 1937. – Кн. 6. – С. 122; Широкова З.А. Декоративные вышивки таджиков верховий Зеравшана // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981. – С. 130.

¹⁴ Нурджанов Н. Свадьба. Указ. соч. – С. 46.

¹⁵ Фиельструп Ф.А. Свадебное жилище. Указ. соч. – С. 118.

¹⁶ Лобачева Н.П. Хивинская свадьба. Указ. соч. – С. 119.

¹⁷ Мардонова А. Обряд. Указ. соч. С. 34; Нурджанов Н. Свадьба. Указ. соч. – С. 54.

¹⁸ Писарчик А.К., Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков материи // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1970. – Вып. 3. – С. 204–212.

¹⁹ Кармышева Б.Х. Юрта в современном быту узбеков // Народные мастера. Традиции, школы. – М., 1985. – Вып. 1. – С. 267, 268.

²⁰ См.: РЭМ, кол. № 6371–52.

²¹ См.: РЭМ, кол. № 8230–1; 8762–22801; 362–12.

²² Теджов А. Свадебные обряды туркмен-емрели // Материалы по исторической этнографии туркмен. – Ашхабад, 1987. – С. 63.

²³ Мардонова А. Свадебное торжество у таджиков Файзабада // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981. – С. 107, 108.

²⁴ Мардонова А. Свадебное торжество. Указ. соч. – С. 107, 108.

²⁵ См.: РЭМ, кол. № 1471–27; 8762–23449.

²⁶ Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. Указ. соч. – С. 203.

²⁷ Там же. – С. 193.

²⁸ Писарчик А.К., Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков материи. Указ. соч. – С. 211.

²⁹ Бонч-Осмоловский Г.А. Свадебное жилище. Указ. соч. – С. 109, 181; Фиельструп Ф.А. Свадебное жилище. Указ. соч. – С. 120.

³⁰ По этой причине обычно слева от входа помещаются мешки с зерном (т.е. еще не обработанными продуктами), конская упряжь, арканы и др. предметы, связанные с деятельностью людей вне юрты, тогда как посуда, сосуды с водой, маслом, мукой, ткацкие принадлежности, одежда – компоненты жизни внутри юрты – располагаются в правой ее части.

³¹ Фиельструп Ф.А. Свадебное жилище. Указ. соч. – С. 111.

³² Там же. – С. 121.

³³ Сведения имеются только о бухарских ирони, у которых в доме невесты занавес вешали «в правом углу торцовой стены» комнаты, а у жениха – в левом (см.: Люшкевич Ф.Д. Этнографическая группа ирани // Занятия и быт народов Средней Азии. – Л., 1971. – С. 62, 64). Однако, если исходить из определения «торцовой стены», приведенного в БСЭ (изд.-е 2-е. – Т. 43. – С. 26), как поперечной (короткой) стороны «прямоугольного в плане здания», а в античных храмах и средневековых базиликах – стены главного фасада здания, то занавес должен был бы располагаться в доме девушки слева от входа, в доме мужа – соответственно, справа.

³⁴ Сухарева О.А. Некоторые вопросы брака. Указ. соч. – С. 82; Широкова З.А. Декоративные вышивки. Указ. соч. – С. 130.

³⁵ У хивинских узбеков из свадебного занавеса впоследствии шили одеяло (см.: Лобачева Н.П. Хивинская свадьба. Указ. соч. – С. 119). У крымских татар свадебный занавес *перде* служил для закрывания постельных принадлежностей, сложенных на сундуке (см.: Бонч-Осмоловский Г.А. Указ. соч. – С. 104).

³⁶ Мардонова А. Обряд. Указ. соч. – С. 34.

³⁷ Писарчик А.К., Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков материи. Указ. соч. – С. 211.

³⁸ Лобачева Н.П. Хивинская свадьба. Указ. соч. – С. 119.

³⁹ Бонч-Осмоловский Г.А. Свадебное жилище. Указ. соч. – С. 104.

⁴⁰ РЭМ, кол. № 58–140, 149, 164: вышивки датированы первой половиной XIX в.

⁴¹ Бонч-Осмоловский Г.А. Свадебное жилище. Указ. соч. – С. 103, 108, 109.

⁴² Таджикско-русский словарь. – М., 1954. – С. 444.

⁴³ Жилина А.Н., Кузнецов А.И. К истории поселений и жилища Каракульского оазиса Бухарской области // Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г. – М., 1972. – С. 34; Сухарева О.А. Позднефеодалный город Бухара. – Ташкент, 1962. – С. 133.

Сегмент внешнего продукта в казахском социуме конца XVIII – начала XX в. и способы его образования: грабеж, дань, вознаграждение, обмен, торговля

ЛАРИСА ФЕДОРОВНА ПОПОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Заведующая отделом этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
e-mail: rem_larisa@mail.ru

В статье рассмотрены основные способы получения казахами продуктов «внешнего мира» в контексте развития материальной культуры этноса на протяжении конца XVIII – начала XX в. Вслед за повышением роли обмена и торговли в экономической жизни казахов сегмент внешнего продукта увеличивался, влияя на социальные отношения и определяя сферу престижного потребления. Вместе с тем отношение к занятию торговлей в казахском обществе было неоднозначным: в целом это занятие относилось к числу не престижных, и по большей части обменно-торговые отношения с внешним миром осуществлялись при посредстве маргинального слоя обедневших кочевников. По мере вовлечения казахов в экономическую систему Российской империи развитие товарно-денежных отношений в казахском обществе получило ускорение, что привело к появлению новых хозяйственных стратегий кочевников, в том числе и различных форм предпринимательства. Тем не менее, на протяжении всего рассматриваемого периода новации в сфере обмена и торговли контролировались традиционными нормами, направленными на перераспределение в коллективе тех или иных материальных благ вне зависимости от источника их поступления.

Ключевые слова: казахи, кочевники, среднеазиатские ханства, Российская империя, грабительские набеги, обмен, торговля, предпринимательство.

UDC 39

Segment of Foreign-made Commodities in the Kazakh Society in the End of the 18th – Early 20th Centuries and Ways of Obtaining Them: Plunder, Tribute, Ransom, Barter and Trade

LARISA F. POPOVA

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
Head, Department of the Ethnography of the Peoples of the Central Asia and the Caucasus
e-mail: rem_larisa@mail.ru

The article traces the chief means of procuring foreign-made goods by the Kazakhs in the context of this ethnic group's material culture development over the period from the end of the 18th century to the early 20th century. In the wake of the growing role of barter and trade in the economic life of the Kazakhs, the volume of foreign-made goods consumed increased, impacting as it did their social relations and defining the sphere of prestigious consumption. At the same time, the general attitude to commercial enterprise in their society was far from unambiguous: on the whole, this kind of career was not looked up to, so by and large the exchange and trade with the outer world were shouldered by the marginal crust of impoverished nomads. As the Kazakhs got increasingly involved in the economic system of the Russian Empire, greater impetus was gained by market and money relationships, which resulted in the emergence of the nomads' new economic strategies, including different forms of business activities. Nevertheless, throughout the period under consideration, every innovation in the sphere of barter and trade remained controlled by the traditional norms aimed at redistribution within the collective of certain material benefits and incomes, regardless of their source of origin.

Key words: Kazakhs, nomads, Central Asian Khanates, the Russian Empire, plunder raids, exchange, trade, business enterprise.

Рассматриваемая тема лежит в русле такой обширной теоретической проблемы, как «кочевники и внешний мир», большой вклад в разработку которой внесли отечественные исследователи кочевых культур Г.Е. Марков, Н.Н. Крадин, Н.Э. Масанов, А.М. Хазанов и др.¹. Важными аспектами этой проблемы являются вопросы о пределах автаркии кочевых сообществ, о содержании и способах формирования того сегмента экономики, который мы условно называем «внешним», то есть образуемым не в рамках скотоводческого натурального хозяйства, а поступающим извне тем или иным способом. В связи с этим одним из наиболее дискуссионных является вопрос об отношении кочевников к занятию торговлей, о влиянии развивающихся в Новое время торговых отношений на экономические, социальные и культурные процессы в кочевом мире, а также об обратном воздействии кочевников на торговые связи в том или ином историко-культурном регионе. Также изучение экономики кочевых этносов способствует выявлению общего и особенного в стратегиях «человека экономического», находившегося на ранних стадиях культурогенеза или длительно переживавшего архаичные установки в сфере производства и распределения общественного продукта. Новаторские подходы к рассмотрению этих проблем изложены в трудах исследователей 1960–1970-х гг. К. Поланьи, М. Салинса, Ю. Семенова, В. Шнирельмана и многих других авторов, которые поставили задачу понимания изучаемых культур «изнутри», с учетом их нормативных установок, психологических особенностей и смысловых полей². В начале XXI в. «экономическая антропология» в России становится одним из перспективных направлений этнологических исследований, вызывающих живой интерес научного сообщества³.

В данной работе вопросы, связанные с отношением кочевников к ресурсам внешнего мира, рассмотрены на примере казахов, чья обширная этническая территория занимала в Евразии срединное положение между Россией, государствами Средней Азии и Китаем. Только одна эта геополитическая особенность позволяет отнести казахский фактор к числу наиболее влиятельных в определении динамики культурно-экономического развития Среднеазиатско-Казахстанского региона. Рассматриваемый в данной работе период конца XVIII – начала XX в. для истории Казахстана и Средней Азии стал переломным в связи с российской колонизацией, сопровождавшейся реформированием традиционных обществ и попыткой подчинения их европейским моделям социально-политического устройства. Корпус документов

этого времени позволяет современному исследователю «наблюдать» этот социальный эксперимент, выявить содержание трансформаций, почувствовать реакцию общества на вызовы времени и проанализировать адаптивные стратегии казахов-кочевников в сфере обменно-торговых отношений.

В XVIII – первой половине XIX в., по данным многих источников, казахи не были широко вовлечены в региональную систему купли-продажи. Так, например, С.Б. Броневский в 1820-х гг. отмечал, что «киргизы еще мало побуждаются вступать в торговые связи с соседями»⁴; по данным П.Е. Маковецкого (1860-х гг.) «сами киргизы занимаются торговлей сравнительно редко, да и те, кто поселился ближе к городам или поблизости от них. В отдаленных волостях едва найдется несколько человек, которые, не ограничиваясь скотоводством, производят торг скотом или красным товаром»⁵.

Это обстоятельство было определено целым рядом причин, среди которых трудно выделить основную, поскольку функции каждой из подсистем кочевой культуры тесно взаимосвязаны. Можно начать с констатации, что потребность в продукции оседлого мира у кочевников Средней Азии до известного времени была сравнительно ограниченной вследствие существовавшего обыкновения не пользоваться покупными предметами роскоши, а так же из-за отсутствия в рационе углеводных продуктов (хлеб и сахар были редчайшим лакомством). О простоте быта основной массы казахов и определенном равенстве на потребительском уровне, сохранявшемся в целом до середины XIX в., свидетельствует Б.Д. Даулбаев – казах, член-сотрудник Оренбургского отдела ИРГО. Так, в одной из своих публикаций он сообщает: «Самые богатые люди, хотя доставали из Бухары ковры, шелковые и бумажные халаты и прочие материи, но не употребляли их в обыкновенное время: эти вещи переходили от отца к сыну и т.д., или же в виде приданого к дочерям; ибо в то время у киргиз как в одежде, так и в пище никакой роскоши не допускалось...»⁶. В качестве сравнения можно привести сведения Ч.Ч. Валиханова о быте киргизов богатого и сильного племени бугу: «Потребности у киргиза самые простые. Ему нужно иметь 10 баранов и несколько лошадей <...>; одной рубахи и халата <...> достаточно ему на целый год. Самые их владельцы, мананы, тоже не требовательны и довольствуются почти тем же, чем и простой черный бухара (простолудин) <...> По ограниченности [потребностей], малочисленности и отсутствием требований торговля эта, или правильно мена, ограничивается самым ничтожным количеством

и суммой...»⁷. Установка на низкий уровень бытовых запросов является, возможно, общей характерной чертой обществ с мобильным образом жизни, что убедительно показал М. Салинс на примере австралийских охотников и собирателей. Члены этих обществ при минимальном достатке не чувствовали себя ни бедными, ни несчастными, последовательно придерживались баланса между трудовыми усилиями и отдыхом, не были обременены лишним скарбом при кочевании, создавая тем самым вполне комфортную модель социальных отношений⁸.

Следующий фактор, ограничивавший масштаб вовлечения казахов в обменно-торговые отношения, в большой степени связан с предыдущим. Поскольку главным богатством кочевников считался скот, а естественной формой его увеличения являлось пополнение поголовья, то сокращение количества скота явно наносило ущерб престижу владельца и означало его обеднение. А.И. Левшин, досконально описавший быт казахов Младшего жуза в первой четверти XIX в., приводит показательный диалог с владельцем огромного конского табуна: «Народ сей не извлекает из богатства другой пользы, кроме тщеславия. Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: “Для чего стану я продавать мое удовольствие, деньги мне не нужны, я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат”»⁹. Визуализация богатства составляет характерную черту традиционной культуры многих обществ и, как будет показано ниже, рано или поздно вступает в противоречие с денежной формой накопления.

Среди причин, определявших в данный период слабое развитие торговли у казахов, находятся и культурно-психологические особенности кочевников. Так, например, город с его теснотой и базарной суетой казался кочевнику враждебным пространством, нахождение в котором воспринималось как болезненное испытание. Это очень точно зафиксировал в 1860-х гг. казахский беллетрист и бытописатель М.-С. Бабджанов: «Для ее (Ткани. – Л.П.) покупки в места продажи отправлялись немногие, большая часть, оставаясь в аулах, просили “базарчиев” (Отправляющихся на базар. – Л.П.) приветить и им нужное <...> Самим же киргизам ехать на базары <...> казалось самым трудным делом. В селениях киргизы так стеснялись, что возвращаясь домой, торжествовали, как воины после победы <...> Тогда была поговорка: “три дня не спрашивай ума и советов у того, кто был на

базаре”»¹⁰. Недаром в торговых отношениях степняков и жителей оазисов сложился институт «торгового друга»: в городе кочевник обычно имел делового партнера, помогавшего ему адаптироваться в чужом социуме и избежать обмана со стороны искушенных городских дельцов¹¹.

Кочевые общества, генетически базирующиеся на принципах иерархии (родоплеменной, статусной, возрастной и др.), чрезвычайно чувствительны к статусам и позициям на шкале «престиж». Некоторые оценки на этой шкале могли быть скользящими, изменчивыми, но значительная их часть являлась константой. Так, в системе жизнеобеспечения казахов единственно достойным делом закономерно считалось кочевое скотоводство, а все остальные занятия, и в особенности торговля, котируются как низменные, не достойные номада поприща¹². Крайне предосудительным, «в обиду предков»¹³, полагалось участие в торговых сделках султанов-чингизидов как аристократического сословия «белой кости». *Кожа* – другая группа «белой кости», ведущая свое происхождение от сподвижников пророка Мухаммеда, могла бы заниматься торговлей ввиду своего оседлого положения, но отдавала предпочтение земледелию все по той же причине¹⁴.

В своей, ставшей хрестоматийной, работе «Кочевники и внешний мир» А.М. Хазанов утверждает, что цивилизация кочевников не могла быть автаркичной, и, следовательно, торговля в этой среде представляла уважаемое и престижное занятие¹⁵. В силу обобщающего характера упомянутого труда данные тезисы могут быть приняты только как общая модель. Можно согласиться с тем, что связь с земледельческими цивилизациями для кочевников была жизненно необходимой, но продукция оседлого мира добывалась в первую очередь отнюдь не мирными способами. У номадов Средней Азии наиболее достойным средством приобретения желаемых ценностей считался грабительский набег, рассматриваемый, прежде всего, как доблесть и возможность повышения личного социального статуса. Это обстоятельство было отмечено еще первой плеядой исследователей Казахстана, среди которых наиболее видную роль играли офицеры Генерального штаба. Так, Л. Мейер отмечал, что «скотоводство составляет главный источник богатства киргизов. Еще недавно на киргиза, занимавшегося каким-то другим промыслом, за исключением грабежа, собраты смотрели с презрением»¹⁶. Институт набега на базе туркменских материалов удостоился специального внимания в монографии Ю.М. Ботякова «Аламан»¹⁷, где освещены в том числе и ценностные аспекты этого социального

феномена. Представляется, что выводы автора во многом могут быть приложены и к казахским реалиям как однотипным туркменским вследствие общих кочевнических основ культуры названных народов. Например, как и у туркмен, изживание набегов, *барымты* и других форм вооруженных действий привело казахский социум к системному кризису.

Одним из важных аспектов института набега является отношение к захваченной добыче и обычаи ее распределения. В контексте рассматриваемой темы правомерно поставить вопрос о том, какого рода предметы присваивались при грабежах караванов и какое социально-экономическое значение они имели. Безусловно, что структура награбленного вряд ли может быть исследована за отсутствием объективных данных, к тому же объем захваченных предметов был в большой мере случайным и не определялся ни потребностями общественного хозяйства, ни уровнем личных запросов кочевника. Значительная часть вещей просто погибала либо в результате физической борьбы, либо в ходе дележа, который, согласно древним обычаям, осуществлялся строго поровну – невзирая на неделимость многих предметов (ковров, часов и т.п.) – сначала между участниками набега, а затем и в кругу сородичей. Яркое свидетельство этому находим в записках врача Саввы Большого, проведенного в плену у казахов несколько лет: «Глаза мои видели, что в течение четырехдневного нашего пути так было все разделено, что ничего в целостности не осталось. Сукна, выдровые меха, кожи и другие сим подобные вещи были изорваны в мельчайшие кусочки. Математические инструменты, стигивы, астролябии, транспортиры, циркули и проч. тут же были все переломаны и разделены по маленьким штучкам. – Иному достался только винтик, другому маленькая бляшечка. Смешно было смотреть на разделение карманных часов...»¹⁸. Часть уцелевших вещей в конечном счете пополняла пласт престижного потребления, обращалась в сокровище, присоединялась к приданому, включалась в систему дарообмена и т.п. Отдельную категорию добычи составляли пленники, торговля которыми имела вековые основания и представляла выгодную статью доходов вплоть до ее запрещения российскими властями¹⁹.

Безусловно, архаичные установки на раздел добычи в рамках кочевой общины находились в противоречии с понятием о личной выгоде, которая лежит в основе торговли как таковой. Примечательно, что в соответствии с принципом равного дележа торговая прибыль в идеале также должна была перераспределяться в интересах коллектива²⁰. Экономическое значение

набегов, в то же время, нельзя недооценивать: для обедневших кочевников это был зачастую единственный способ хоть чем-нибудь прокормиться²¹.

Грабительские набеги на торговые караваны происходили в казахских степях вплоть до середины XIX в. и даже позднее, что оказывало крайне негативное влияние на развитие торговых отношений в регионе. Российские власти отвечали на разбойнические действия репрессиями, всегда решая конфликты в пользу купцов, которые, пользуясь этим, старались подавать завышенные иски²². Во избежание грабежей требовались значительные дипломатические усилия со стороны отправителей каравана, а именно переговоры и подарки для получения согласия владетельного султана на пропуск торговцев. За пересечение подвластной султанам территории взимался *зьякет*, составлявший одну сороковую стоимости товаров²³. Право контроля торговых путей казахская аристократия использовала в качестве средства внутри- и внешнеполитического давления, повышения своего общественного авторитета, а заодно и получения материальной выгоды, хотя бы впоследствии и распределенной между членами коллектива. Коммерческая деятельность казахских ханов и султанов, несмотря на ее предосудительность в глазах общества, являлась, вероятно, частью стратегии правителя в условиях жесточайшей борьбы за власть, сопровождавшей всю историю Казахского ханства, включая и первые десятилетия колониального периода. Так, например, хан Младшего жуза Жанторе (1759–1809) производил обменные операции с оренбургским купцом Осипом Введенским и высказывал желание осуществлять акты товарного обмена вблизи ханской ставки в интересах своих подданных²⁴.

Капитан И.Г. Андреев, лично знавший одного из правителей казахов племени найман султана Абулфеиса, доподлинно свидетельствует о его усилиях по организации в 1764 г. менового двора в Семипалатной крепости: «Весьма довольно в бытность свою приохотил выходить в Семипалатную купеческих ташкентских и бухарских караванов, коих и приказывал препровождать всегда знатнейшим старшинам или же своим сыновьям»²⁵. Абулфеису не удалось противостоять грабежам, творимым его политическими соперниками, но его опыт, тем не менее, принес свои очевидные плоды – Семипалатинск постепенно стал крупным центром торговли в восточных областях Казахстана.

Развитая практика набегов на караваны не исключала у казахов мирных посреднических услуг в обслуживании караванной торговли, которые предусматривали вознаграждение

в натуральной форме или денежную плату, позволяющую приобрести внешние продукты. Извоз можно считать исконной нишей казахо-кочевников в системе региональных торговых отношений. Движение караванов в пустынных и степных пространствах было бы невозможным без обеспечения их верблюдами и ухаживающими за ними возчиками, без опытных *караванбаши* (глав караванов), без поддержки людей и животных кровом и питанием в кризисных ситуациях. Показательно, что даже нормы обычного права казахов предусматривали наказание за оставление каравана без помощи при угрозе его гибели²⁶. Заключенные договоры на доставку товаров казахи в целом исполняли добросовестно и имели хорошую репутацию среди среднеазиатских купцов, хотя в источниках описаны и случаи коварства возчиков – вымогательство дополнительной платы, задержки в пути вследствие изменения маршрута, мотивированного интересами караванщиков и т.п. Подобные инциденты не оставались безнаказанными: потерпевшие вне зависимости от подданства могли обратиться к казахским народным судьям *биям* для разбирательства по поводу нанесенного ущерба.

Практика извоза – весьма тяжелого и рискованного занятия – находилась в противоречии с принятой в казахском обществе низкой социальной оценкой труда как такового. Природа этого противоречия может быть объяснена при обращении к проблеме социального положения лиц, осуществлявших различные работы по найму. Именно этот аспект не был должным образом принят во внимание А.М. Хазановым при формулировке положения о торговле как исконном и уважаемом занятии для кочевников. Только в среде разорившихся номадов рождались не присущие скотоводам стратегии выживания – переход к земледелию, торговле, промыслам, работе по найму и др. Осевшие казахи составляли маргинальную группу, которая называлась *джатаки* (букв. – «лежащие») или *байгуши*. Социальный статус ее членов был чрезвычайно низким, а кочующие казахи относились к ним как к чужеродным отщепенцам. Как правило, казахи, потерявшие возможность кочевать, стремились вновь приобрести необходимое количество скота и вернуться к прежнему образу жизни²⁷. Поэтому, выращенный хлеб или заработанные иным способом средства *джатаки* выменивали на скот, в то же время покупные вещи, считавшиеся роскошью, вряд ли играли существенную роль в системе их жизнеобеспечения. Хотя вполне можно допустить, что в этой социально подвижной среде, так или иначе вовлеченной в обменные отношения, импорт-

ные вещи, полученные в качестве платы за труд, могли войти в повседневный обиход.

Подробные сведения об условиях найма возчиков в западной части казахской степи, где караванное движение между оазисами Средней Азии и рынками Волго-Уральского региона было особенно интенсивным, приводит П.И. Небольсин в своем уникальном труде «Очерки торговли России со Средней Азией»²⁸, удостоенном в 1856 г. половинной Демидовской премии. Среди множества любопытных фактов автор упоминает, что разные караванные маршруты «обслуживали» определенные казахские родоплеменные подразделения. Так, на Оренбург караваны сопровождали «семиродцы»²⁹, а на Троицк – казахи родоплеменного объединения байулы (Младший жуз) или кипчак (Средний жуз)³⁰. Своих верблюдов казахи отдавали подрядчику, которым мог быть и сам *караванбаши*; при большой численности взятых животных он сам нанимал помощников из одного с ним рода (на каждую сотню верблюдов приходилось 20–30 человек охраны). Условия оплаты найма верблюдов зависели от разных обстоятельств, что могло разительно сказываться на цене. Например, в 1850 г. владелец верблюда брал рубль с пуда поклажи при следовании каравана в Уральское укрепление, но если караван направлялся в Аральское укрепление, то два рубля. Возчикам выплачивали 40 копеек серебром за каждого обслуживаемого верблюда. Наем так называемых портальных верблюдов, на которых везли самое ценное имущество, обходился хозяину товара дороже³¹. За преодоление водных преград возчик получал «конец» бязи с каждого вьючного верблюда³². Как видно из приведенных данных, оплата в сфере извоза могла осуществляться как в натуральном виде, так и в денежной форме.

Следует отметить, что с водворением в степи спокойствия вследствие силовой политики России, надобность в крупных караванах стала уменьшаться, купцы не боялись отправляться уже с небольшими партиями товара. Тогда же у казахов появляется и такое новшество в способах транспортировки грузов, как телега, запряженная волами³³.

Еще один вид найма, связанный с торговлей, заключался в том, что бухарские купцы во избежание таможенных сборов на российских меновых дворах нанимали «бедного киргиза гнать скот на линию»³⁴, поскольку там казахи могли обменивать скот беспоплавно.

Размер подлинных доходов казахов, работавших по найму, вряд ли возможно установить, так как этот доход, скорее всего, тоже подлежал закону перераспределения.

По всей видимости, наиболее существенную роль в удовлетворении реальных жизненных потребностей казахов издавна играл внутренний обмен между отдельными казахскими племенами. Механизм распространения товаров по казахской территории в 1860-х гг. описан А.Н. Тетеревиновым, посвятившим проблеме торговых отношений в степи отдельную работу³⁵. Согласно его данным, каждый год в конце мая на реке Сары-Су в ходе перекочевков происходили торговые встречи казахов Сырдарьинской и Семипалатинской областей, при этом первые предоставляли для обмена хлеб, баранов и верблюдов, а вторые – лошадей и крупный рогатый скот. Затем сырдарьинские казахи продвигались на летовки к северу, где променивали хлеб и скот на изделия из дерева, которым были богаты лесостепи. Торговые встречи на Сары-Су привлекали и торговцев из земледельческих оазисов региона³⁶. Обменные операции в ходе перекочевков всецело отвечали мобильному образу жизни кочевников, не требовали особых организационных усилий и специальной торговой инфраструктуры. По мнению А.К. Гейнса, «определить ценность и направление внутренней торговли нет никакой возможности»³⁷, поскольку эта деятельность протекала вдали от российских укреплений.

Древние караванные дороги, соединявшие оазисы Средней Азии с Европейской Россией, Уралом и бассейном Иртыша с их водными источниками, урочищами, бродами, казахам были известны очень хорошо и в той или иной степени использовались ими для перекочевков³⁸. В контексте современного дискурса о северных участках Шелкового пути³⁹ данные по истории этих трасс представляют большой интерес, а их картографирование могло бы послужить реконструкции масштабной картины торговых связей древности и Средневековья в Центральной Евразии.

Вполне очевидно, что благодаря внутреннему обмену в те или иные территориальные сегменты казахского социума поступал самый необходимый ассортимент продуктов. Как массовая продукция натурального хозяйства особой знаковой функцией она, видимо, не обладала, в то время как предметы, получаемые в результате обмена с внешним миром, ценились во всех отношениях намного выше. Цену импорта помимо спроса определяли высокие накладные расходы при пересечении границ, налоговые сборы, риски грабежей, отчисления на поборы сильных мира сего и т.п. Покупные изделия имели исключительно высокий знаковый статус, поскольку были включены в систему престижных ценностей, маркировали социаль-

ные ранги и опосредовали отношения дарообмена, особенно разветвленные, например, в семейной обрядности казахов.

Как участники товарного обмена казахо-кочевники всегда были привлекательны для соседних оседлых цивилизаций, так как продукты скотоводства являлись для них жизненной необходимостью, представляя собой источник белковой пищи, сырье для кустарной промышленности и ресурс для меновой торговли с другими земледельческими областями. Находили спрос в оазисах и изделия домашней промышленности казахов – веревки, ремни, войлоки, шерстяная домотканина, выделанные меха. Так же успешно сбывались природные богатства казахских земель, например, пережженная слюда, охра, саксауловый уголь⁴⁰. Меновые дворы в городах среднеазиатских государств предоставляли кочевникам наряду с правовыми гарантиями возможность пользования торговой инфраструктурой (караван-сараями, лавками, услугами маклера по сбыту-приобретению товаров)⁴¹. Однако же у данной легальной формы торговли с кочевниками существовала альтернатива в виде практики торговых операций на казахской территории в ходе транзитного движения караванов среднеазиатских купцов. Это позволяло торговцам избежать тех или иных сборов, что в конечном счете оброчивалось выгодой и для кочевников, которые могли приобрести товары дешевле.

Что же импортировали казахи из среднеазиатских ханств, обменные отношения с которыми установились гораздо раньше, нежели с Россией? Значительный удельный вес в общей массе товарообмена составляли предметы костюма, в особенности мужского. Приобретение кочевниками партий готовой одежды на территории Средней Азии и Казахстана фиксируется археологами еще в древности⁴². Популярность одежды из хлопчатобумажных тканей, несомненно, связана с ее гигиеничностью и комфортом, хотя любая покупная вещь у казахов немедленно попадала в группу предметов престижного потребления. Наиболее сложной являлась знаковая система верхней мужской одежды – халатов, шуб, чекменей, шаровар, а также головных уборов, ценность которых определялась качеством материалов и декоративных элементов⁴³. Особо следует выделить одежду из замши с тончайшей вышивкой шелком, которую изготавливали, в частности, мастера Ташкентского оазиса. Так, замшевые шаровары являлись частью костюма охотников, воинов, есаулов, а халаты носили представители сословия султанов-чинигидов. Этнографические источники, в том числе музейные материалы свидетельствуют, что большой

популярностью у мужчин пользовались импортные тканые пояса – драпирующиеся кушаки и плотные бархатные *белдик* с металлической пряжкой⁴⁴. Высоко ценилась и обувь. Например, средние слои казахов покупали у бухарцев *кара сабру* – качественные дорогие сапоги, за одну пару которых порой уступали лошадь, поскольку такие сапоги служили долго⁴⁵. Под влиянием контактов с оседлым населением региона, а также с казанскими татарами, постепенно в обиход вошли мягкие сапоги с кожаными галошами как элемент костюма, приличествующий мусульманину⁴⁶.

Потребность в привозных тканях для изготовления женского казахского костюма была обусловлена необходимостью маркировки возрастных градаций и социальных статусов женщин, в том числе посредством сортности и цвета текстильных материалов. Для изготовления женского головного убора казашек, состоявшего из глухого «капюшона» и тюрбана сложной конструкции, требовалось, как минимум, несколько метров тонкой белой ткани. Для столь важной части женского костюма как украшения требовался постоянный источник поступления привозных материалов – серебра, монет, кораллов, сердолика, жемчуга, глазчатых бус и др. По свидетельству Р. Карутца, наблюдавшего быт туркмен и казахов на Мангышлаке в начале XX в., «серебряный рубль отправляется скорее в косы женщин, чем в сундук, в плавильник странствующего ювелира, делающего из него кольца, пояса, веретена, скорее, чем в кошель мужчины»⁴⁷. Звонкая монета по разным причинам составляла основную статью экспорта из России в Среднюю Азию⁴⁸, а оттуда – и на казахские земли.

Предметы интерьера, приобретаемые казахами у среднеазиатских купцов, – это, главным образом, спальные и постилочные принадлежности: одеяла, матрасики для сидения, подушки. Они ценились за высокое качество использованного текстиля – популярной набойки, а также высокосортных полушелковых тканей, например, бухарского *адраса*. Поскольку эти вещи изначально входили в состав приданого, которое в ходе свадебных церемоний неоднократно выставлялось на всеобщее обозрение, то вполне очевидно, что их наличие являлось показателем престижа.

Столовая утварь, которая свидетельствовала о достатке семьи и ценилась как важный элемент культуры застолья, также отчасти была покупной. С развитием традиции чаепития в обиход вошли китайские фарфоровые пиалы и среднеазиатские медные сосуды для кипячения воды (позднее – русские самовары). Чай и сухофрукты

в середине XIX в. бытовали только в среде зажиточных семейств, но постепенно эти продукты стали обязательной частью трапезы, сначала парадной, а затем и повседневной. Хлеб и крупяные изделия постепенно входили в рацион кочевников на протяжении второй половины XIX в.; потребление этих продуктов в данный период имело устойчивую постоянную динамику. Полюбившуюся казахам джугару поначалу обменивали у бухарцев и хивинцев⁴⁹.

Особым спросом у казахов пользовалось среднеазиатское огнестрельное оружие, а также свинец, порох, кольчуги, сабли и другие виды холодного оружия⁵⁰.

Восточные области Казахстана во многом ориентировались при обменных операциях на Китай. После отражения в начале XVIII в. джунгарского нашествия казахи заняли часть территории бывшего Джунгарского ханства, вплотную придвинувшись к границам Поднебесной империи. Ассортимент китайского товарного импорта был освещен И.Г. Андреевым в 1770-х гг. Он сообщил, что «от китайцев получают: серебро в ямбах и мелкое, дабы синие, китайку, посуду лаковую, канфы, фанзы, лянзы и другие простые материи, штофы, парчи, бархаты и китайское платье»⁵¹.

Во второй половине XVIII в. сформировался новый вектор казахского товарообмена – им стала Россия, составившая, в первую очередь, конкуренцию Бухаре и Хиве. Это обстоятельство не могло не вызывать беспокойства среднеазиатских государств, что повлекло за собой активизацию с обеих сторон дипломатических и торговых миссий. В политике торговой экспансии, рассматривавшейся и как политический инструмент, на первых порах выигрывали бухарцы, но поощрительные мероприятия российских властей заставляли казахов приступить к новой ситуации.

Подробно исследовать номенклатуру товаров, поступавших через российскую границу, в данной работе нет необходимости, поскольку перечень их основных категорий не слишком отличался от среднеазиатских. При этом следует подчеркнуть, что рыночные связи, следуя закону всемогущего спроса, изменяли потоки товаров, и российские купцы для завоевания казахского рынка поначалу торговали именно среднеазиатским текстилем как более привычной для кочевников продукцией. Как сообщает А.К. Гейнс, «чтобы лучше угодить вкусу киргиз, нашими купцами долгое время перепродавались разные бумажные ткани, получаемые от хивинских и бухарских торговцев, и только в новейшие времена наши промышленники стали принаравливать свои произведения ко вкусу и потребностям

киргиз»⁵². Таким образом, первенствующие позиции в российском импорте занимали ткани (ситец, сукно, бархат, плис); фурнитура (галун, пуговицы); обувь; металлическая, деревянная и фарфоровая утварь (котлы, самовары, чаши, пиалы); чай и хлеб. В конце XIX в. под влиянием технического прогресса казахи научились пользоваться анилиновыми красителями, швейными машинами, сельскохозяйственной техникой. Появились и новые виды транспорта, например, тарантасы⁵³.

Сфокусируем внимание на тех обстоятельствах, которые уже в первой половине XIX в. благодаря российской политике способствовали увеличению объема покупок продуктов и выработке новых экономических стратегий кочевников, изменивших их ментальность в отношении занятия торговлей.

С конца XVIII в. основной формой торговли России со степняками являлась мена в пограничной зоне. Администрация Области оренбургских киргизов настоятельно приглашала казахов к торгу на линии и на меновых дворах Оренбурга, Троицка, городов Прииртышья, стимулируя их интерес различными средствами. Так, например, военный губернатор Оренбурга Г.С. Волковский для привлечения в город выборщиков нового хана Жанторе, являвшегося ставленником российской администрации, гарантировал казахам выгодные условия для обмена скота на мануфактурные изделия и т.п.⁵⁴.

Прибыль купцов от меновой торговли с казахами всегда была весьма значительной⁵⁵, поскольку неискушенному кочевнику сложно было контролировать равноценность обмена по стоимости товаров, несмотря на наличие эквивалента стоимости в виде барана-трехлетки, приравняемого к одному рублю серебром. Кроме того, сама процедура обмена скота на линии лишала кочевников инициативы в ведении торга, чем торговцы беззастенчиво пользовались⁵⁶. Это говорит о том, что для кочевого общества расчет и выгода не являлись целью сделки, важнее было получение необходимых вещей как таковых.

Позднее, в 1850–1860-х гг., меновая торговля стала разворачиваться на небольших рынках российских фортов, где своими постоянными лавками обзавелись и некоторые казахи. Безусловно, эти местные рынки не могли конкурировать с масштабами пограничной торговли, но были в состоянии удовлетворить повседневные нужды населения округи. И самое примечательное – эти очаги торговой активности в локальных сообществах способствовали важным переменам: вырос потребительский интерес, изменились даже территории зимовок,

которые казахи старались устраивать поближе к торговым факториям⁵⁷.

Примерно в этот же период на территории Казахстана развивается еще более эффективная форма торговли – обмен товарами непосредственно в казахских кочевьях. Ее инициаторами стали купцы «торговых народов» – татар, сартов, русских, казаков, направлявшие в степь своих приказчиков как для мелочной разъездной торговли, так и стационарной, организованной в российских укреплениях, а также на стихийных и регулярных ярмарках. Особенно преуспевали в этом казанские и сибирские татары как единовладельцы казахов, причем говорившие на родственном языке. Значительное количество татарских торговых приказчиков проживало в казахских аулах почти постоянно. Впоследствии такую модель торговой деятельности переняли многие русские купцы, а затем и некоторые казахи, которые в своих аулах стали заниматься мелочной торговлей и посредничеством. Торговля в степи была обоюдодовыгодной, так как позволяла экономить на таможенных сборах и тратах на дорогу до крупных ярмарок. Правда, купцы зачастую вывозили в степь нераспроданный товар низкого качества – на «азиатскую руку»⁵⁸, однако это не отражалось на покупательском спросе вследствие особенностей ценностной шкалы местного населения.

Вопрос о появлении денежного обращения у казахов мало исследован. Отправным событием, заставившим казахов обратить внимание на существование такой меры стоимости как деньги, явилось введение кибиточного налога, который с 1837 г. стали собирать именно деньгами. Однако еще довольно долго, вплоть до начала XX в., денежное обращение не смогло вытеснить натурального обмена, а деньги продолжали восприниматься как опасная и чуждая «сущность», та форма богатства, которую трудно, в отличие от скота, манифестировать и контролировать⁵⁹. Сохранение роли скота как основного богатства кочевников прекрасно проиллюстрировал Р. Карутц: «Итак, принцип накопления (Скота. – Л.П.) господствует еще и в настоящее время на Мангышлаке. Туркмены выражают его следующим образом: «Богатый охотнее платит деньгами, чем скотом, кредитор охотнее берет скот, чем деньги, а если кто-нибудь получит деньги, то он старается купить на них поскорее скот». Золото, к которому мы стремимся и которым мы дорожим, здесь – скот еще и по настоящее время»⁶⁰.

Авторы многих исследований, посвященных казахскому быту, единодушны во мнении, что «у киргизов не имеется в обращении денег»⁶¹.

Вследствие дефицита денег в казахском обществе широкое распространение получило кредитование: торговцы предоставляли товары или денежные займы под еще не родившийся скот. В связи с этим приведем содержание деловой записки российского чиновника: «Не излишним считаю представить здесь о всеобщем кредите между киргизами, который до того распространился, что трудно найти взрослого киргиза, который не был бы кому-либо должен или не замешан в поручительство у других, или не имел бы сам должников. Причина этого явления – недостаток между кайсаками монеты, заменяемой скотом и другими невмещаемыми в карман материалами их производительности, но как скота, кожи, шерсти и т. подобные предметы ввиду их неудобообращения не всегда выгодно отдавать и не во всякое время сходно принимать, то обстоятельство это крайне пугает киргизов в исках и в делах ихней коммерции, причем слова дебет и кредит невольно внедряются между продающими и покупающими как необходимое подспорье при недостатке денег»⁶². Честность казахов при расчетах была абсолютной, тем более что долговые обязательства по нормам обычного права обеспечивались поручителями и коллективом родственников⁶³.

Экономическая стабильность во второй половине XIX в., снижение рисков при торговле на дальние расстояния, тесное общение с представителями коммерческой среды, диктат государственной фискальной политики, повышение образовательного уровня и другие факторы способствовали постепенному вхождению денег в экономический быт казахов. Так, А.Н. Красовский сообщает в 1867 г., что казахи «уже разобрались в кредитных билетах и предпочитали платить деньгами подати»⁶⁴. Кроме того, произошло осознание того, что скот является весьма уязвимой формой богатства и что в случае его падежа или других бедствий именно деньги могут решить существующую проблему, опосредуя покупку нового скота. Адаптация к реалиям товарно-денежных отношений растянулась в казахском обществе на довольно продолжительный период, длительность которого во многом зависела от близости той или иной казахской территории к границам государственных образований и, прежде всего, России. Как заметил Р. Карутц, «новая эра захватывает и эту сторону киргизской жизни, как и остальные. Кибиточный налог заставляет копить деньги, а в последнее время, благодаря развитию промышленности на Каспии, поднимается также и экспорт степной области; наплыв наличных денег должен вызвать здесь новое денежное хозяйство...»⁶⁵.

История казахского торгового предпринимательства составляет наименее исследованный аспект рассматриваемой темы. Во второй половине XIX в., когда колонизация казахской степи завершилась, процесс вовлечения казахо-кочевников в торговую деятельность, ориентированную на получение прибыли, стал более интенсивным. Если в конце XVIII в. обмен на линии казахи вели едва ли не из желания подражать друг другу⁶⁶, то в 1860–1870-х гг. казахские хозяйства становятся стабильной составляющей региональной экономики: на продуктах скотоводства в южных областях Поволжья, Приуралья, Западной Сибири активно развивается кустарная перерабатывающая промышленность⁶⁷. В этих условиях среди казахов появляются «деловые люди», которыми становились и султаны-чингизиды, давно лишившиеся исконной базы своего влияния и старавшиеся в связи с этим занять новые социальные позиции. Следует заметить, что нувориши не могли отказаться от традиционных способов удержания социального престижа, а именно распределения богатства в коллективе сородичей, помощи слабейшим и т.п.⁶⁸.

Широкие слои казахского населения находят свои торговые ниши, ориентируя сбыт на оптовых скупщиков или хозяйственных партнеров в близлежащих крестьянских селениях. В 1890-х гг. А. Букейханов пишет об экономическом положении казахов Павлодарского уезда: «Подати уплачивают деньгами, полученными от продажи шкур согума (Забоя скота на зиму. – Л.П.). Недоимок нет: богатые вносят за бедных, взysкивая с них внесенную сумму с процентами. Саудегеры и алыбсатары деньги берут займы под условием: барыши и убытки пополам»⁶⁹. Тот же автор обстоятельно описывает и меновые эквиваленты, что указывает на сохранение актуальности этого вида торговых взаимоотношений⁷⁰. В контексте нашей темы интересен перечень сфер приложения казахами наемного труда⁷¹.

Важнейшим этапом в развитии товарно-денежных отношений на территории Казахстана явилось возникновение в 1850-х гг. сети ярмарок как пространства свободной торговли. Как свидетельствует А.К. Гейнс относительно положения в Среднем жузе, «торговля скотом, без всякого участия администраций, начала принимать правильные формы; прогонные пути становятся постоянными, и посреди степей, без ведома местных властей, образуются обширные ярмарки. <...> На одной из них, при урочище Таинчикуль, распродается до 300 000 голов скота ежегодно»⁷².

Начало работы местных осенних ярмарок привлекало огромное количество кочевников, желавших сбыть скот за деньги, необходимые для уплаты подати, собиравшейся именно осенью. Ярмарка была и сроком расчета с заимодавцами. Благодаря возросшей активности российских купцов в быт казахов Среднего жуза стало вливаться больше изделий, распродававшихся на Макарьевской и Ирбитской ярмарках⁷³.

Показательно, что А.К. Гейнс считает казахов Старшего жуза, расселенных в южных областях Казахстана, в экономическом отношении менее развитыми по причине ограниченной потребности⁷⁴. Это еще раз говорит о наличии региональных особенностей в модернизационных процессах на территории Казахстана, которые необходимо учитывать при построении обобщающих культурных моделей.

На основе изложенного выше можно сделать вывод, что сегмент внешнего продукта в кочевом обществе казахов на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. вырос как в количественном, так и качественном отношении, существенно повлияв на облик материальной культуры народа. Так же существенно эволюционировали и способы его получения. Если в период до вхождения в состав России доминировало его прямое присвоение в результате грабительских набегов и простой обмен на основе эквивалента, в роли которого выступали домашние животные, то в рамках российской государственности, положившей известный предел грабежам, казахи вовлекаются в более развитые формы торговых отношений. Нельзя не заметить, что процессы экономической модернизации в казахском обществе протекали зачастую очень противоречиво из-за конфликтов социальных интересов, сопротивлению нерыночной

идеологии, заложенной в традиционной системе ценностей, слабой интеграции казахской экономики во всероссийский рынок.

Если говорить о влиянии казахского фактора на развитие среднеазиатской торговли, то остается подчеркнуть его неоднозначность вследствие ряда принципиальных отличий кочевой и оседлой цивилизаций в сфере хозяйства и соответствующих морально-правовых норм и ценностных ориентаций. Спектр этого влияния распределялся от негативных последствий грабительских набегов кочевников до взаимовыгодного посредничества, обмена и торговли в условиях мирных договоренностей или сравнительно постоянной политической стабильности в рамках имперского периода. Между границами этого спектра существовало множество форм и вариантов контактов казахо-кочевников с окружающим миром, дальнейшее изучение которых крайне важно для понимания механизмов взаимодействия культур, динамики сопутствующих новаций и сегмента сохранения базовых этнических традиций. Представляется, что спецификой этнологического подхода в изучении торговых отношений у кочевников должно быть более детальное рассмотрение соответствующих аспектов культуры повседневности, углубление социальных характеристик акторов в этой сфере, мотивов их действий и отношений. Немаловажно уделить пристальное внимание предметам импорта, их роли в формировании облика материальной культуры кочевников, знаковым функциям, динамической системе сложившихся вокруг них социальных отношений. Это позволит более адекватно понимать ценности изучаемых обществ в академическом, коммуникативном и прогностическом планах.

¹ Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. – М., 1976; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевников. – М., 1995; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002; Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – М., 2000. Там же см. библиографию по проблемам культуры кочевых обществ Евразии.

² Polanyi K. Dahomey and the Slave Trade: an Analysis of an Archaic Economy. – Seattle: University of Washington Press, 1966; Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi. – Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1968; Sahlins M. Stone Age Economics. – Chicago; New York, 1972. – 348 p.; Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3 // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Экономическая этнология. Кн. 1. М., 1993; Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1989.

³ См.: Торговля в этнокультурном измерении // Мат-лы 14-х межд. санкт-петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2015; Ссорин-Чайков Н.В. «Купцы и инородцы» сто лет спустя: Введение // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 1. – С. 30–42. Автор приводит обширную библиографию по проблемам «экономической антропологии».

⁴ Броневский С.О. О киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. – Июнь. – 1830. – Ч. XLI. – Кн. 122. – СПб., 1830. – С. 170.

⁵ Материалы по казахскому обычному праву. – Алма-Ата, 1948. – С. 273.

⁶ Даулбаев Б.Д. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. – Вып. 4. – Оренбург, 1881. – С. 100.

⁷ Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собр. соч.: В 5 т. – Т. I. – Алма-Ата, 1961. – С. 330.
⁸ Салин М. Экономика каменного века. – М., 1999.
⁹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 83.
¹⁰ Бабджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах // Сочинения (сборник статей 1861–1871 гг.). – Алматы, 1996. – С. 81, 82.
¹¹ Кармышева Б.Х. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. – М., 1979. – С. 114, 133.
¹² Попова Л.Ф. Отношение к труду в традиционном обществе казахов-кочевников (гендерный аспект) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Мат-лы 9-х Санкт-петербургских этнографических чтений. – СПб., 2010. – С. 286–292.
¹³ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. – СПб., 1889. – С. 49.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Хазанов А.М. Указ. соч. – С. 338.
¹⁶ Мейер Л. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1865. – С. 133.
¹⁷ Ботяков Ю.М. Аламан: Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (сер. XIX – пер. пол. XX в.). – СПб., 2002.
¹⁸ Савва Большой. Заметки о приключениях в плену киргиз-кайсаков в 1803–1804 г. // Сын Отечества. – 1822. – Ч. 76. – С. 289, 290.
¹⁹ Тема торговли людьми является отдельной проблемой в изучении социально-экономических отношений в кочевых обществах. Наиболее полное освещение на казахском материале этот вопрос получил в работе: Зобнин Ф.К. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год. – Вып. VI. – Семипалатинск, 1902.
²⁰ Например, у тех, кто возвратился с базара, имели право просить подарок – базарлык. См.: Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: юридический быт. – М., 2011. – С. 123.
²¹ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов (Библиотека казахской этнографии. Т. 37). – Астана, 2007. – С. 59.
²² Шахматов В.Ф. О развитии торговли и обмена в Казахстане в первой половине XIX века // Известия АН КазССР. Сер. истории, философии, экономики и права. – Вып. 3. – Алма-Ата, 1956. – С. 59.
²³ Там же. – С. 60.
²⁴ Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX в.: Хан Жанторе (1759–1809). – Т. 3. – Алматы, 2001. – С. 51, 52.
²⁵ Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков (Библиотека казахской этнографии. Т. 26). – Астана, 2007. – С. 54, 55.
²⁶ Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Указ. соч. – С. 123, 124.
²⁷ Островский В. Киргиз-земледелец // «Туркестанские ведомости» – этнографические рассказы (Библиотека казахской этнографии. Т. 44). – С. 241.
²⁸ Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией // Записки Русского Императорского географического общества. – Т. X. – СПб., 1856.
²⁹ Семиродцы – казахи родового объединения жетіру («семь родов»), входящего в состав Младшего жуза.

³⁰ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 45.
³¹ Там же. – С. 73.
³² Там же. – С. 71.
³³ Там же. – С. 37.
³⁴ Там же. – С. 288.
³⁵ Тетеревников А.Н. Очерки внутренней торговли киргизской степи. – СПб., 1867.
³⁶ Там же. – С. 8–10.
³⁷ Гейнс А.К. Указ. соч. – С. 178.
³⁸ Маргулан А.Х. Древние караванные дороги через пустыню Бетпак-Дала // Труды по культуре письменности казахского народа (Библиотека казахской этнографии. Т. 8). – С. 20–41.
³⁹ Дмитриев В.А., Герасименко Е.Е. Историко-культурное наследие России в контексте культурно-познавательного проекта «Шелковый путь» // Мат-лы 12-х Санкт-петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2013. – С. 342–355; Савинов Д.Г. Южная Сибирь в северном ареале сферы влияния Великого шелкового пути // Там же. – С. 361–369.
⁴⁰ Хорошкин А. Кызыл-Кум (историко-этнографический очерк) // «Туркестанские ведомости» – этнографические рассказы (Библиотека казахской этнографии. Т. 44). – С. 48.
⁴¹ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 146–148.
⁴² Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006. – С. 300–302.
⁴³ Попова Л.Ф. Знаки престижа в казахском традиционном костюме XIX – начала XX в. // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Мат-лы 7-й междунауч. конф. – СПб., 2004. – С. 70–74.
⁴⁴ Коллекция казахской одежды из собрания Российского этнографического музея включает значительное количество подобных вещей: 8762-23362-23371 (кушаки), 8762-23524 (жесткий пояс из бухарского бархата с металлической пряжкой).
⁴⁵ Сиверс И. Письма из Сибири. – Алматы, 1999. – С. 21; Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 297, 298.
⁴⁶ Попова Л.Ф. Факторы инноваций в казахском костюме XIX в. // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: Мат-лы 7-х Санкт-петербургских этнографич. чтений. – СПб., 2008. – С. 294–300.
⁴⁷ Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке: Этнографические очерки. – СПб., 1911. – С. 43.
⁴⁸ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 209.
⁴⁹ Хорошкин А. Указ. соч. – С. 48.
⁵⁰ Фальк И. Описание всех национальностей России. – Алматы, 1999. – С. 120.
⁵¹ Андреев И.Г. Указ. соч. – С. 100.
⁵² Гейнс А.К. Указ. соч. – С. 181.
⁵³ Любопытно, что в начале 1880-х гг. в Семипалатинской области богатые семьи вместо дорогостоящего свадебного головного убора *саукеле* приобретали для невесты предмет роскоши, например, тарантас. См.: Материалы по казахскому обычному праву. Указ. соч. – С. 249.
⁵⁴ Касымбаев Ж.К. Указ. соч. – С. 29, 30; Шахматов В.Ф. Указ. соч. – С. 49.
⁵⁵ Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них // Очерки Заилийского края. – СПб., 1868. – С. 185.
⁵⁶ На меновом дворе казахи сразу оказывались в руках приказчика, который вел их к «своему» купцу. Зачастую стороны уже давно знали друг друга и были связаны определенными услугами и обязательствами. Обмен

скота в этой ситуации производился, разумеется, именно на товары знакомого поставщика.
⁵⁷ Тетеревников А.Н. Указ. соч. – С. 5.
⁵⁸ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 271.
⁵⁹ Представляется, что в традиционных обществах разной локализации можно заметить много сходных черт в восприятии реалий товарно-денежных отношений. О социально-психологических особенностях отношения к деньгам в Европе в раннесредневековый период см.: Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: Очерки исторической антропологии. – СПб., 2010; см. также: Специальная тема номера: Антропология денег / Отв. ред. С.П. Тютенев // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 3–27.
⁶⁰ Карутц Р. Указ. соч. – С. 43.
⁶¹ Материалы по казахскому обычному праву. Указ. соч. – С. 81.
⁶² Там же. – С. 90.
⁶³ Там же. – С. 145, 146, 206, 270.
⁶⁴ Красовский Н.И. Область Сибирских киргизов. – Т. 2. – СПб., 1868. – С. 292.
⁶⁵ Карутц Р. Указ. соч. – С. 44.

⁶⁶ Из письма султана Айчувака оренбургскому губернатору А. Давыдову: «Ибо самим Вам ведомо, что если один киргизец на торг поедет и благополучно возвратится, то и протчия на того смотря, не остануются», см.: Казахско-русские отношения в XVII–XVIII вв. – Алма-Ата, 1961. – С. 626.
⁶⁷ Шахматов В.Ф. Указ. соч. – С. 65–67; Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989. – С. 284.
⁶⁸ Кадысова Р.Ж., Мамытова С.Н. Особенности формирования национальной казахской буржуазии в начале XX века // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVIII–XX веках: Сборн. мат-в междунауч. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 202.
⁶⁹ Букейханов А.Н. Киргизы // Казахи: историко-этнографические труды (Библиотека казахской этнографии. Т. 14). – Астана, 2007. – С. 68, 69.
⁷⁰ Там же. – С. 85.
⁷¹ Там же. – С. 87.
⁷² Гейнс А.К. Указ. соч. – С. 110.
⁷³ Там же. – С. 109.
⁷⁴ Там же. – С. 125.

Влияние торговли на специфику культуры горцев Северного Кавказа

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
отдела этнографии Средней Азии и Кавказа
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

Характер торговых отношений в обществах Северного Кавказа определялся спецификой экономики горского общества, особенностями культуры жизнеобеспечения и социальных институтов. Факторами вовлечения горцев в торговые отношения с внешним миром являлись дефицит зерна и соли, низкая рентабельность всех форм горского хозяйства и проистекающая из этого практика насильственного изъятия продукта в феодализованных социумах для его передачи на рынок, преимущественно внешний. На внутренних рынках горцы реализовывали в основном продукцию скотоводства, обменивая ее на промышленные и кустарные товары, поступившие в регион благодаря пролегающим по его территории торговым трассам. Превосходство потенциала внешней торговли над потенциалом внутренней торговли имело исторические причины и оказывало влияние на становление норм социальной культуры горцев. Исторически характер внешней торговли региона и отчасти его традиционной экономики определялся положением Северного Кавказа между торгово-транспортными путями Черноморского и Каспийского бассейнов. Воздействие российского фактора изменило вектор торговых отношений горских обществ Северного Кавказа с внешним миром. С конца XVII до середины XIX в. Россия побуждала горцев заниматься обменом, устраивая на фронтире меновые дворы, а позднее полностью включив регион в систему всероссийского рынка, тем самым кардинально изменив социальную модель горской цивилизации.

Ключевые слова: горцы, торговля, вотчинное хозяйство, крестьянское хозяйство, обычаи, Великий шелковый путь.

UDC 394

The Influence of Trade on the Specificity of the North Caucasus Mountain-dwellers' Culture

VLADIMIR A. DMITRIEV, D.Sc (History)

Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg
Top-grade researcher, Department of the Ethnography of the Peoples
of the Central Asia and the Caucasus
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

The character of trade relations in the communities of the North Caucasus was conditioned by the peculiarities of the highland population's economy, especially by their unusual culture of life support and its social institutions. A significant factor in the mountain-dwellers' relations with the world outside was their chronic shortage of grain and salt and the unprofitability of all forms of highland farming and the resultant common practice of expropriating produce in feudalized communities to market it, predominantly outside. Internal markets mostly dealt in livestock and its products, exchanging them for manufactured and handcrafted goods that arrived in the region via trade routes passing through its territory. The pre-eminence of the external trade over the internal one was due to historical reasons and exerted considerable influence on the development of the highland population's cultural norms. Historically, the pattern of the region's external trade and partly of its traditional economy hinged on the location of the North Caucasus between the trade routes from the Black Sea and the Caspian Sea. The impact of the Russian factor changed the vector of the North Caucasus highland communities' relations with the world outside. From the late 17th to the mid-19th century, Russia encouraged the highland population to engage in trade by arranging exchange courts on its frontiers, while later on the region was completely incorporated in the system of All-Russian market, thereby drastically changing the social model of the mountain-dwellers' civilization.

Key words: mountain dwellers, trade, feudal farming, peasant farming, customs, the Great Silk Road.

Торговые отношения имеют собственную сущность, с одной стороны как отрасль экономики и область связанных с ней социальных отношений, с другой – как их конкретные характеристики, всегда определяемые спецификой той или иной цивилизации, стадийным уровнем развития общества, особенностями локальных культурных комплексов. В последнее время в этнографической науке наметилась тенденция выделять особую специфику такого социально-культурного явления как горское общество, горская культура и горцы как ее носители. Признавая это явление многообразным системным образованием, следует допустить своеобразие форм базовых социальных феноменов в контексте образа жизни горцев с их единой моделью культуры жизнеобеспечения, определяющей своеобразие форм адаптации к реалиям обменных и торговых отношений, будь то запросы внешнего мира, либо собственной эволюции.

Понятие «горец» давно используется как в геополитических исследованиях, так и в кавказоведении, являясь одним из его ключевых понятий. Благодаря фундаментальным работам Ю.Ю. Карпова, это понятие обрело ряд конкретных дефиниций – культурных определителей¹. Продолжая работу в этом направлении, в рамках углубления понимания пространства культуры можно определить горцев как совокупность малых социальных общностей, устойчивых в своих социальных связях (семейная община и *джамаат* – соседская ассоциация семейных общин), высоко адаптированных в собственном пространстве в хозяйственном отношении (горские земледелие, садоводство, скотоводство, охота) и нацеленных на эпизодическое активное проникновение в соседние пространства. Выделяются несколько форм подобного проникновения: календарно-ритуализированная – набег², элитно-эстетизированная постоянная поведенческая норма – наездничество³, трудовая (в широком понимании) – отходническая деятельность. Отношения «горец – торговая деятельность» в исследовательской литературе разработаны недостаточно, но в публикациях имеют необходимые для анализа дефиниции.

Конечным этапом существования горской цивилизации как самостоятельного явления очевидно следует считать середину XIX в. – время окончательного покорения Кавказа и включения его в состав Российского государства. В последующий период все проявления горского культурного типа существовали как пережитки, актуализируемые по инициативам, исходившим от российского общества.

По-видимому, не случайно все исследования, затрагивающие проблемы торговых отношений горцев с другими сторонами, опираются на факты, относящиеся к концу XVII – началу XIX в.; информация о данном периоде могла быть собрана специалистами и позднее, вплоть до начала 1930-х гг.⁴. Данные публикации послужили основой настоящей работы.

Модусы торговой деятельности закладывались в регионе с давних времен, некоторое представление о них можно получить, обратившись к началу Нового времени, когда местное экономико-культурное развитие Северного Кавказа в целом завершилось, а процессы включения региона в российское общество еще не были запущены. Мы полагаем, что тогда же кристаллизировались особые черты горской культуры и образа жизни горца. Системообразующим началом здесь можно считать горский феодализм, важнейшей частью экономики которого было вотчинное хозяйство, базирующееся на праве княжеского сословия на владение землей. Сведений о вотчине в источниках гораздо больше, нежели о хозяйстве крестьянской общины, описанной много позже в силу ее закрытости для внешнего наблюдателя.

Вотчинное хозяйство не было ориентировано на получение прибавочного продукта, появления городской формы жизнедеятельности и становления ремесленничества. Из основных причин этого можно назвать низкую рентабельность главных отраслей горской экономики – земледелия и скотоводства; запрет крепостным и *азатам* (вольнотпущенникам) покидать места своего обитания, вследствие чего адыгские ремесленники были лишены экономической свободы, какого бы высокого уровня мастерства они ни достигали. В обстановке княжеских междоусобиц свободные крестьяне также не могли сохранять известной самостоятельности, проживая отдельными общинами, а приселялись к вотчинникам. Тем самым в Кабарде и других «княжеских» социумах адыгов активность производителя была подавлена⁵. Крестьянин (кабардинский эфемизм *мэкъумэшыццIэ* – «сена и зерна производитель») был заинтересован в производстве необходимого продукта, во-первых, для потребления своей семьи и, во-вторых, для выплаты феодальной повинности, уклонение от которой поставило бы его вне общины, что было равноценно ликвидации его хозяйства. Оброчный крестьянин в Кабарде, имея одну пару пахотных волов, был обязан отдать господину арбу обмолоченного проса, владелец двух пар волов – 3 арбы,

трех – 4⁶. В Кубанской области с одной пары волов отдавали арбу проса, а нормы вспашки для господина – по 4 загона (около 4 десятин) на каждую пару волов в крестьянском хозяйстве⁷. Таким образом, благодаря ренте избыток зерна имелся только в феодальном хозяйстве, но это зерно не превращалось в товар на внутреннем рынке. В кабардинской общине старались поддерживать прожиточный минимум для крестьян, не имевших своих плужных хозяйств, определяемый примерно количеством зерна с тех же 4-х загонов, т.е. с 4-х десятин. При урожайности проса около 7 ц с десятины (имея данные 6,6 ц с 1 га)⁸ эта прожиточная норма для бедной семьи должна была составлять 28–30 ц проса. Правовое равенство всех членов общины, включая бедняков и взимавших свою подать феодалов, позволяет считать приведенный объем проса реальной нормой урожая для крестьянского хозяйства, а сверхнормативный объем уходил на подать, которую бесплужные не платили. Основные податные тяготы несли крепкие крестьянские хозяйства, имевшие 3 пары волов для пахоты, но именно их деятельность была ограничена, во-первых, принципом равного раздела земельного фонда общины на паи, а во-вторых, притязаниями князя на расширение своей доли в земельном фонде общины, членом которой он состоял по горским обычаям. Так, князь располагал «барской запашкой» (участком земли на 4 пары волов, выделяемый из общинной земли⁹), мог отчуждать землю для аренды выходцам из других вотчин¹⁰. Из этого фонда шло образование «уорк-тын» – земельной части того дара, которым князь привлекал на службу вассалов-дворян; из него же отводились земли для переселявшихся крестьян-общинников. Зерно, передававшееся в виде подати феодалам, уходило на их собственные нужды, в том числе в сферу престижного потребления, на корм коней, которых разводили преимущественно в хозяйствах адыгской знати, и лишь остаток мог попадать на внешний рынок.

Вотчинное хозяйство до его кризиса, начавшегося не позднее второй половины XVII в., в доминирующих политических системах региона (феодальная Кабарда с зависимыми Карачаем, Балкарией, Осетией, правобережная Черкесия и Тарковское Шамхальство) в значительной мере опиралось на силовую политику феодалов и внутреннее распределение продукта, что препятствовало развитию внутренней торговли и участию в ней крестьянства. Ту же роль играла и княжеская монополия на внешнюю торговлю зерном и скотом, осо-

бенно лошадьми. Хотя статистические данные о торговле зерном феодальными Кабардой и Черкесией отсутствуют, доказанным является тот факт, что Западный Кавказ много веков вел торговлю зерном, поддерживая тем самым экономический интерес к своему региону со стороны древнегреческих, римских, венецианских и генуэзских колонистов, позднее – Османской Турции. Также имеются сведения о больших объемах закупок меда и рыбы.

Рассмотрим товарный потенциал другой важнейшей отрасли горской экономики – скотоводства. Как уже упоминалось, в княжеских социумах зависимые крестьяне имели минимальное количество скота, а основными скотовладельцами в вотчинном хозяйстве выступали феодалы, которым принадлежали и пастбища. Отметим, что в феодальных социумах Балкарии, Карачая и Осетии, где принципы вотчинной экономики не получили такого развития как в Кабарде, феодалы владели пастбищными и лесными угодьями, будучи членами общинных коллективов, а в демократических адыгских социумах Северо-Западного Кавказа до присоединения к Российской империи нормой являлись братства/соприкажничества *уорков* (дворян) и *тфокотлей* (крестьян-общинников)¹¹. То есть феодальная монополия на скот складывалась вопреки общинным установкам на равную долю во владении/пользовании средствами производства. В пользу этого свидетельствует наличие у адыгских феодалов собственного крупного скотоводческого хозяйства¹² и запрет на занятие коневодством Кабарды всему крестьянскому сословию¹³. О значительных масштабах торговли лошадьми на внешнем рынке в конце XVIII в. свидетельствует К. Пейсонель, отмечая, что в Крым поступало очень большое количество черкесских лошадей¹⁴.

Учитывая природные условия Северного Кавказа, можно утверждать, что в крестьянском хозяйстве горцев появление избыточного продукта тоже было более вероятно в области скотоводства, нежели земледелия. Так, Ю. Клапрот замечает: «Скотоводство составляет основное занятие осетин, и стада овец являются главным богатством народа. Они обменивают своих овец у грузин и имеретинцев на шелковые ткани, полотно, хлопчатобумажные ткани, ситец, золотые и серебряные нитки, медную и железную посуду и инструменты»¹⁵. Отмечалось, что скот «дает горцам ценный на рынке продукт – осетинский сыр, бурки, паласы, войлоки, кабардинские и чеченские, и осетинские сукна»¹⁶. Однако продажа сыра – более позднее явление, хотя обменивать его не

запрещалось и в давние времена. Отношение горцев к молочным продуктам как к товару формировалось медленно. Основными поставщиками масла на рынок во второй половине XIX в. были северокавказские ногайцы¹⁷. На рынок поступало много шерсти и шерстяных изделий. Ингуши в начале XX в. на рынке сбывали от 25 до 90% получаемой шерсти; в ряде селений перерабатывалась вся товарная шерсть, а полученная ткань сбывалась частично в горах, частично уходила на Владикавказский базар¹⁸.

Важнейшим сегментом экономики феодальной вотчины являлась работоторговля, прекращенная на Кавказе усилиями российской военной организации. Крупными рынками работоторговли на Северо-Восточном Кавказе являлись Карабазар (ныне с. Кочубей Тарумовского р-на Дагестана), Тарки, Дербент, Джар, Аксай, Эндери; на Северо-Западном Кавказе – Геленджик, Анапа, Ени-кале, Суджук-кале, Сухум-кале, Копыл, Туапсе, Хункала. Объем продажи рабов, вывозимых только из портов Черноморской Черкесии¹⁹, во второй четверти XIX в. составил 4 тыс. невольников, и это в условиях уже развернувшейся борьбы с торговлей людьми.

По сути, до российского периода истории Северного Кавказа потребителями рабов выступали те же территории, что принимали кавказское зерно, мед и рыбу. В Османской Турции и мамелюкском Египте в период позднего Средневековья невольники с Кавказа пополняли не только слой рабов-производителей, но также вливались в привилегированные социальные группы, элиту воинства (турецкие янычары, мамелюки в Египте), элиту воспроизводства самой элиты и околоэлитарные слои – женщины в гаремах султана и вельмож, среди которых особенно высоко ценились рабыни-черкешенки, славившиеся красотой.

Каковы же были обстоятельства, способствующие притоку живого товара на рынки Европы и Азии? Большую роль в этом играли нормативные установки горских обществ, признающие престижность любой добычи, в том числе и людей, что может являться одним из признаков горского феодализма, поскольку для высшего сословия данная модель социального поведения была обязательной и зарождалась в недрах вотчины не только как идеологический элемент ее производящего механизма, но скорее как следствие военной организации, ориентированной на конфликт со всеми соседями. Этот функциональный конфликт не предполагал заверше-

ния, но периодически нуждался в некоторой форме стабилизации. Ее обеспечивали обычаи набега, существовавшие в двух вариантах – как набег феодалов-вотчинников и набег общинников-горцев. Набег имел множество социальных функций, обусловленных строгими нормами иерархии в отношениях между контактирующими общественными слоями. Так, вотчинники ориентировались на принцип социальной лестницы: князя высокого ранга осуществляли набег в вассальные владения; в крестьянской среде право на насилие было закреплено за общинами, расселенными в горах выше, по отношению к тем, что жили ниже²⁰. Вот как описывает набег в адыгской среде один из европейских путешественников XVIII в.: феодалы «внезапно нападают на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем, перевозив из одной местности в другую, обменивают и продают»²¹. В глазах россиян все население Северного Кавказа было военизированным. Об адыгах Н. Дубровин писал следующее: «Черкесы и убыхи – народ преимущественно военный <...>, не защита аула и имущества, но слава наездника составляла славу черкеса, а эта слава приобреталась за пределами родины <...>. На военные действия отправлялись без принуждения <...>, по черкесскому взгляду на военное дело, всадник, потерявший лошадь, не жилец на этом свете, он будет драться пеший с таким ожесточением, что заставит, наконец, убить себя»²².

Однако же набег не являлся стихийным действием – существовали этикетные нормы его проведения: князь имел право на насилие в отношении уорка, тот – уорка следующей степени и т.д., но не наоборот. Грабеж крестьянского хозяйства в феодальных Кабарде и Черкесии не влек за собой наказания, но если феодал, возвращаясь с награбленным, встречался с дворянином, чьих подвластных он ограбил, то был обязан вернуть похищенное. Охотясь за красивыми мальчиками и девочками, дворяне должны были их вернуть родителям, если те успевали догнать похитителей на взаимно признаваемой границе земель.

По сути дела феодалам и дворянам нужна была не добыча, но постоянное проявление своей удали, о чем свидетельствует черкесский историк Хан-Гирей: «Старшинам, дворянам, князьям приличие не позволяет брать добычу при нападении на селение, их удел сражаться, храбрыми воинами высшего класса руководствует честь и жажда славы, а не добыча»²³. Согласно другому источнику, «похищенных быков, баранов и лошадей [удачливый граби-

тель] раздавал знакомым, потому что истинный молодец должен был иметь щедрую руку, а сам ходить оборванным, питаться по знакомым и проводить молодость в тревогах и набегах»²⁴. Этот социальный императив заставлял феодалов проводить набеги и на селения собственных подданных²⁵.

Как явствует из приведенных выше фактов, при набеговой системе в княжеских социумах происходило изъятие не избыточного продукта, а, скорее, необходимого, добытое рачительно на пиррах и в дарениях. Таким образом, люди составляли нерастратченную часть добычи²⁶, реализуемую затем на прибрежных торгах. Это еще раз позволяет подчеркнуть особенности экономики вотчинно-набегового хозяйства, тормозившие развитие внутренней торговли в пользу внешней.

Захват пленников и обращение их в рабов имели место в набеговой практике и крестьянских горских обществ. Так у чеченцев, наиболее эгалитарном этносе Северного Кавказа, в XVIII–XIX вв. существовали две категории пленников: *лай* – раб, предназначенный для продажи и домашних тяжелых работ, но имевший возможность при недостатке мужчин в семье стать членом семейного коллектива и даже при особых обстоятельствах возвыситься в обществе, и *ясырь* – пленник для получения выкупа, после выплаты которого он мог вернуться в собственный социум²⁷. В отличие от феодалов общинники не имели выхода на рынки работорговли, поскольку первые контролировали равнинную и предгорную территории региона, связанные с рынками Черного и Каспийского морей.

Вопрос о генезисе системной связи «набег – торговые пути – рынки морского побережья» представляет большой интерес для исследуемой темы. Важнейшим фактором здесь выступает контроль за т.н. Северокавказской (Османовой) дорогой – транспортным путем от Тамани до Дербента, соединившим берега двух морей и имевшим ответвления, ведущие к горным перевалам Большого Кавказа. Предположительно становление набеговой системы в феодальных социумах в ее связи с северокавказской дорогой могли произойти в результате снижения активности данного маршрута как ветви Великого шелкового пути. Вследствие татаро-монгольского нашествия он переместился в высокогорную часть Кавказа (XIII–XIV вв.) и пришел затем к полному упадку (XV–XVII вв.), вследствие чего направление торговых путей в Черном и Каспийском морях приобрело преимущественно меридиональный характер (в частности, активизиро-

вался Волжский путь²⁸). Это стимулировало также и развитие торговли в понтийской зоне с превращением Черного моря во внутреннее пространство Османской империи. В результате в период, связанный с угасанием широтного маршрута Великого шелкового пути, феодальная элита могла удовлетворить свои возросшие потребности в импортных товарах (шелковые ткани и другие предметы роскоши, европейское и восточное оружие и т.п.), только обращаясь к прибрежным рынкам. Для этой цели и потребовалось усиление изъятия продукта у производящих сословий. В условиях слабой доходности вотчинного и общинного хозяйств и престижности воинских подвигов, определявшей образ жизни свободных мужчин (что маркировалось правом на ношение оружия), только набеговая система могла обеспечить поступление товаров на внешние рынки. Ограничению анархии в набегах соответствовала вся феодальная структура Великой Черкесии (феодальные социумы Причерноморья, Прикубанья, Кабарды и подвластных ей горских земель), замкнутая на князей дома Инала; ее влияние простиралось почти на все пространство вдоль Северокавказской дороги, за исключением земель феодальной Кумыкии (земли Шамхала). Время сложения данной государственности совпадает с упадком местных ветвей Великого шелкового пути и выходом Кабарды из постзолотордынского пространства.

Для полноты характеристики рассмотрим товарооборот в Кабарде, базировавшийся в целом на насильственном изъятии продукта крестьянского хозяйства. Вотчинная экономика оказалась способной к разделению производственных операций и кооперации в ремесленном производстве. Косвенным доказательством является сохранившаяся в конце XVIII – начале XIX в. практика изготовления конских седел в Кабарде, когда детали седел изготавливались разными ремесленниками, а другие мастера занимались их монтажом²⁹. Седла были особой частью кабардинского импорта³⁰. Известно, что в 1788 г. лидер антироссийского противостояния на Северном Кавказе шейх Мансур заказал в Большой Кабарде 20 тысяч седел, и, по сведениям разведки из крепости Моздок, он их получил³¹.

Для Северо-Западного Кавказа было характерно развитие торговых отношений местного населения с внешними агентами. Османы создавали на Черноморском побережье торговые фактории при крепостях и в устьях рек, патронировали рынки работорговли, добывались непосредственно или через Крымское

ханство вассалитета северокавказских феодалов, но в силу верности исламской доктрине военного расширения империи, территорией ислама, т.е. мирной деятельности, считали только часть земель в районе Таманского полуострова, в то время как горный черноморский Кавказ и нижнее Прикубанье рассматривали как территорию войны. В этих условиях развивалась морская торговля, и происходило незначительное проникновение агентов международной торговли внутрь прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа.

Отмечая результаты данного процесса в конце XVIII в., К. Пейсонель описал принципы торговли между адыгами и профессиональными торговцами: «Внутри Черкесии деньги редко употребляются, и торговля производится исключительно в обмен. Есть купцы, удовлетворяющиеся продажей своих вещей в Тамани и покупкой там всего необходимого в обмен; другие же отправляются в Каплу (современный Славянск-на-Кубани), а часть даже углубляется внутрь страны, берут переводчика, хорошо знающего язык, и идут торговать непосредственно с черкесами; они перевозят свои товары из селения в селение к различным племенам; иногда они удлиняют свой путь и, пройдя всю Черкессию, доходят до Астрахани и до калмыков. Эти купцы действительно живут выгодами торговли и получают огромные барыши. Кубанские ногайцы приезжают в Каплу купить то, что им необходимо, и продать товары своей страны. Некоторые черкесы делают то же самое»³². Как видим, речь идет о процветании торговли в прибрежной зоне и эпизодических торговых поездках по Северокавказской дороге; профессиональные торговцы обосновываются в прибрежной зоне, в которую со своими товарами приезжают некоторые из местных жителей. Кочевники (ногайцы) более активны в торговле, чем горцы (адыги).

Баланс внешней торговли Черкесии, осуществлявшийся через Крым и Таманский полуостров с окрестностями, представлен следующим образом. Предметами ввоза являлись дорогие ткани, включая сукно, шелковые и хлопчатобумажные материи, нитки для вышивания, женские передники и другие аксессуары женского костюма, кофе и пищевые продукты южного происхождения, мыло, свинец для пуль, полосы железа, гвозди и швейные иглы, ружейные стволы, металлические детали конских седел, тонкие кожи, косметика. Вывозились отрезки домотканого сукна, некоторые виды суконной одежды, бурки, шкуры домашнего скота и диких животных, выделанные

кожи, мед, воск, рога домашнего скота, стрелы, рыба и рыбопродукты³³.

XVIII век по многим показателям является периодом окончательного кризиса вотчинного хозяйства. В то же время XVII–XVIII вв. считаются временем развития земледельческой экономики крестьянской общины у западных адыгов и равнинных чеченцев, что связано с успешным применением лесо-полеводческой агрокультуры в горном и предгорном ландшафтах³⁴. Экономическая школа Покровского трактовала этот процесс в Адыгее как раннее развитие товарно-денежных отношений, приводившее к обогащению общинной верхушки³⁵. Так или иначе, произошедшее в этот период усиление крестьянских общин Черкесии и Чечни дало толчок развитию земледельческого хозяйства и росту товарного производства зерна. Община начинает поставлять зерно на рынок, еще раз подтверждая славу Северо-Западного Кавказа как житницы части Средиземноморья. В конце XVIII в. у западных адыгов отмечается наличие излишков зерна, поэтому в 1792–1796 гг. его поставляют на русские меновые дворы и казачьи кордоны. Также зерно вывозится через Тамань и Анапу. По данным меновой торговли можно сделать вывод о сохранившейся низкой товарной стоимости зерна, но в прибрежных центрах торговли цена на зерно поднималась. В XIX в. в ходе Кавказской войны система земледелия у западных адыгов была фактически уничтожена, и для второй половины XIX в. можно говорить о дефиците собственного зерна и на Северо-Западном Кавказе. Эта проблема в дальнейшем была решена благодаря хозяйству переселенцев-европейцев.

С начала XIX в. прежде богатая зерном Кабарда стала ввозить русский хлеб³⁷. Со временем между русскими и адыгами налажился зерновой обмен: Кабарда вывозила просо и ввозила пшеницу³⁸.

Ряд источников подтверждает высокую эффективность земледелия у чеченцев³⁹, сумевших сохранить ее вплоть до конца XIX в. даже несмотря на Кавказскую войну. Есть сведения, что в 1872–1873 гг. Чечня обеспечивала кукурузой не только себя и соседний Дагестан, но и Иран⁴⁰.

Для всех остальных районов Северного Кавказа издавна нормой был постоянный хлебный голод, вызванный недостатком обрабатываемой земли. В конце XIX в. он даже усилился в связи с упадком и без того малоэффективного горского земледелия. В карачаевском селении Хурзук своего хлеба хватало на 2–3 месяца, во всех пяти балкарских обществах

самостоятельно могли прокормиться только 11 хозяйств, во всей горной Осетии своего хлеба хватало только на полгода, в селениях Тамиск и Бирагзанг не могли себя обеспечить хлебом даже на месяц, но все же на фоне общего малоземелья особо малыми участками отличались горные Ингушетия и Чечня. В ингушских обществах, например, Аккинском, хлеба хватало на 2,5 месяца, Кийском старшинстве – на 3, Хайбахском старшинстве – на 6,5 месяцев, фуража для скота хватало на 3–3,5 месяца. Исходя из потребности в зерне на душу населения, реальность была такова, что в восточной части Северного Кавказа пахотных земель было от 1,4% в Ингушетии до 10% в Западной Чечне⁴¹. Острый дефицит земли испытывали и селения Южного Дагестана. Так, в Самурской долине на одно хозяйство приходилось всего 17 десятин пахотной, покосной и пастбищной земли, своего хлеба хватало на 2–3 месяца⁴².

Таким образом, основное место в ассортименте внутреннего товарообмена и торговли как ранее, так и в XIX – начале XX в., на Северном Кавказе занимало зерно, которое поступало из мест с более высоким земледельческим потенциалом к горцам. Для горских аулов решающее значение имел обмен производимой в рамках семьи скотоводческой продукции на поступающее от соседей зерно и некоторые другие насущные продукты.

Характер торговых отношений между селениями в горах определялся вертикальной зональностью сельскохозяйственной специализации: в нижнем предгорье выращивали зерно и крупный рогатый скот, в верхнем – крупный рогатый скот, а зерно в меньшем объеме, в горной зоне разводили овец и крупный рогатый скот, выращивали зерно; условия в горно-долинной зоне благоприятствовали разведению овец и крупного рогатого скота, зерновому производству и садоводству⁴³. Зерно из нижележащих сел вывозили либо сами покупатели, либо посредники из селений, связанных торговыми отношениями. Посредники делились на тех, кто доставлял зерно на базар, и тех, кто доставлял его в аулы покупателям, что стоило несколько дороже. Посредниками являлись хозяева, имевшие своих ослов и привозившие с равнины несколько вьюков хлеба. Мера – *харвар* (перс.), перевозимая на ослах, была относительно одинаковой для всего Кавказа и составляла около 80 кг, а в Дагестане – 6–9 саб пшеницы, что равнялось 5–7 пудам; выгода торговца составляла от одного до полутора саб зерна с вьюка⁴⁴.

В верхнем предгорье торговали деревянной утварью и орудиями труда. Продавались также скот, полотно, бурки, сыр, ягоды, лес и дрова; жители долин Дагестана выносили на продажу фрукты. Дагестанские горцы торговали с соседями по региону, продавая кожу, шерсть, ковры, войлоки, бурки, масло, сыр, деревянную посуду, покупали соль, фрукты, пряности, хлопчатобумажные и шелковые ткани, парчу, нефть⁴⁵. Главной целью деятельности большей части дагестанских отходников было получение зернового продукта⁴⁶. Сбываемые товары состояли из женской (шерстяные изделия) и мужской (кожа и овчины) продукции⁴⁷. То же самое наблюдалось и в ряде районов Северного Кавказа. А.П. Берже писал: «Верхне-Аргунские чеченцы мало занимаются хлебопашеством и не имеют достаточного хлеба для собственного прокормления; они получают хлеб, соль и другие жизненные предметы от жителей низменных аулов, которым местность более благоприятствует земледелию»⁴⁸.

В нагорном Дагестане располагались селения, специализировавшиеся в каком-то определенном виде ремесла, продукция которого включалась в торговый оборот. Так, в селе Балхар лакские женщины делали глиняную посуду, которую местные мужчины разносили по соседним районам, обменивая на зерно; известны были аварские резные лари для зерна. Лучшие украшения и оружие можно было найти на базаре в Кубачах, железные изделия – в Харбуке, овчины – в Акуше и Урахи, зерно – в Маджлисе, Манасе, Губдене, сыр – в Акуше, фрукты – в Цудахаре и т.д. Базары располагались в горной и горно-долинной зонах. Ассортимент товаров был самым большим, но количество каждого вида изделий было сравнительно невелико. Покупали горцы у соседей зерно, что верно и по отношению к ряду районов Северного Кавказа.

На общем фоне Дагестан выделялся большей интенсивностью торгово-обменных отношений, но и здесь можно выделить общие для всего горского региона нормы обмена товаров местного производства. Железные изделия (гвозди, иглы) и некоторые виды орудий труда (косы, плужные лемехи) могли производить местные кузнецы, работавшие, по большей части, внутри общины. Однако в основном железные изделия были покупными, в XIX в. привозимыми из России. Также следует отметить распространение продукции дагестанских ремесленников на Северном Кавказе, поскольку в собственном хозяйстве у адыгов до начала XIX в. железо выделывали, но в малом количестве и с таким трудом, что это

производство не удовлетворяло и доли потребностей местных жителей; железо кабардинцы покупали у «тавлинцев», т.е. привозили его из Дагестана⁴⁹.

Важным предметом регионального обмена являлась домашняя утварь, притом что во второй половине XIX в. на Северо-Западном Кавказе получили распространение чугунные кумганы российского фабричного производства и керамическая посуда, изготовлявшаяся славянским населением Прикубанья. В центральной и западной части Северного Кавказа находили сбыт кумганы и сосуды-водоносы имеретинского производства, а на восток региона поступала продукция североаварских сел, производителей медной утвари.

В конце XIX в. появились новые тенденции во взаимодействии производителей и потребителей товаров. Так, например, постоянным занятием становится отходничество кумыкских медников, которые оставались в горских аулах Северного Кавказа, где выполняли работу на заказ, что было удобно потребителю в связи с отсутствием необходимости куда-то ехать. То же самое касалось производства ювелирных украшений, где доминировали мастера кубачинцы и лакцы, а также армяне, вследствие чего свойственные им стиливые решения к началу XX в. стали вытеснять местные орнаментальные мотивы. Движение производителя к потребителю объясняется, очевидно, замкнутым характером горского быта и нарастающей конкуренцией мастеров.

Несколько иной была ситуация с изделиями из дерева и деревянной утварью, которые либо обменивались внутри общины и селения, либо расходились вовне из мест производства. В первом случае резчик исполнял просьбу соседа и изготовлял деревянную чашу, ковш, корытце, ведро и т.д., обменивая изделие на вмещавшийся в него единичный или двойной объем зерна. По большей части такая утварь делалась для использования в повседневном быту. Резьбой деревянной посуды или плетением корзин занимались старики в зимнее время или пастухи без отрыва от выпаса скота. Для рыночного сбыта деревянной утвари, т.е. для потребителя из другой общины, работали ремесленники Северной Осетии и Дагестана. Здесь также существовало несколько форм движения товара: за деньги вместо натуральной платы; по предварительному заказу и без него; изготовление продукции в расчете на вывоз на сельские и городские ярмарки и базары. Следует отметить форму, развившуюся из архаичной «немой» торговли, когда деревянная посуда выставлялась у перекрест-

ков дорог. В Осетии были отмечены следующие формы передачи деревянных изделий от мастера к потребителю: обмен посуды в доме мастера на зерно или другой товар; полная распродажа изделий, развозимых по селениям; продажа на базаре⁵⁰. Деревянная утварь стоила дорого: за корыто *чанах* в Южном Дагестане платили пуд пшеницы или два пуда ячменя, за ларь вместимостью около 30 пудов отдавали 8 пудов пшеницы⁵¹. Деревянный простой ковш *чанах* при простом обмене стоил от 10 коп. до 2,5 руб., но в процессе предсвадебного дарообмена его стоимость поднималась до стоимости овцы или годовалой телки (6–8 руб.), соответственно большая чаша, стоившая от 40 коп. до 7 руб., поднималась в цене уже до стоимости двухгодовалой телки (15–17 руб.), приобретение комплекта свадебных даров, состоявшего из *чанака*, большой чаши и подойника, приравнивалось к стоимости 5-летнего быка⁵². Особо развитое на Кавказе явление дарообмена значительно повышало цену обыденным предметам⁵³.

Возвращаясь к вопросу об акторах торговых операций, нельзя обойти вниманием парадоксы в этой сфере, ключ к пониманию которых лежит в исследуемой специфике горской нормативной культуры. Например, при отсутствии каких-либо упоминаний о практике «выездной» торговли в горных районах Северного Кавказа, пограничных с Грузией, имеется множество свидетельств появления горцев со своими товарами на городских базарах⁵⁴. Можно полагать, что так проявлялась закрытость горского общества. Также интересно наблюдение, что при отсутствии купечества во внутренней торговле Черкесии, оно активно действует в международных торговых операциях на Тамани, заявляет о себе в Астрахани, а в Средние века отмечается присутствие купцов на рынке в Трабзоне⁵⁵. Такое противоречие можно объяснить тем, что с позиций внутренней жизни горского общества торговля являлась занятием непростительным, но во внешнем мире и на периферии своего этноса – в зоне фронта, где деятельность купца проходила на чужой территории и тем самым по факту приравнивалась к набегу, – занятие торговлей становилось почетным и весьма активизировалось.

Процесс вхождения Северного Кавказа в состав России обострил весьма серьезную проблему в жизни горцев – дефицит соли. Собственно производство соли было известно горцам в равнинной Кабарде, в горной части Карачая и Осетии, в горах Дагестана. В Дагестане этим промыслом славились аулы Инхело

и Конхидатль в джамаате Карата. Во времена Шамиля жители этих аулов добытую соль привозили в столицу имамата – чеченский аул Ведено, отдавая подать размером по 1500 кали ежегодно (кали состоит из 5 сахов, каждый из которых включает 4 пригоршни, т.е. один кали был равен приблизительно 18 кг соли)⁵⁶. Однако на протяжении XVIII в. продвижение русских укреплений на Северном Кавказе отрезало горцев от главных источников соли в Северном Предкавказье. Как следствие, соль стали продавать горцам на меновых дворах, которые действовали на Кавказской линии с 1811 по 1854 г. Тем самым российские администраторы, прекрасно зная, что «вместе с недостатком в хлебе горцы имеют не менее потребности в соли»⁵⁷, сделали торговлю ею инструментом стратегического влияния на горские сообщества⁵⁸.

При продаже соли обычной практикой было завышение цены, махинации с выплатой денег, требование уплаты монетами и ассигнациями вместо натурального обмена, периодические прекращения поставок соли, что создавало напряжение вокруг работы меновых дворов.

Горцы имели право вывозить на меновые дворы продукты земледелия и скотоводства. Для них разрешались поставки хлеба и российских промышленных изделий, но запрещался пропуск огнестрельного оружия, монет любой чеканки, золота и серебра в слитках. Горцам предписывалось покупать российские товары за деньги, а сбывать свою продукцию им полагалось путем обмена товара за товар. Главным товаром служили мануфактурные изделия, на которые горцы меняли бурки, черкески, шаровары, башлыки, кожи, войлоки и меха, пользовавшиеся спросом в казачьих станицах. В 1851 г. через Нальчикский меновой двор прошло 348 черкесок по 3 руб., 160 башлыков по 50 коп., 230 шаровар по 1 руб., 250 бурок по 2 руб. 50 коп., 150 ноговиц по 1 руб., горского сукна 910 аршин по 10 коп., войлоков 220 по 70 коп.⁵⁹

Меновые пункты на кордонной линии совмещались с укреплениями и карантинными заставами, обозначая для горцев пространственные пределы. Различные источники сходятся во мнении, что работа меновых дворов не оправдывала надежд на проявление лояльности горцев. Со второй половины XIX в. русско-горская торговля полностью преобразовалась в куплю-продажу на ярмарках и рынках, куда и раньше поступали товары из стран Востока.

Кроме названных меновых дворов очагами торговли с горцами выступали известные с древности поселения городского типа: Дербент, существовавший в системной связи с Астраханью и Шемахой, города Восточной Грузии и Тамань, утратившая к началу XIX в. некоторые формальные признаки города. Эту же функцию выполняли старинные поселения околгородского типа: поселки Кумыкии (Эндери, Аксай, Костек, Тарки, Брагуны) и портовые фактории Черноморья, а также более поздние базары в селах равнинной Чечни (Чечен-аул, Брагуны, Гудермес, Старый Юрт). В целом можно говорить о сохранении прежних мест торговли вдоль двух побережий и о долговременном лидерстве портов – Тамани и Астрахани.

В XVIII в. возникают российские города-крепости (Екатеринодар, Терки, Святой Крест, Моздок, Кизляр), являвшиеся одновременно центрами торговли как средства влияния на горцев. Следующим этапом было создание меновых дворов на кордонной линии от Моздока до Азова. Следует указать на сосредоточение торговых центров в Восточном Предкавказье, куда российская власть старалась привлечь горцев, учитывая, что на них ориентировались в т.ч. территории центральной и западной частей Северного Кавказа – Осетии и Кабарды.

Описывая топографию торговых центров, трудно не обратить внимание на их принадлежность к трассам, связанным с так называемой Османовой (Северокавказской) дорогой и Астрахано-Ширванским трактом. Обе эти магистрали в Средние века были включены в местную магистраль Великого шелкового пути. В направлении на Восточную Грузию отмечается традиционное использование путей через перевалы Кавказского хребта. Примечательно, что там, где соединялись обе трассы, концентрировались торговые поселки Кумыкии, равнинной Чечни и города восточного Предкавказья, основанные русскими.

Со второй четверти XIX в. основным торговым партнером горцев становится Россия. Весьма широкий перечень горских товаров, находившийся в обороте российско-горской торговли, можно свести к четырем основным категориям:

1. Продукты обработки шерсти и предметы одежды из нее в полном комплекте готовых изделий и полуфабрикатов; одним из самых высококачественных товаров были тонкие сукна, имевшие в профессиональной торговой среде оценку как специфически горский

товар (продавался отрезами на длиннополую или короткополую верхнюю одежду);

2. Зерно;

3. Продукты природопользования: шкуры домашних и диких животных, мед и воск, садовые и лесные фрукты и орехи, лес, камень; наиболее стабильно поставлялись на рынок продукты пчеловодства, что характеризует его как устойчиво-развитое занятие горцев;

4. Изделия ремесла и продукция домашнего производства, ассортимент которого на конкретных рынках отражал локальную специфику хозяйства тех или иных районов Северного Кавказа и Дагестана: привозили аробные колеса из Кумыкии и равнинной Чечни; из Кумыкии – глиняную посуду; из Дагестана – медную посуду (особым спросом пользовались большие котлы); Чечня стала поставщиком кинжалных клинков; из Осетии могла поступать деревянная резная посуда; Кабарда поставляла «черкесские» седла, а на внешний рынок отправляла ценные породы лошадей.

При общей характеристике свойств горских товаров следует подчеркнуть, что на востоке Северного Кавказа и в Дагестане они включали большую долю изделий кустарного производства: ковры и войлоки, шелковые ткани местного производства; из Кайтага вывозилась марена, чеченцы продавали свинец, Кубачи поставляли оружие и ювелирные изделия.

Предположительно в конце XIX в. существовали три направления горской экономики, имевшие выход на рынок:

1. Экономика семейной общины, производившей изделия домашних промыслов;

2. Экономика ремесленных центров Северо-Восточного Кавказа, включенная в локальный товарообмен;

3. Пережитки вотчинной экономики Великой Черкесии (Кабарды), характеризующаяся работами потомков мастеров, прежде обслуживавших нужды феодальной верхушки.

Приобретавшиеся горцами товары можно свести к двум группам: необходимые для хозяйства и престижные. К первой группе относятся орудия труда, а также предметы из железа (включая лом), которые перековывались на нужные вещи, посуда, в определенные времена – зерно; ко второй – оружие, женские ювелирные украшения, сундуки, шелковые и хлопчатобумажные ткани. Трудно определить, к какой группе следует отнести закупавшиеся в относительно большом количестве иголки и колокольчики. В середине XIX в. список необходимых в горском хозяйстве Дагестана предметов ограничивался, за исключением оружия, ножом, таганком, топором, лопатой,

вертелом, сошником и серпом; все остальные попадавшие в дом предметы перековывались на названные, так же поступали с железными вещами, являвшимися трофеями, включая русские пушечные ядра⁶⁰. Потребность в привозных тканях, особенно шелковых, при их дороговизне объяснялась исключительно желанием демонстрации особого статуса группы или семьи: для знати шили из шелка повседневную одежду, в том числе для мужчин, в крестьянских семьях шелк и ювелирные украшения приобретали для невесты, для подарков, использовавшихся в предсвадебном и свадебном дарообменах, для престижных дарений и отдельных жертвоприношений.

Горцы могли отказаться от производства и обмена определенной продукции. Так, по приказанию Шамиля в имамаате не вели разработки серебряных руд, также было запрещено приобретение российских серебряных монет⁶¹.

Исследователи отмечают преобладание в горской экономике внешней торговли, неразвитость внутренней торговли из-за отсутствия различий в продукции, производимой хозяйствами и незначительности прибавочного продукта. Отмечается также стремление горского общества к справедливости в отношениях торгующих сторон, приводящей к обоюдному удовлетворению продавца и покупателя состоявшейся сделкой. Обменные операции позволяли получить желаемое с максимальной наглядностью, что характерно для принципов архаики в народной культуре. Поэтому горцы отказывались менять свои товары на меновых дворах на соль, предлагаемую по весу, а требовали отпуска ее «кадью», т.е. по объему; также по объему вмещавшегося зерна выменивали деревянные и керамические чашки. Однако такой подход мог и подвести: после присоединения Кавказа к России появился интерес к горским тонким сукнам, и скупать, т.е. обменивать их, к горцам специально посылали людей с разной длиной рук, которые меряли фабричную и домотканую ткань локтями, тем самым обманывая продавцов⁶².

В горской среде занятие торговлей считалось недостойным, однако потребность в привозной продукции заставляла горцев периодически отправляться за товарами к границам своих земель. Так поступали во времена имамата Шамиля в Дагестане торговцы-одиночки, тайно посещавшие ярмарки в крупных селениях и поселениях при российских крепостях. Таким визитам Шамиль попустительствовал, и, хотя постоянно ставил торговцам в вину отсутствие тех на своих местах в боевых порядках, не наказывал их за это⁶³.

Однако гораздо чаще нужные товары поступали от странствующих торговцев, хотя тот же Шамиль в беседах с приставом Руновским отрицал наличие в Дагестане во времена имамата каких-либо торговцев, кроме полутора десятков дагестанцев⁶⁴.

Тем не менее отмечается, что торговля с горцами Северного Кавказа и Дагестана велась ионациональными купцами: евреями, грузинами и армянами, торговавшими преимущественно на рынках. Грузины привозили «красный товар», дорогие восточные ткани. В 1866–1869 гг. только в одном Эльбрусском округе Терской области ежегодно появлялось до 50 торговцев-грузин с «красным товаром»⁶⁵.

При этом выделяются две этнические группы, которые можно считать особо занимавшимися торговыми операциями с горцами Большого Кавказа. Одну из групп составляли армяне-переселенцы различных времен. Одна из частей армянского населения Северного Кавказа образвала специфическую этно-территориальную группу в Прикубанье, адаптировавшись до принятия языка адыгов. Эту группу определяют как черкесогаев, указывая тем самым на их двойственную природу⁶⁶. Черкесогаи представляли собой посредников в торговле между портами Черноморья и внутренним рынком Черкесии, тем самым они продвигали товары далее, принимая эстафету у иноземных купцов, неглубоко проникавших в прибрежные территории. Деятельность черкесогаев через семьи армян, живших в селениях восточнее и южнее, продвигала товары и вглубь горской территории.

Другую группу представляют так называемые горские евреи. Они появились на Восточном Кавказе около III в. н.э. и постепенно стали частью населения региона. Они жили в поселениях при городах Восточного Кавказа, формируя подобие слободы, а также несколькими семейными группами или даже единичными семьями; их можно было встретить и при каждом поселении кавказских народов и особо у перевальных участков местных дорог⁶⁷. До 1840-х гг. они вели меновую торговлю вразнос вдоль всех предгорий Восточного Кавказа, осуществляя связь между горскими селениями и городами прибрежной зоны на кавказских ветвях угасшего Великого

шелкового пути. Во второй половине XIX в. большинство семейств горских евреев переселилось в поселки, русские крепости и еврейские слободы, продолжая держать сельские лавки, или занимались мелочной торговлей вразнос.

Путешествия торговцев, будь они купцами, когда-то принесшими в кавказские горы первые образцы импортных шелковых тканей, или разносчиками мелочного товара, регулярно посещавшими горские села, были бы невозможными без поддержки местного населения. Эту поддержку мы видим в обычаях гостеприимства (единократная поддержка пришельца) или куначества (регулярный его прием). Надо полагать, данный институт сложился не сразу. В этом плане интересно замечание Вахушти о том, что горцы Центрального Кавказа в Средние века оказывали всяческое покровительство и защиту торговцу с товарами, но обязательно без спроса отбирали в свою пользу какую-то часть его достоинства, чаще всего отрез шелковой или хлопчатобумажной ткани⁶⁸.

Вполне очевидно, что гостеприимство, как временная адопция чужака, возникло не ради принятия свободно путешествующих людей, которые в Средние века просто не могли появиться. Этот прием обращения с гостями мог быть рассчитан либо на странствующих втязей, либо на размещение розничных торговцев и купцов, путешествующих с караванами. Торговец не мог быть столь знатной социальной единицей, чтобы с ним владелец вотчины, укрепленного поселения, замка или старейшина большой семьи, живущей в горной башне, был бы готов войти в отношения куначества. Достаточно было того, что весть о состоявшемся покровительстве распространялась в горах быстро, и в результате в последующие годы статус клиента не забывался, о чем свидетельствует правило балкарских таубиев (горских феодалов) при разделе семей не забывать о гостях-торговцах, персонально закрепляя купцов за вновь образовавшимися семьями.

Данный факт позволяет видеть в торговле, в том числе транзитной, фактор воздействия на институты общества, принимающего товары.

¹ Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. – СПб., 1996; Он же. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб., 2001; Он же. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007; Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. – СПб., 2011.

² Биев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – С. 109–146.

³ Мирзоев А.С. Черкесское наездничество – Зеклуэ. Из истории военного быта черкесов. – Нальчик, 2005.

⁴ Адмисиева Л.Д. К вопросу о развитии торговли и торговых отношений на прилинейных территориях (центр и левый фланг Кавказской военной линии. Вторая половина XVIII в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 6. – С. 53–57; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII–XIX вв. – Элиста, 2002; Ацканов М.Х. Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860–1917 гг.). – Нальчик, 1967; Гаврилов Г.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. – 1869. – Вып. 2. – Отд. 7 – С. 1–78; Грабовский Н.Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – 1870. – Вып. 3. – Отд. 4. – С. 1–28; Гамкрели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. – Тбилиси, 1968; Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.) – М., 1967. – С. 111–122; Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V – середины XIX века. – Ростов-на-Дону, 1984; Дзуганов Т.А. Эволюция хозяйственных отношений кабардинцев в конце XIX – начале XX в. // История науки и техники. – 2017. – № 2. – С. 70–74; Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С. 241–347; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII–первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. – Махачкала, 2001; Киласов Р. Из истории торговли в Дагестане (конец XVII – первая половина XVIII в.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. – 1974. – Вып. 1. – С. 151–168; Кулов С.Д. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX века и в начале XX века. – Орджоникидзе, 1966; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик, 1965; Магарамова З.А. Роль торговли в хозяйственной деятельности азербайджанцев Дагестана (XVIII–XIX века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 3. – С. 54–57; Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964; Пожидаев В.П. Хозяйственный быт Кабарды: историко-этнографический очерк. – Воронеж, 1925; Тамазов М.С. Россия и Кабарда в 60–70-х гг. XIX в.: экспансия модернизирующей цивилизации // Вестник КБГУ. – Вып. 5. – Сер. Гуманит. науки. – 2000. – С. 16–20; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в. // Известия Северо-Осетинского НИИ. – 1966. – Т. XXV. – С. 154–168; Тхайцухов М.С. О торговых связях народов Прикубанья с Россией во второй четверти XIX в. // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1980. – С. 144–147; Тхамоков Н. Развитие ремесла и торговли в Кабарде в XVIII в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. – 1960. – Т. XVII. – С. 149–180; Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. – Махачкала, 1965. – Т. 14. – С. 155–174; Черниченко И.В. Сельское хозяйство Кабарды и

Балкарии во второй половине XIX – начале XX века: Дисс... канд. экон. наук. – Владикавказ, 1998. – 199 с.

⁵ Кажаров В.Х. Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. – Нальчик, 1993. – С. 89–93.

⁶ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. – Нальчик, 1947. – С. 113.

⁷ О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // Кавказ. – 1867. – № 37, 44.

⁸ Гурфова С.А. Особенности социально-экономического развития Кабарды и Балкарии на рубеже XIX–XX веков // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/39668> (дата обращения: 25.04.2017).

⁹ Кажаров В.Х. Указ. соч. – С. 42–48.

¹⁰ Там же. – С. 49–53.

¹¹ Гарданов В.К. Указ. соч. – С. 262–264.

¹² Там же. – С. 160; Кажаров В.Х. Указ. соч. – С. 45.

¹³ Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование Дж. Интериано // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик, 1974. – С. 47.

¹⁴ Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы, карачаевцы. Указ. соч. – С. 197.

¹⁵ Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины русских и европейских путешественников. / Сост. Б.А. Калоев. – Орджоникидзе, 1967. – С. 104.

¹⁶ Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. – М., 1993. – С. 43.

¹⁷ Калоев Б.А. Указ. соч. – С. 144, 145.

¹⁸ Христианович В.П. Горная Ингушетия. – Ростов-на-Дону, 1928. – С. 107.

¹⁹ Фонвиль. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864. Из записок участника-иностранца. Краснодар: Общество изучения автономной области и адыгейского историко-этнографического музея, 1927. – С. 9; Виноградов В.Б., Гусева Н.А. «И с боя взятыми рабами суда в Анапе нагружать» (к изучению горской парадигмы работорговли) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир, Краснодар, 2001. – С. 33, 34; Иноземцева Е.И., Виноградов Б.В. К вопросу о работорговле в Дагестане в XVII – начале XIX в. // Вопросы северокавказской истории. – 2001. – Вып. 5. – С. 21–27; Хлудова Л.Н., Цыбульникова А.А. Торговля невольниками на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках // Историческая и образовательная мысль. – 2016. – № 8 (3/2). – С. 95–100.

²⁰ Мирзоев А.С. Наездничество как традиционный адыгский общественный институт // Этнографическое обозрение – 2002. – № 1 – С. 92–96; Марзей А.С. Черкесское наездничество – «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). – М., 2000; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб., 2007. – 656 с.

²¹ Интериано Дж. Указ. соч. – С. 48.

²² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871–1887. – Том 1. – Кн. 1. – С. 242–254.

²³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 2008. – С. 337.

- ²⁴ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. – С. 67.
- ²⁵ Кэммфер Э. Новейшие государства Казань, Астрахань и многие другие // Адыги, балкарцы, карачаевцы. Указ. соч. – С. 117.
- ²⁶ Наиболее значительной добычей считались маленькие мальчики столь малые по возрасту, что они оставались при матерях в приочажной части дома.
- ²⁷ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества. Указ. соч. – С. 452, 453.
- ²⁸ Мурадалиева Эльмира. Города Кавказа на Великом шелковом пути. – Баку, 2011. – С. 8-91.
- ²⁹ Маргграф О. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С. 159–170.
- ³⁰ Черкесское седло – Википедия ru.wikipedia.org/wiki/Черкесское.30.04.2017.
- ³¹ Гарданов В.К. Указ. соч. – С. 110.
- ³² Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы, карачаевцы. Указ. соч. – С. 198.
- ³³ Там же. – С. 189–199.
- ³⁴ Хотко С.Х. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников // Старые черкесские сады. Ландшафт, агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914. – М., 2005. – Том 1. – С. 26, 27.
- ³⁵ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. – Краснодар, 1989. – С. 51–62.
- ³⁶ Гарданов В.К. Указ. соч. – С. 86, 87.
- ³⁷ Кумыков Т.Х. Указ. соч. – С. 93.
- ³⁸ Там же. – С. 100.
- ³⁹ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С. 30–32.
- ⁴⁰ Вроцкий Н.А. Чечня как хлебный оазис. Канализация ее // Сборник сведений о Терской области. – 1880. – Вып. 1. – С. 270, 271.
- ⁴¹ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С. 47, 62, 161, 171, 172; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С. 37–41.
- ⁴² Ибрагимов И.Г., Саидов М.С. Основные занятия населения Цахурского султанатства в XVIII–XIX вв. // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 5. – С. 47, 48.
- ⁴³ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. – М., 2003. – С. 243, 244.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Гасанов М.Р. Дагестан – перекресток цивилизаций. – Махачкала, 2007. – С. 146.

- ⁴⁶ Гасанов М.Р., Магомедова Э.М. История Дагестана в XIX в. – Махачкала, 2009. – С. 42.
- ⁴⁷ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. – М., 1958 – С. 139.
- ⁴⁸ Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 г. – Тифлис, 1859. – С. 88.
- ⁴⁹ Хан-Гирей. Указ. соч. – С. 170.
- ⁵⁰ Габуева О.В. Деревообработка у осетин в конце XIX – начале XX в. Автореф. канд. дисс. – М., 1978. – С. 7.
- ⁵¹ Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начала XX в. – М., 1998. – С. 54.
- ⁵² Маргграф О. Очерк кустарных промыслов. Указ. соч.– С. 257–259.
- ⁵³ Смирнова Я.С. Дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация // Советская этнография. – 1981. – № 1. – С. 96–101.
- ⁵⁴ Гамкрели В.Н. Указ. соч. – С. 24–30.
- ⁵⁵ Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004. – С. 201.
- ⁵⁶ Шамиль в Калуге // Записки о Шамиле пристава при военнопленном А. Руновского. – СПб., 1860. – С 17–19.
- ⁵⁷ Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие... – С. 773.
- ⁵⁸ Думанов З.Б. Торговая политика царских властей на Северном Кавказе в первой четверти XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – Спецвыпуск. Актуальные проблемы исторических исследований. – С. 12–15.
- ⁵⁹ Студенецкая Е.Н. Архивные документы как источник изучения материальной культуры народов Северного Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. – М., 1971. – С. 93.
- ⁶⁰ Шамиль в Калуге. Указ. соч. – С. 17–19, 24.
- ⁶¹ Шамиль в Калуге. Указ. соч. – С. 24.
- ⁶² Устное сообщение Е.Н. Студенецкой.
- ⁶³ Шамиль в Калуге. Указ. соч. – С. 24.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Студенецкая Е.Н. Указ. соч. – С. 94.
- ⁶⁶ Бурыкина Л.В. Черкесогаи Северо-Западного Кавказа в XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 4.
- ⁶⁷ Горские евреи. История. Этнография, Культура / Сост. Дымшиц В.А. – Иерусалим; М., 1999. – С. 112–116.
- ⁶⁸ Вахушти. Описание царства грузинского. – Тбилиси, 1941. – С. 141; Гамкрели В.Н. Указ. соч. – С. 23.

МУЗЕЙНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

УДК 39

Буддийские коллекции в выставочных проектах Российского этнографического музея

МАРИНА ВЛАДИСЛАВОВНА ФЕДОРОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Ведущий научный сотрудник Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока

e-mail: fedorovarme@mail.ru

В статье прослеживается история комплектования коллекций Российского этнографического музея, содержащих вещевые и фотоиллюстративные памятники по буддизму народов России и Центральной Азии: бурят, калмыков, тувинцев, тибетцев, монголов, китайцев; исследуется связь собирательской и экспозиционно-выставочной деятельности музея с общественно-политическими и культурными процессами, происходившими в стране с начала XX в. до наших дней. Автор рассматривает многообразные концептуальные подходы и способы использования буддийских памятников в выставочных проектах РЭМ, раскрывающих различные аспекты этой древней мировой религии. Дается описание структуры и разделов двух крупных тематических выставок музея: «Буддизм в традиционной культуре народов России», отражающей этнолокальные особенности буддизма в нашей стране, и «Взгляд на Восток», посвященной истории комплектования буддийских коллекций РЭМ. Автор также приводит информацию об использовании буддийских музейных памятников в ряде комплексных межрегиональных выставок и на экспозиции «Народы Сибири».

Ключевые слова: буддийские коллекции, выставочные проекты, Российский этнографический музей, буряты, калмыки, тувинцы, народы Центральной Азии.

UDC 39

Buddhism Collections in Exhibition Projects of the Russian Museum of Ethnography

MARINA V. FEDOROVA

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg

Leading Researcher, Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Far East

e-mail: fedorovarme@mail.ru

The article deals with the history of those collections of the Russian Museum of Ethnography that contain material and photographic monuments from the Buddha-worshipping peoples of Russia and Central Asia, such as the Buryats, Kalmyks, Tuvans, Tibetans, Mongols and Chinese; the writer also analyses the connection between the collecting and exhibiting activities of the Museum with the political, public and cultural processes that have taken place in the country since the beginning of the 20th century up to now. The article views various conceptual approaches and ways of employing the Buddhist monuments in the exhibition projects of the Russian Museum of Ethnography to focus on different aspects of this ancient world religion. Description is provided of two major thematic displays arranged by the Museum: *Buddhism in the Traditional Culture of the Peoples of Russia*, reflecting the local ethnic characteristics of the faith in our country, and *Beholding the East*, devoted to the history of the development of the Buddhism collections in the Russian Museum of Ethnography. The writer shares also some information on the use of the Museum's Buddhist exhibits in a number of compound inter-regional exhibition projects and in the *Peoples of Siberia* display.

Key words: Buddhism collections, exhibition projects, Russian Museum of Ethnography, the Buryats, Kalmyks, Tuvans, peoples of Central Asia.

Российский этнографический музей обладает уникальным собранием вещевых и фотоиллюстративных памятников по буддизму народов России и Центральной Азии (бурят, калмыков, тувинцев, тибетцев, монголов). Оно насчитывает более 2000 экспонатов, которые отражают не только различные стороны буддизма, но и его региональные особенности. В музейных фондах содержатся как высокохудожественные произведения буддийского искусства, так и ритуальные предметы, относящиеся к сфере народной культуры.

История комплектования этих коллекций неразрывно связана с политической, исторической и культурной обстановкой в России и в мире конца XIX – начала XX в. В этот период происходит политическое, экономическое и культурное сближение Российской империи с народами Центральной и Восточной Азии и странами буддийского мира. Евразийская концепция в политике России и ее взгляд на Восток были связаны не только с необходимостью усилить контроль над собственными азиатскими территориями, но и со стремлением укрепить свои международные позиции в этом регионе.

Не случайно поэтому в 1890–1891 гг. цесаревич Николай Александрович совершил свое знаменитое путешествие на Восток. Поездке наследника престола придавалось значение государственной важности, и современники видели большой символический смысл в том, что будущий монарх направился не в Европу, как его предшественники, а на Восток – «в ту сторону, куда лежит историческая дорога, по которой продвигается русский народ» (Э.Э. Ухтомский). За время путешествия по восточным странам и азиатской части России цесаревичу было поднесено множество даров, в том числе уникальных.

В российском обществе конца XIX – начала XX в. наряду с исповедующими буддизм народами росло число приверженцев этой религии, главным образом из представителей петербургского высшего света и интеллигенции. В истории российского востоковедения наступает поистине «золотой» период. Российская академия наук и Русское географическое общество проводили обширную собирательскую и экспедиционную работу в Центральной Азии, Монголии, Северном Китае и Тибете. Исследователями Центральной и Восточной Азии, учеными-буддологами была сформирована блестящая востоковедческая школа.

Буддологическая проблематика становится одним из важных направлений деятельности и Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. В начальный период

существования музея, еще только приступившего к формированию своих фондов, активным сторонником комплектования коллекций по культуре народов Востока был Д.А. Клеменц – первый заведующий Этнографическим отделом (1902–1909). По его инициативе в 1902 г. Николаем II была приобретена и передана в дар музею уникальная коллекция князя Э.Э. Ухтомского (2047 предметов), заложившая основу богатейшего собрания РЭМ по северному буддизму. В дальнейшем фонды музея пополнялись другими частными коллекциями, выкупленными Николаем II, благодаря подношениям буддийских священнослужителей членам императорской семьи, экспедиционной собирательской деятельности сотрудников Этнографического отдела, передач из других организаций и музеев. В результате в Этнографическом отделе было сформировано богатейшее собрание, насчитывающее более 4000 предметов буддийского культа.

Значение этих ценнейших буддийских коллекций для музея было настолько велико, что в 1918 г. с целью их изучения, систематизации и описания в Этнографическом отделе создается Секция буддизма. Первым ее заведующим был назначен молодой, но уже известный японист О.О. Розенберг (1888–1919). С 1920 г. секцию возглавлял Э.Э. Ухтомский, а с 1925 по 1928 г. – А.П. Баранников. Сотрудники Секции буддизма принимали активное участие в строительстве Первой буддийской выставки, открывшейся в августе 1919 г. в Русском музее. Постоянная экспозиция Секции буддизма, в которой были широко представлены восточные и буддийские коллекции, была открыта для посетителей 25 сентября 1922 г. Просуществовала она до начала 1930-х гг., когда решался вопрос дальнейшего профиля и статуса Этнографического отдела.

В 1930-е гг. буддизм и российская буддология пережили трагический период своей истории. Множество монастырей Бурятии, Калмыкии и Тувы были разрушены, буддийское образование полностью уничтожено, многие служители культа, верующие буддисты-миряне и ученые-буддологи репрессированы. Тяжелая судьба не обошла стороной и Санкт-Петербургский дацан. В этот же период прекратила свою деятельность Секция буддизма Этнографического отдела Русского музея, предметы буддийского культа были признаны непрофильными и переданы в другие научные и музейные учреждения – Государственный Эрмитаж, Музей истории религии и атеизма, Музей антропологии и этнографии АН СССР (Кунсткамера), Азиатский музей. Таким образом единые коллекции были разроз-

нены, но все же значительная их часть осталась в Этнографическом отделе. Это буддийское собрание и по сей день не утратило своей колоссальной исторической, духовной и художественной ценности.

Многочисленные и зачастую уникальные музейные памятники буддийской культуры многие годы не были достоянием широкой общественности.

В 1990-е годы интерес к буддизму в российском обществе значительно возрос, что было обусловлено общественно-политическими процессами в стране и совпало с общемировой тенденцией. Буддийская культура стала важной частью процесса возрождения национальных ценностей народов России, одним из основных критериев их этнического самосознания.

В РЭМ активизировалась работа по изучению буддийских коллекций, возобновился интерес к использованию их в научно-просветительской деятельности. Впервые за долгие годы буддийские экспонаты были включены в комплексную межрегиональную выставку «Цари – народам, народы – царям» (авторы Е.Г. Царева, В.А. Дмитриев, А.В. Ратникова, Н.Н. Соснина и др.). На выставке экспонировались, главным образом, имеющие исключительную художественную и историческую ценность скульптуры и алтарные атрибуты из коллекций Э.Э. Ухтомского, А.В. Верещагина, П.К. Козлова, а также подношения Императорской семье от буддийских священнослужителей. В 1990-е гг. в разных вариантах и под разными названиями она экспонировалась в Москве, США, Франции, Испании¹.

В 1990-е гг. в бурятском разделе постоянной экспозиции РЭМ появляется сцена «Лама во время богослужения. Ритуал продления жизни Цхеванг», созданная сотрудниками отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, при участии и научной консультации О.В. Горовой (ГМИР) (илл. 1). В условном интерьере буддийского храма располагается фигура ламы, сидящего под балдахином *лабри*. За его спиной на стене висит танка «Будда Амитабха в раю Сукхавати», обрамленная с двух сторон ритуальными знаменами из разноцветных шелковых лент *баданами*.

Лама облачен в костюм, предназначенный для совершения тантрического ритуала: юбку, сшитую из бордового тибетского сукна, желтую кофту с длинными широкими рукавами, цвет которой подчеркивает приверженность традиции тибетской школы «желтошапочников» (школа Гелуг – «закон добродетели»). Поверх кофты надета накидка из красной ткани с желтым криволинейным орнаментом. Головной убор в виде пятилепестковой короны надет на

«прическу», имитирующую волосы, часть которых связана в два узла на макушке, а часть – спускается по плечам и прикрывает лоб. В руке буддийского монаха кропило из травы *куша*.

Рядом с фигурой ламы стоит столик, на котором размещены атрибуты, использующиеся в ритуале: глиняная жертва *балин*, две жертвенные чашечки, сосуды *бумба* для освященной воды, в один из которых вставлено кропило из перьев павлина. В центре столика стоит скульптура главного божества ритуала Амитаюса – будды бесконечной жизни.

Воспроизведенный на экспозиции музея ритуал Цхеванг совершается в монастырях раз в год во время утренней службы, он может быть заказан прихожанами при наступлении Нового года. Во время обряда лама читает священные тексты, призывает будду долгой жизни Амитаюса. Обряд завершается кроплением освященной водой по сторонам света, питьем ритуального напитка и вкушением «пилюль долголетия», изготовленных из ячменной муки. Значение практик долгой жизни, связанных с Амитаюсом, не только в том, чтобы устранить препятствия, способные укоротить жизнь. Основная их цель – обретение состояния за пределами рождения и смерти.

В 2009 г. в РЭМ открылась выставка «Буддизм в традиционной культуре народов России», которая впервые за долгие десятилетия дала посетителям возможность познакомиться с многочисленными и зачастую уникальными памятниками вещевых и фото коллекций музея по буддизму народов России, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Буддизм – яркое и многоплановое явление мировой культуры, которое можно рассматривать с различных точек зрения: религиоведческой, философской, исторической, искусствоведческой. Авторы выставки (С.В. Романова, Т.Ю. Сем, М.В. Федорова) предприняли попытку раскрыть этнографический аспект этой темы, стремясь подчеркнуть этнокультурную специфику буддизма у народов, входящих в состав Российского государства.

Буддизм – древнейшая мировая религия, возникшая в Индии более двух с половиной тысяч лет назад. Универсальный характер идеи спасения и культовая парадность махаянского буддизма способствовали его широкому распространению за пределы Индии. За свою многовековую историю буддизм оказал значительное влияние на мировоззрение, культурные и религиозные традиции народов не только Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, но и России. Процесс распространения и утверждения буддизма у российских народов складывался

по-разному в силу специфических для каждого этноса культурно-исторических и политических условий.

Начало основного этапа распространения буддизма в России относится к первой трети XVII в. Именно в это время буддизм утвердился в Нижнем Поволжье и на Дону – его принесли с собой перекочевавшие из Западной Монголии ойратские племена дербетов и торгоутов (предков калмыков), официально принявшие буддизм еще в конце XVI века, в период своего обитания в Джунгарии. В конце XVII в. центрально-азиатский буддизм школы Гелуг (тиб. «закон добродетели»), основанной тибетским религиозным деятелем Цзонхавой (1357–1419), начинает проникать из Тибета через Монголию к бурятам Забайкалья. Первыми носителями буддизма были кочевавшие в бассейне р. Селенги монгольские князья, имевшие личные юрты-молельни. В конце XVI в. буддизм появляется у тувинцев, входивших в состав Монгольской империи, но окончательное его утверждение среди этого этноса произошло в XVIII в. В начале XX в. в результате влияния центрально-азиатской региональной формы буддизма на шаманизм у алтайцев возникает синкретическая религия – бурханизм. Элементы центрально-азиатского и дальневосточного буддизма, начавшего проникать на территорию Забайкалья и Приморья с эпохи средневековья (VIII–XII вв.), сохранились у забайкальских и верхнеамурских эвенков, а также у нанайцев и удэгейцев. В 1741 г. указом императрицы Елизаветы буддийская церковь получила официальное признание на территории России.

В традиционных культурах бурят, калмыков и тувинцев буддизм реализуется на двух параллельно существующих и тесно взаимодействующих уровнях: буддизм монашеский, опирающийся на преемственность в изучении письменного религиозно-философского наследия, и так называемый народный буддизм, ориентированный на архаическую бесписьменную культуру. Буддийская народная традиция была синкретичной и формировалась на базе упрощенно истолкованной буддийской религиозной догматики, местных анимистических верований и культов и шаманизма.

Авторы выставки стремились раскрыть этнокультурную специфику этих двух параллельно существующих и тесно взаимодействующих буддийских традиций. Данная концепция обусловила организацию выставочного пространства: выставка была разделена на два основных комплекса, характеризующих буддизм монашеский и буддизм народный. Выставочное пространство было организовано по аналогии

со схемой интерьера буддийского храма: центральное место у стены напротив входа занимала модель буддийского алтаря, являвшаяся доминантой и связующим звеном между двумя выставочными комплексами, расположенными в левой и правой частях зала (илл. 2).

Вдоль стены с двух сторон от алтаря были представлены тематические блоки «Картина мира» и «Пантеон буддийских божеств». Пространственная модель Вселенной раскрывалась на примере живописных и объемных мандал, символизирующих горизонтальную модель Вселенной, а также субурганов – алтарных ступ, сложная символика которых включает представления о вертикальной модели мироздания. Среди других экспонатов в этой теме был представлен иконографический образ буддийской картины мира «Бхавачакра» (санскр. – «Колесо бытия»; монг., бур. – «Сансарыйн-хурдэ»), повествующий о строении буддийской Вселенной и пути выхода из сансары (круга бесконечных изменений и перерождений). В Центральной Азии и у российских буддистов танка «Сансарыйн-хурдэ» была обязательной для каждого буддийского храма и помещалась при входе, представляя первую ступень познания Дхармы (буддийского Учения).

На выставке впервые практически в полном объеме демонстрировались хранящиеся в музее скульптурные и иконописные изображения наиболее значимых и популярных у народов России персонажей буддийского пантеона: Будда Шакьямуни (илл. 3), Майтрея (монг., бур. – Майдари) – будда Грядущего мирового периода, дхьяни-будды Вайрочана, Амигхоса, Ратнасамбхавы, Акшобхья и Амогхасиддхи, бодхисаттвы Ушнишавиджая, Авалокитешвара, Белая и Зеленая Тара, а также Цзонхава, Балдан Лхамо, Намсарай, Ямантака, Жамсаран, Белый Старец (Сагаан Убэгэн), мифическая птица Гаруда и др.

1. Раздел «Монашеский буддизм» включал следующие подразделы

а) «Буддийские священнослужители»

Духовный учитель – лама (тиб. – «высочайший») имел важнейшее значение в системе религиозных ценностей последователей тибетского буддизма. Учителя и религиозные наставники выступали нравственным примером для подражания, объектом любви и почитания. У буддийского духовенства существовала сложная система церковной иерархии, во главе которой стоял тибетский духовный правитель Далай-лама (монг. – «Океан-Учитель»). Высшим духовным лицом Забайкалья был Пандито Хамбо-лама,

Илл. 1. Бурятский лама во время богослужения. Ритуал пролонгации жизни Цхеванг. Сцена экспозиции «Народы Сибири и Дальнего Востока» Фото Н.М. Соловьевой

Илл. 2. Буддийский алтарь. Сцена выставки «Буддизм в традиционной культуре народов России». 2009 Фото Н.М. Соловьевой

Илл. 3. Танка «Будда Шакьямуни под деревом познания Бодхи» из серии «Чудеса Будды» Тибетская работа. XIX в. Восточная Сибирь. Забайкалье. Буряты. Передана из МН СССР в 1948 г. РЭМ колл. № 8762-19710

резиденция которого размещалась в Тамчинском (Гусиноозерском) дацане. Хурулы астраханских калмыков подчинялись Верховному Ламе калмыцкого народа, а донских калмыков – Багши-ламе, который имел самостоятельный статус. Тувинские монастырские комплексы подчинялись монгольской церкви, во главе которой стоял ургинский *хутухта* (высшее духовное лицо Монголии). Система иерархии монашества была сложной: ламы разделялись по профессиональной специализации, степени посвящения и в соответствии с административной должностью в монастыре.

В данном подразделе выставки были представлены многочисленные и разнообразные атрибуты буддийских священнослужителей: бронзовые 5-ти- и 9-тилучевые *ваджры*, колокольчики, ритуальные чаши из человеческого черепа *капала*, ритуальные кинжалы с трехгранным лезвием *пурбу*, сумка с флаконом для полоскания рта, разнообразные четки и др. Эту тему также раскрывали демонстрировавшиеся на выставке костюмы буддийских священнослужителей – тибетцев, монголов, бурят, тувинцев, калмыков, соответствующие буддийскому канону и различающиеся в зависимости от ранга носителя и совершаемого ритуала. Значительный интерес представляли региональные формы ритуальных костюмов калмыков и тувинцев, отражающие их этническое своеобразие и некоторый отход от тибетского канона.

б) «Производство икон, *бурханов* и атрибутов буддийского культа, книгопечатание, тибетская медицина»

Буддийские монастыри являлись не только религиозными центрами, способствовавшими сохранению и передаче буддийской традиции, но и выполняли культурно-просветительскую миссию. При них существовали школы по изучению богословия, буддийской философии, индо-тибетской медицины, тибетского и монгольского языков; развивались книгопечатание, культовое зодчество, иконопись, изготовление скульптурных изображений буддийских божеств и других атрибутов культа. В ремесленных центрах работали чеканщики, ювелиры, литейщики, скульпторы, резчики по дереву. Они создавали удивительные по своему художественному исполнению бронзовые, деревянные и глиняные *бурханы* (скульптурные изображения буддийских божеств), другие культовые предметы. Основой национального буддийского изобразительного творчества бурят, тувинцев и калмыков стал канон тибетской иконографии: мастера следовали навыкам, усвоенным у тибетских, монгольских и китайских иконописцев

и скульпторов. Вместе с тем в рамках местных народных традиций шел процесс фольклоризации, смягчения требований канона, оставляющий свободу для индивидуального творчества.

Данный выставочный комплекс знакомил посетителей с разнообразием деятельности буддийских монастырей Бурятии, Тувы и Калмыкии. Здесь были представлены ксилографические доски для печатания священных текстов и изображений, инструменты для вырезания букв на досках, трафареты, печатные иконы, буддийские книги, формы для производства глиняных *бурханов*, кисти для рисования икон и инструменты для растирания красок. Тема тибетской медицины раскрывалась в сцене, изображающей тувинского ламу-лекаря, рядом с которым демонстрировались походные аптечки с тибетскими лекарствами, бытовавшие у бурят и тувинцев, инструменты лам-лекарей.

в) «Буддийские праздники и ритуалы»

В данном тематическом подразделе были представлены комплексы, иллюстрирующие основные буддийские праздники у бурят, тувинцев и калмыков: Сагаалган, Круговращение Майдари, мистерия Цам. Тема новогоднего праздника Сагаалган была представлена буддийским благопожелательным полотнищем «Хий морин» («Конь ветров»), которое верующие вывешивали на следующий день после Сагаалгана.

Широко был представлен комплекс, посвященный мистерии Цам (тиб. чам – «танец»), одного из наиболее ярких явлений в культовой обрядности тибето-монгольского буддизма. Это мистерия, представляющая собой танец в масках мистического содержания, где с помощью символических жестов и движений исполнители-монахи изображают победу буддийского Учения над злыми духами, жизни над смертью, добра над злом. В конце XIX в. каждый крупный буддийский монастырь имел свой набор масок, костюмов и музыкальных инструментов.

На выставке демонстрировалась ритуальная маска, представляющая гневный человеческий лик красного цвета с тремя глазами, оскаленным ртом, торчащими клыками и высунутым языком. В мистерии Цам эта маска являлась элементом костюма одного из спутников бога войны Жамсарана – грозного защитника буддийского Учения.

Значительный интерес представляла уникальная для музейного собрания коллекция красочных деревянных скульптур, изображающих персонажей мистерии Цам (илл. 4). Такие фигурки широко бытовали в повседневной домашней религиозной практике буддийских

народов Центральной Азии. Они имели статус культовых предметов и могли ставиться на домашний алтарь. Данные деревянные скульптуры были изготовлены в 1909 г. халха-монгольским ламой, вероятно, специально на заказ для собирателя – российского генерального консула в Урге Я.П. Шишмарева (1833–1915), передавшего их в дар ЭО РМ. Коллекция содержит 101 скульптуру; на выставке эти фигурки были представлены практически в полном объеме и расставлены в соответствии с подробным описанием, данным собирателем: 27 персонажей составили первый круг, 73 – второй круг, в центре помещалась модель жертвы *сор*. Впервые за долгие десятилетия этот уникальный памятник буддийской культуры стал достоянием широкой общественности.

Отдельный комплекс демонстрировал разнообразные ритуальные музыкальные инструменты, применявшиеся в оркестровой игре во время мистерии Цам, праздничных служб, а также при проведении других обрядовых действий: барабаны, ударные музыкальные тарелки *сан* и *кимвалы*, морские раковины *дунг* в серебряной оправе, различные виды труб – *буре*, *бишкур*, *ганглин* из берцовой кости лошади и металлические с раструбом в виде головы мифического чудовища *макара*, барабанчики *дамару*, использовавшиеся ламами-заклинателями при тантрийском богослужении и др. (илл. 5).

В разделе, раскрывающем своеобразие региональных форм народной буддийской традиции, прослеживалось влияние буддизма на быт, жилище, костюм, ритуальную практику народов России. Буддийская церковь разработала обширную систему внемонашеской обрядности на общественном, семейном и индивидуальном уровнях, используя местные обычаи в сочетании с буддийскими культами. Буддизм ассимилировал семейно-родовую и шаманскую обрядность, не изменяя ее сущности, назначения и порядка ритуальных действий, внося новшества только во внешнюю сторону обрядов. В буддийский пантеон были включены шаманские божества и духи, а в обрядовую практику – шаманские культы. Эти культурные явления нашли отражение в выставочных комплексах.

2. Раздел «Народный буддизм» включал следующие подразделы

а) «Семейная обрядность»

Широкому распространению и быстрому росту популярности буддизма среди населения способствовала его адаптация к местным традициям и верованиям бурят, калмыков и тувинцев. Стремясь укрепиться в народном сознании,

буддизм включил в свою ритуальную практику местные родовые культы, а по мере более глубокого внедрения в традиционную культуру все шире и глубже стал ассимилировать и семейно-бытовую обрядность, подвергнув ее частичной переработке в соответствии с буддийскими догматами. Буддийские священнослужители адаптировали каноническое Учение к национальным особенностям культуры народов, принявших буддизм, излагая его основы в более доходчивой и доступной для понимания простых верующих форме. В народе буддийские положения и догматы истолковывались в соответствии с традиционными добуддийскими представлениями. Понятие *сансары* как источника страданий оказалось неприемлемым для народного сознания, в котором сохранилось восприятие жизни как большого счастья. Обрядам, связанным с земным благополучием, в народе продолжали придавать важнейшее значение. Ламы стали совершать обряды, призванные обеспечить здоровье, чадородие и достаток верующих, ознаменовать, защитить и благословить все переходные и значимые моменты в жизни человека: рождение, переход из одной возрастной группы в другую, свадьбу, смерть, а также хозяйственные и бытовые мероприятия: постройку нового дома, продажу или куплю скота, вещей, отъезда куда-либо, начало покоса и т.д. Однако семейно-бытовая обрядность подверглась лишь поверхностному изменению и носила синкретический характер, при котором буддийские обряды тесно переплетались с местными добуддийскими традициями.

К особой категории обрядов относилась так называемая «домашняя религиозность». Это повседневные ритуальные действия, исполнявшиеся верующими в кругу семьи: каждодневные молитвы, начитывание мантр, перебирание четок, вращение молитвенных барабанчиков с заключенными в них молитвенными текстами, возжигание лампад, поднесение буддийским божествам первой порции пищи и т. д.

Обязательным элементом интерьера жилища верующих был буддийский домашний алтарь, который располагался за очагом напротив входа, ориентированного у бурят на юг, а у тувинцев по тюркской традиции – на восток. В добуддийский период у калмыков, как и у всех монгольских народов, вход кибитки был обращен на юг, однако с принятием буддизма они стали ориентировать его на восток, так как эта сторона света связывалась с Далай-ламой, священными буддийскими местами, откуда, по представлениям калмыков, должен явиться Майдари (санскр. Майтрея – Будда Грядущего). Таким образом, у тувинцев и калмыков самая почетная часть жилища, в которой располагался алтарь,

Илл. 4. Деревянные скульптуры, изображающие персонажей мистерии Цам. Монголы. Начало XX в. Сцена выставки «Буддизм в традиционной культуре народов России». 2009
Фото Н.М. Соловьевой

Илл. 5. Буддийские ритуальные музыкальные инструменты. Сцена выставки «Буддизм в традиционной культуре народов России». 2009
Фото Н.М. Соловьевой

Илл. 6. Интерьер калмыцкой кибитки с домашним буддийским алтарем. Сцена выставки «Буддизм в традиционной культуре народов России». 2009
Фото Н.М. Соловьевой

находилась на западной стороне, а у бурят – на северной. В этом священном месте из посторонних могли сидеть только лица духовного звания и почетные гости старшего возраста. Там устанавливали специальные резные и расписанные столики (*бурхан-шире*), на которые помещали изображения буддийских божеств из бронзы, серебра, дерева, глины, лампадки, жертвенные чашечки и другие культовые предметы. Божницы обычно покрывали позолотой, окрашивали в красный цвет, а орнамент наносили белой, желтой и зеленой красками. К решетке юрты над сундуками и *бурхан-шире* крепились буддийские иконы. Верующие ежедневно совершали домашние молебствия и подношения буддийским божествам, такими подношениями сопровождалась все бытовые обряды.

На выставке данная традиция нашла отражение в сцене, изображающей калмыцкую женщину в традиционном костюме, стоящую в интерьере кибитки с буддийским домашним алтарем (илл. 6).

б) «Буддийское влияние на костюм и предметы быта»

Комплекс был основан главным образом на материале по традиционной культуре бурят с дополнением тувинских экспонатов.

Специфика декора ювелирных изделий забайкальских бурят и восточных тувинцев в значительной степени была обусловлена влиянием восточно-азиатской культуры и неразрывно связанной с ней буддийской традицией. В декоративном оформлении украшений широко использовались элементы буддийской изобразительной символики: знаки мантры, три драгоценности *гурбан эрдэни*, семь драгоценностей *долоон эрдэни* (колесо закона с 1000 спицами, драгоценность *чинтамани*, жена, министр, слон, конь, военачальник), восемь благих эмблем, или восемь жертв *найман тахил* (раковина, нить счастья, знамя, колесо учения, зонтик, рыбы, сосуд, цветок лотоса). Символы использовались не только в семеричном и восьмеричном наборах, но и по отдельности (цветок лотоса *бадма сэсэг*, две рыбки *сырня*, раковина, нить счастья *улзы*, колесо учения с восемью спицами *хорло*, драгоценность *чинтамани*). В декоре украшений использовались также включенные буддизмом в каноническую систему индийские символы *ваджра* и свастика *хас тамга*, китайский знак долголетия шоу, инь-ян, лев, тигр *барас*, дракон *луу*, летучая мышь (символ-омофон фу), маска чудовища *таотэ*, соединяющая черты тигра, барана, дракона.

Под влиянием буддизма в костюмном комплексе бурят и тувинцев появились *гуу* – нагруд-

ные футляры, в которые вкладывались культовые реликвии или молитвенные тексты. К концу XIX в. ладанки *гуу*, первоначально имевшие значение буддийского амулета, приобрели дополнительную функцию нагрудного (или наплечного) украшения. Подобные инновационные процессы происходили и в бытовании буддийских четок. В бурятской народной традиции они использовались мирянами не только как атрибут религиозной практики, но и как непременная деталь оформления женского и девичьего костюма – их вешали на шею (подобно ожерелью, при этом материал зерен (драгоценные и полудрагоценные камни, дерево и др.) являлся показателем материального достатка владелицы украшения).

Таким образом, буддийский фактор стал одним из определяющих в процессе формирования специфики украшений забайкальских бурят и отчасти тувинцев. Под его воздействием произошло качественное изменение состава комплексов украшений – трансформация старых форм и появления новых видов, которые были включены в уже сложившуюся структуру традиционного костюма.

Данное явление традиционной культуры российских народов, исповедующих буддизм, нашло отражение в разделе выставки, где демонстрировались бурятские мужской и женский костюмы и украшения, испытавшие буддийское влияние или возникшие в результате распространения буддизма: женское ожерелье *хоолобши*, наплечники *мурэнэй гуу*, мужские и женские навершия головного убора *дэнзэ*, поясные наборы (нож в ножнах, огниво, парные поясные пряжки *горье, гарьха*), амулетницы *гуу*.

в) «Культовые сооружения *обоо*, посвященные духам-хозяевам местности»

Буддизмом были адаптированы древние дошаманские представления, восходящие к почитанию природы и семейно-родовым культам. Его влиянию подвергся наиболее популярный в традиционной культуре бурят, тувинцев и калмыков обрядовый комплекс *обоо* (бур.), *ова* (калм.), *оваа* (тув.), связанный с почитанием духов-хозяев местности. На ранних этапах проникновения буддийские ритуалы, проводимые на этих святилищах, мало отличались от шаманских и могли включать в себя жертвоприношения барана, лошади или быка духу-хозяину местности, несмотря на то, что это противоречило буддийскому учению. По мере закрепления буддийских воззрений в народном сознании, появились заменители жертвенных животных, изготовленные из дерева, глины или теста. Шаманские ритуалы на священных местах

продолжали сохраняться, но наиболее важные родовые *обоо* переводились в ранг приходских *обоо* монастырей, на которых устанавливались *субурганы* (буддийские монументальные сооружения) и устраивались ежегодные торжественные буддийские богослужения.

Выставка знакомила с комплексом ритуальных предметов с подобных священных мест: деревянными и глиняными скульптурами жертвенных животных и Белого Старца, стрелами «счастья», полотнищами с изображением Коня ветров (Хий-морин) и др.

г) «Буддийское влияние на шаманизм народов Сибири»

В подразделе раскрывалась тема взаимной адаптации двух культовых систем (шаманизма и буддизма), сопровождавшейся отступлением шаманства с занимаемых позиций и резким сужением сферы его влияния. Одной из важных инноваций в шаманском культе бурят, тувинцев, солонов, манегров было появление лиц, сочетавших в обрядовой практике функции шамана и ламы. Буряты их называли *джочи*, *толмач* (переводчик), *шажанай боо* или *сагаан боо* (белый, или буддийский шаман), тувинцы – *бурхан боо* (боо – монг. «шаман»). Специфика их обрядовой практики отразилась и на появлении новых, возникших под влиянием буддизма элементов костюма и атрибутов. При совершении ритуальных действий по «черному обряду» *джочи* использовали типичные для камлания шамана принадлежности, а во время исполнения буддийского обряда – атрибуты, появившиеся под влиянием буддизма. Многие из них были представлены на выставке: шаманские плети с буддийской символикой, ритуальный кинжал с трехгранным лезвием *пурбу*, амулеты, *онгоны* – изображения шаманских духов, с элементами буддийских атрибутов, медные жертвенные чашечки *сугсу*, шаманские четки *эрхэ* и др. Здесь же экспонировался шаманский костюм манегров, испытавший влияние буддийской культуры.

В выставочном комплексе также нашли отражение элементы центрально-азиатского и дальневосточного буддизма, проявлявшиеся в культовой практике верхнеамурских эвенков, нанайцев и удэгейцев.

Синкретизм шаманизма и буддизма у народов Дальнего Востока был представлен нанайскими комплексами Мяо (икона с изображением Гуань-ди, фигурки предков с буддийскими жезлами, божница с тремя буддийскими скульптурами, колокольчик из молельни Мяо) и Дусху (лечебная икона на ткани с изображением громовержца, помощника Эндური, божница

Дусху с флагами и изображением духов, шаманский нагрудник, лечебная одежда). Специфика дальневосточного буддизма раскрывалась также на материале скульптурных и иконописных изображений буддийских божеств, атрибутов буддийских священнослужителей (посох, четки, колокольчик, *ваджра* и др.).

Таким образом авторы выставки стремились раскрыть мир буддизма в его этническом многообразии, дать представление об особенностях региональных форм буддизма у бурят, тувинцев, калмыков и синкретических верованиях, возникших под его влиянием у алтайцев, эвенков, нанайцев и удэгейцев. Выставка также давала представление об этническом своеобразии костюмов, интерьера, образа жизни народов России, исповедующих буддизм.

Наряду с вещевыми комплексами на выставке были широко представлены архивные фотографии, отражающие тему буддизма в культуре народов России конца XIX – начала XX в.

Выставка «Буддизм в культуре народов России», проходила в рамках Декады буддийской культуры в Санкт-Петербурге. Бесценные вещевые и фотоматериалы, позволяющие познакомиться с локальными вариантами древнейшей мировой религии, вызвали значительный интерес как у широкого круга посетителей, так и специалистов-этнографов, культурологов, историков, философов религии, буддологов.

В эти и последующие годы памятники буддийского религиозного культа и сцены, отображающие различные сюжеты на тему буддизма в культуре народов России, были задействованы и в других выставочных проектах Российского этнографического музея.

Буддийские предметы стали включаться в комплексные межрегиональные выставки, составляя отдельные тематические блоки в рамках единой концепции: «Славяне Европы и народы России. К 140-летию Первой этнографической выставки 1867 года» (РЭМ, 2008)²; «Панорама империй: Путешествие цесаревича Николая Александровича на Восток в 1890–1891 гг. К 120-летию путешествия цесаревича на Восток» (Музей-заповедник «Царицыно», Москва, 2011)³.

Серия копийных выставок «Буддизм в России», созданных с помощью современных цифровых технологий, экспонировалась в 2011–2012 гг. в Индии, Бутане, Непале, Камбодже, Таиланде, Шри-Ланке и других буддийских странах Азии, а также во Владивостоке (в 2012 г.). К выставкам были изданы альбомы⁴ и выпущены компакт-диски с электронными версиями изданий на русском и английском языках.

Реплики экспонатов и архивные фотографии РЭМ демонстрировались на совместной выставке «Репрессированный буддизм» (Музей истории ГУЛАГа, Москва, 2014).

В этот же период сотрудниками музея проводилось изучение и атрибуция буддийских коллекций РЭМ; большую помощь в этом оказали специалисты-буддологи из Государственного Эрмитажа (Ю.И. Елихина), Государственного музея истории религии (О.В. Горюева, О.В. Хижняк), Кунсткамеры (Д.В. Иванов), Института восточных рукописей (И.В. Кульганек), а также ламы из Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй».

Продолжением научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и издательской работы по теме «Буддизм в культуре народов России» стала открывшаяся в 2015 г. в РЭМ выставка «Взгляд на Восток» (авторы С.В. Романова и М.В. Федорова), посвященная истории комплектования буддийских коллекций РЭМ.

На ней было представлено уникальное собрание вещевых памятников (321 ед. хр.) по буддизму народов России и Центральной Азии (бурят, калмыков, тувинцев, тибетцев, монголов, китайцев), отражающих различные стороны буддизма и его региональные особенности. Многие экспонаты демонстрировались впервые.

Основной целью выставки являлось рассказать о путях формирования буддийских коллекций музея, раскрыть роль людей, благодаря которым РЭМ обладает этим уникальным собранием. Авторы также стремились отразить политический, исторический и культурный контекст, на фоне которого происходило комплектование материалов по буддизму.

Структура выставки включала в себя три раздела: «Коллекции собирателей», «Дары буддийских священнослужителей», «Экспедиционные сборы». Разделы сопровождалась портретами собирателей и коллекционеров, текстами о них.

1) «Коллекции собирателей»

В разделе были представлены частные собрания знаменитых коллекционеров и путешественников Э.Э. Ухтомского, А.В. Верещагина, П.К. Козлова, выкупленные императором Николаем II и переданные в дар Этнографическому отделу Русского музея. В 1930-е гг. большая часть этих коллекций была передана в Государственный Эрмитаж. Сохранившиеся в РЭМ буддийские атрибуты из собраний Э.Э. Ухтомского, А.В. Верещагина и П.К. Козлова уникальны по своей исторической и научной и художественной ценности, являются раритетами музейного собрания по буддийскому культу.

Первый тематический блок раздела выставки был посвящен князю Эсперу Эсперовичу Ухтомскому (1861–1921) – ученому-востоковеду, дипломату, публицисту, предпринимателю, путешественнику, коллекционеру. Э.Э. Ухтомский собрал уникальную по своей ценности и разнообразию содержания коллекцию буддийских предметов, в основе комплектования которой лежал строгий научный подход. По оценке специалистов того времени, она являлась наиболее полным музейным собранием предметов религиозного культа северного буддизма.

В 1900 г. коллекция Э.Э. Ухтомского экспонировалась на Всемирной выставке в Париже, где получила золотую медаль. Она послужила основным материалом для классического исследования А. Грюнведеля по буддийской мифологии. В 1902 г. коллекция Э.Э. Ухтомского (2047 предметов) была выкуплена Николаем II и подарена ЭО РМ; она заложила основу богатейшего собрания РЭМ по северному буддизму.

На выставке была представлена значительная часть сохранившихся в музее буддийских памятников этой уникальной коллекции, многие из них экспонировались впервые. Это алтарные атрибуты (курильницы, чашечки для подношений божествам, Семь и Пять драгоценностей – буддийские благопожелательные символы, мандала подношений, ритуальные чаши *канала* из человеческого черепа), жертвенная ложка, используемая в тантрическом обряде подношения через огонь, костяная труба *ганглин* – ритуальный музыкальный инструмент, золотая и бронзовые скульптуры персонажей буддийского пантеона. Особый интерес представляла экспонирующаяся впервые почти в полном объеме коллекция миниатюрных буддийских статуэток, приобретенная Э.Э. Ухтомским в 1897 г. в г. Калгане у доверенного фирмы «Коковин и Басов» (илл. 7). Подобные миниатюрные статуэтки использовались для помещения в *гауреликварии*, а также при конструировании объемных мандал – дворцов, или идеальных сфер обитания божеств. В коллекции представлены образцы буддийской бронзовой пластики различных художественных школ Китая, Монголии и Тибета XVIII–XIX вв.

Второй комплекс демонстрировал коллекцию буддийских предметов генерал-майора А.В. Верещагина (1850–1909) – известного коллекционера, писателя, младшего брата знаменитого художника-баталиста В.В. Верещагина. Во время службы в составе русских войск на Дальнем Востоке им была собрана обширная коллекция китайских этнографических предметов, в том числе по буддийскому культу. В 1904 г. коллекция была выкуплена Николаем II и подарена

Илл. 7. Миниатюрные скульптуры буддийских божеств в киоте. Китай, Монголия, Тибет. XVIII–XIX вв. Бронза, серебро, позолота, минеральные краски, паста, дерево. Приобретены Э.Э. Ухтомским в 1897 г. в г. Калган (Китайская империя) у доверенного лица фирмы «Коквин и Басов». Дар Николая II. 1902. Выставка «Взгляд на Восток». 2015. РЭМ, колл. 2931/1–115. Фото О.В. Ганичевой

Илл. 8. Дхармачакра (санскр. — «колесо Учения») — атрибут буддийского алтаря, символ Учения Будды о пути, ведущему к Просветлению. Тибетская работа. Начало XIX в. Китайская империя. Серебро, позолота, лазурит, бирюза, коралл. Из коллекции А.В. Верещагина. Дар Николая II. 1904. РЭМ, колл. 3934-7

Илл. 9. Скульптура «Белая Тара» Монгольская школа. Конец XIX в. Буряты Восточная Сибирь, Забайкальская обл. Серебро Из коллекции Э.Э. Ухтомского. Дар Николая II. 1902. РЭМ, колл. 3030-484

ЭО РМ. Из коллекции А.В. Верещагина вниманию зрителей были представлены сосуды для освященной воды *бумба*, *ваджры*, тантрический посох, уникальный по своему художественному исполнению алтарный атрибут Дхармачакра (санскр. «колесо Учения») (илл. 8).

Третий комплекс был посвящен знаменитому географу и путешественнику, исследователю Центральной Азии П.К. Козлову (1863–1935). С 1883 по 1926 г. он совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай и Восточный Тибет, три из которых возглавил сам. Во время Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909) П.К. Козлов открыл в пустыне Гоби в центре Монголии остатки «мертвого» города Хара-Хото с уникальным археологическим материалом. Во время экспедиции им была собрана также обширная и ценная коллекция по этнографии и буддийскому культу монголов, тибетцев и китайцев. В 1911 г. собрание П.К. Козлова было выкуплено императором Николаем II и подарено ЭО РМ.

На выставке из коллекции П.К. Козлова экспонировались сохранившиеся в музейном собрании ценные бронзовые скульптуры, изображающие персонажей буддийского пантеона: «Ушнишавиджая», «Майтрея», «Зеленая Тара», «Белая Тара», «Цзонхава», «Лама» в киоте гау, «Дакини» — из свиты Симхавактры (львиноголовой *дакини*, сопровождающей Лхамо), а также алтарная ступа, бронзовый колокольчик, морская раковина, ударные тарелки *сан* — ритуальные музыкальные инструменты, ритуальный кинжал *пурбу* — атрибут тантрических обрядов, костяные четки с нефритовой бусиной.

2) «Дары буддийских священнослужителей»

Раздел составили подношения Николаю II и членам императорской семьи от выдающихся религиозных деятелей, представителей буддийских народов Российской империи — бурят и калмыков. Эти дары являлись знаком выражения верноподданнических чувств и стремления буддийской элиты заручиться высочайшей поддержкой российского монарха. Подданство России буддийскими народами расценивалось, прежде всего, как верность русскому императору — «Белому царю», фигура которого олицетворяла высшую власть в стране.

Первый тематический блок выставки был посвящен коллекциям, привезенным великим князем цесаревичем Николаем Александровичем (будущим императором Николаем II) из своего путешествия на Восток в 1890–91 гг. и переданным в дар ЭО РМ.

Этой поездке придавалось важное государственное значение. Наследник престола должен

был не только установить личные контакты с правителями иностранных держав, но и ознакомиться с азиатской частью Российской империи и населяющими ее народами. В задачу великого князя Николая Александровича также входила закладка Великой Сибирской железной дороги, которая должна была соединить далекие азиатские окраины России с европейской частью страны. Беспрецедентное по своей продолжительности и географическому охвату путешествие длилось 300 дней, а общая длина его маршрута составила более 51 000 км. Оно включало морскую поездку на фрегате «Память Азова» с посещением восточных стран от Османской империи (Египта) до Японии и сухопутный путь через всю Россию обратно в Санкт-Петербург. Более двух месяцев цесаревич в сопровождении свиты ехал по землям Азиатской России — от Тихоокеанского побережья через Сибирь и до Урала, где его встречали многочисленные делегации коренных народов, представители разных религиозных конфессий, в том числе буряты, исповедующие буддизм.

Агинские буряты встретили цесаревича грандиозным конным представлением, устроили ему праздничный прием с подношениями, среди которых было парадное седло с дарственной надписью, представленное на данной выставке.

Цесаревич встретился также с бурятами Хоринского ведомства и посетил Апагатский дацан. Представители всех родов Хоринского ведомства, проживавших близ р. Курбы, буддийское духовенство во главе с Х Пандито Хамбо-ламой Дампиллом Гомбоевым, представители других родов бурят и тунгусов встретили гостя подношением *хадаков* (ритуальных шелковых шарфов) и подарков. Среди принесенных в дар цесаревичу Николаю Александровичу буддийских скульптур была серебряная «Белая Тара», представленная на данной выставке. Эту выдающуюся по художественному исполнению и исторической ценности скульптуру можно по праву отнести к сокровищам буддийского собрания РЭМ (илл. 9).

На выставке демонстрировалась географическая карта Российской империи, на которой был отмечен маршрут путешествия цесаревича Николая Александровича.

Отдельный комплекс раздела выставки составляли дары, поднесенные членам императорской семьи 19 марта 1913 г. делегацией буддистов Восточной Сибири во главе с XII Пандито Хамбо-ламой Даши-Доржи Итигэловым. Аудиенция проходила в Александровском дворце Царского Села по случаю юбилейных торжеств 300-летия Дома Романовых⁵. В 1913 г. эти подношения были переданы Николаем II

в дар ЭО РМ. Комплект подношений включал семь предметов.

Сосуд бумба на подножном блюде. Вручен императору Николаю II. Бумба – ритуальный сосуд, сокровищница буддийских драгоценностей и символ центра Вселенной. Сосуд, вокруг которого располагаются литые и гравированные изображения бурятских буддийских храмов, установлен в центре круглого серебряного блюда. На блюде по периметру выгравирована надпись: «Государю и Самодержцу Всероссийскому Николаю Александровичу Отъ 35 Сибирскихъ дацанъ 1613–1913»; на дне приклеена бумага с напечатанной надписью: «ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Бумба священная Урна на серебряномъ блюдѣ». Это подношение имело глубокий символический смысл – в образе помещенного в центре блюда драгоценного сосуда в окружении изображений бурятских дацанов депутация российских буддистов подносила монарху все сокровища буддийского мира.

Скульптурная композиция «Ушнишавиджая» – богиня долголетия. Поднесена великому князю цесаревичу Алексею Николаевичу. На дне престола бумага с надписью: «НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ. Серебряный Будда “Цзукдурь-Намжалъ” – Покровитель благоденствія. Серебряное изображение семи драгоценностей, принадлежащих только Великим Царямъ міра». Учитывая наследственную болезнь цесаревича, подарок имел символическое значение, так как Ушнишавиджая помогает всем живым существам, страдающим тяжелыми заболеваниями. «Семь драгоценностей Владыки Мира Чакравартина», установленные вокруг скульптуры, символизируют буддийский идеал совершенного монарха, правящего в соответствии с Учением Будды.

Скульптурная композиция «Белая Тара». Подарена императрице Александре Федоровне. Белая Тара – один из наиболее популярных женских образов в буддийском пантеоне. Буддисты почитают ее как богиню-спасительницу, дарующую долголетие и защищающую от опасностей. Одним из земных воплощений Белой Тары бурятскими и калмыцкими ламами была объявлена императрица Екатерина II, пожаловавшая значительные привилегии буддийским священнослужителям на территории России. Со времен Екатерины II все жены российских императоров считались у народов, исповедующих буддизм, воплощением Белой Тары. Поэтому подношения ее изображений российским императорам и императрицам были весьма распространены и являлись символическим знаком высочайшего почтения и благопожелания. На днище подноса приклеена бумага с напечатанной надписью:

«ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ. Серебряная Богиня «Цаганъ-Дара-Эхэ» – Покровительница благодати».

Четыре бронзовые скульптуры «Белая Тара». Подарены великим князьям Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии.

Третий комплекс раздела выставки составили подношения императорской семье, сделанные А. Доржиевым от XIII Далай-ламы Тхуптэн Гьяцо 26 марта 1913 г. в Александровском дворце Царского Села по случаю празднования 300-летия Дома Романовых. Эти дары были переданы императором Николаем II в ЭО РМ 29 марта 1913 г. (илл. 10).

Агван Лобсан Доржиев (1853/54–1938) – бурятский буддийский ученый, просветитель, дипломат, крупный религиозный, политический и общественный деятель Тибета, России и Монголии, являлся выдающейся личностью в истории российского буддизма XX в. Он был наставником XIII Далай-ламы Тхуптэн Гьяцо, его ближайшим доверенным лицом и другом. В 1901 г. А. Доржиев стал полномочным представителем Тибета в России. Выполняя негласную дипломатическую миссию посредника между Тибетом и Россией, он проводил политику сближения этих государств. А. Доржиев был инициатором, активным участником и руководителем строительства в Санкт-Петербурге буддийского храма, ставшего главным религиозным и культовым центром буддистов северной столицы. Благодаря протекции известного востоковеда князя Э.Э. Ухтомского А. Доржиев неоднократно удостоивался аудиенций у Николая II, передавал письма и подарки от XIII Далай-ламы. К таким подношениям относятся представленные на выставке дары императорской семье.

На выставке были представлены поднесенные А. Доржиевым императору Николаю II раковина *дунг* – духовой музыкальный инструмент китайской работы XIX в., доспехи и шлем тибетского воина, а также меч с ножнами XVIII–XIX вв. Согласно атрибуции Е.И. Нератовой, такие парадные мечи и другое оружие, достойное подношений, хранились в буддийских монастырях на протяжении десятков, иногда даже сотен лет. Они использовались в ходе праздничных церемоний и театрализованных религиозных служб. Меч, представленный на выставке, по своему типу относится к оружию, наиболее распространенному в Тибете XVII–XIX вв.

Комплекс подношений А. Доржиева включал подаренное цесаревичу Алексею Николаевичу уникальное убранство «царского коня», использовавшееся в Тибете для парадов и торжественных выездов. По легенде, седло относится

к эпохе царя Тисрона Девизана, жившего в IX в. Как полагают исследователи, судя по богатому убранству коня, седло действительно могло принадлежать одному из Князей Тибета, но более позднего времени: XVIII – начала XIX в.

В разделе выставки также экспонировались дары от калмыцких лам, поднесенные Николаю II в честь празднования 300-летия вхождения калмыцкого народа в состав России. К их числу относится серебряная скульптура «Зеленая Тара», поднесенная императору Николаю II 17 февраля 1909 г. Шаджин-ламой калмыцкого народа (главой буддийской церкви астраханских калмыков) Чимидом Балдановым в составе депутации калмыков Астраханской губернии. Скульптура «Зеленая Тара» вместе с другими дарами астраханских калмыков была передана Николаем II в дар ЭО РМ в 1909 г.

Особую ценность представляет демонстрируемая на выставке серебряная мандала «13 божеств сферы Шри Ваджрабхайравы», которая вместе с двумя креслами была преподнесена в дар императору Николаю II 25 ноября 1908 г. в Царском Селе в Александровском дворце депутацией от донских калмыков (илл. 11). Возглавлял депутацию бакши-лама Мункэ Борманжинов (1855–1919) – глава духовенства донских калмыков, выдающийся философ-богослов и просветитель.

Мандала была изготовлена в Пекине в XIX в. по заказу буддистов Калмыкии как сакральный предмет для помещения на алтарь в качестве объекта поклонения верующих. Поднесение императору такого дара являлось знаком высшего почитания: властелину империи даруют священную мандалу Владыки Тантры Ваджрабхайравы. Мандала «13 божеств сферы Шри Ваджрабхайравы» представляет собой модель, созданную в виде дворца, окруженного concentрическими кругами, в которые вписаны *ваджры*, восемь Великих кладбищ и кольцо лотосовых прудов. В центре дворца помещен *идам* (объект медитации) – Великий Шри Ваджрабхайрава (санскр. – «угрожающий ваджрой»). Ваджрабхайрава-тантра относится к высшему разряду тантр и является основной тантрой, практикуемой школой Гелуг в Тибете, Монголии, Бурятии и Калмыкии.

В 1912 г. Николай II передал мандалу в дар ЭО РМ. Этот уникальный памятник буддийского искусства, представляющий большую религиозную, историческую и художественную ценность, поистине можно считать сокровищем РЭМ, не имеющим аналогов в музеях не только России, но и Европы.

Отдельный комплекс раздела выставки составили костюмы лам и атрибуты буддийского

культа ставропольских и астраханских калмыков, экспонировавшиеся в 1896 г. в Нижнем Новгороде на Всероссийской промышленной и художественной выставке и в 1902–1903 гг. на Первой международной выставке исторических и современных костюмов, проходившей в Таврическом дворце в Петербурге. Эти буддийские коллекции были получены в дар от калмыцких нойонов, буддийских священнослужителей и многих других известных представителей калмыцкого народа. После закрытия выставок эти экспонаты были переданы в ЭО РМ.

3. Экспедиционные сборы

Экспедиционная деятельность являлась одним из приоритетных направлений в работе сотрудников ЭО РМ. Сборы буддийских коллекций проводились с момента основания музея (1902) по 1923 г. и охватывали обширные территории расселения народов, исповедовавших буддизм, как в России, так и в сопредельных странах. В результате полевой работы сотрудников ЭО было сформировано и многочисленное собрание фотографий, отражающих современное на тот момент состояние буддизма у бурят, калмыков, тувинцев, монголов, тибетцев. На снимках запечатлены буддийские монастыри, священнослужители, сцены обрядов, праздников и священные культовые места.

Раздел состоял из четырех тематических блоков, посвященных собирательской деятельности сотрудников музея: Д.А. Клеменца, Ф.Я. Кона, Д.Э. Ухтомского, А.П. Баранникова.

Комплекс, включавший коллекции Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914) – известного этнографа, археолога, востоковеда, заведующего Этнографическим отделом (1902–1909), был представлен этнографическими предметами, собранными им во время экспедиций в Центральную Азию в 1890-х гг. и в Томскую губ. в 1904 г. На выставке экспонировались образцы тибетского сукна, парадный халат монгольского настоятеля буддийского монастыря и комплекс глиняных изображений жертвенных животных – предмет бурханистского культа алтайцев.

Второй тематический блок был посвящен коллекциям Феликса Яковлевича Кона (1864–1941) – крупного революционного деятеля, антрополога и этнографа, собранным им во время экспедиции 1902–1903 гг. в Урянхайский край (Туву) к сойотам (тувинцам). Комплекс давал яркое представление об этнолокальной специфике буддийской традиции тувинцев, отражал ее синкретический характер. Демонстрировавшиеся на выставке предметы буддийского культа из собрания Ф.Я. Кона включали костюм ламы, буддийскую скульптуру местного

Илл. 10. Подношения императорской семье от Хамбо-ламы Агван Лобсан Доржиева. Сцена выставки «Взгляд на Восток». 2015. Фото О.В. Ганичевой

производства, рисунок ламы, образцы книгопечатания, ритуальные музыкальные инструменты, сумку ламы-лекаря, мешочки для тибетских лекарств и др. Особый интерес представляли предметы, отражающие синкретизм буддизма, шаманизма и дошаманских верований. К ним относятся связка бараньих лопаток с надписями на тибетском и монгольском языках, вывешиваемая на *оваа* – культовых местах, посвященных духу-хозяину местности, а также шаманский бубен, на верхней части рукояти которого вырезана антропоморфная фигура в ламском головном уборе и с руками, сложенными в буддийском молитвенном жесте; бубен использовался при камлании особой категорией служителей культа – *бурхан-хам* или *бурхан-боо* (букв. будда-шаман), сочетавших в своей практике и атрибутах как шаманские, так и буддийские элементы.

Комплекс Дия Эсперовича Ухтомского (1886–1918) – этнографа, путешественника, сына князя Э.Э. Ухтомского, сотрудника ЭОРМ (1908–1918), содержал весьма ценный материал по буддизму монголов, тибетцев и бурят. Здесь

экспонировались многочисленные атрибуты буддийского культа, собранные Д.Э. Ухтомским во время поездки в Монголию в 1910 г.: костюм монгольского ламы высокого ранга, коллекция ритуальных и повседневных головных уборов монгольских лам, *гуу*-реликварии со скульптурой «Хеваджра» и изображением Будды Шакьямуни под деревом Бодхи, бронзовые скульптуры китайской работы XVIII в. и XIX в. – «Манджушри», «Пекинский Джанджахутухта III Чанкья Ролпай Дордже (1717–1786)», «Зеленая Тара», «Авалокитешвара».

Приобретение Д.Э. Ухтомским тибетских вещей на территории Монголии не было целенаправленным, а носило скорее случайный характер. Как видно из письма собирателя Б.Ф. Адлеру от 20 августа 1910 года в этом ему помогло удачное стечение обстоятельств: «В Урге мне пришлось несколько отклониться от прямой задачи и, встретя посольство Далай-ламы, подобрать на два полных манекена небольшую тибетскую коллекцию. Я на нее истратил лишь 130 рублей, но она стоит этого»⁶. Тибетская коллекция Д.Э. Ухтомского (колл. 1898), зарегистри-

Илл. 11. Мандала «13 божеств сферы Шри Ваджрабхайравы». Китайская работа. XIX в. Область Войска Донского. Конец XIX – начало XX в. Калмыки. Серебро, позолота, эмаль, лазурит, бирюза, коралл, перламутр

Преподнесена Императору Николаю II депутацией донских калмыков во главе с бакши-ламой Мункэ Борманжиновым 25 ноября 1908 г. в Александровском дворце Царского Села по случаю празднования 300-летия вхождения калмыцкого народа в состав России. Дар Николая II. 1912. РЭМ, колл. 2150-1

рованная собирателем как Северо-Восточный Тибет (Амдо и Кам), включает 27 экспонатов – главным образом, одежду буддийских священнослужителей. На выставке из этой коллекции были представлены не экспонировавшиеся ранее сапоги участника мистерии Цам. В данном тематическом блоке также демонстрировался буддийский ритуальный барабан с колотушкой, приобретенный собирателем в Гусиноозерском дацане во время поездки в Забайкальскую обл. в 1908 г. Он представляет большую историческую ценность, так как является пока единственным опознанным в музейном собрании экспонатом коллекции, привезенной Д.Э. Ухтомским из Забайкальской экспедиции.

Обширный комплекс, посвященный коллекциям Алексея Петровича Баранникова (1890–1952) – видного советского востоковеда-индолога, хранителя Секции буддизма Этнографического отдела Русского музея, содержал многочисленные предметы, привезенные им из экспедиции к бурятам в Забайкалье в 1923 г. Во время поездки А.П. Баранников обследовал Агинский, Цугольский, Гусиноозерский, Иройский и Ацайский дацаны, где собрал около 200 предметов буддийского культа, отражающих различные сферы деятельности монастырей. В 1926 г. по материалам экспедиции была опубликована статья А.П. Баранникова «Забайкальские дацаны», содержащая сведения о современном состоянии буддийских храмов на территории Забайкалья⁷.

Значительная часть буддийских предметов, привезенных собирателем из бурятских дацанов, была представлена на выставке.

В сцене, посвященной деятельности лам-художников и печатников, демонстрировался костюм бурятского ламы Гусиноозерского дацана, а рядом с ним располагались печатные иконы и глиняные скульптуры местного производства, инструменты и трафареты для рисования *танка* (буддийских икон), формы для изготовления ритуального печенья, *бурхан бара* – ксилографические доски для печатания священных текстов и изображений Будды и бодхисатв, резцы для вырезания букв на ксилографических досках.

Отдельный тематический блок составили представляющие большую научную ценность и не экспонировавшиеся ранее буддийские предметы: буддийский барабан с колотушкой, флаг – атрибут мистерии Цам, ритуальные полотнища «Хий морин» (Конь ветров), *ганзай* – изображения подношений буддийским божествам, выполненные ламами-художниками Гусиноозерского и Цугольского дацанов, рисунок ламы-художника Шенхоро Гунцонова

Цугольского дацана, изображающий ритуальные стрелы, рядом с которым демонстрировалась деревянная ритуальная стрела *сомон*, служащая образцом для рисунка.

Выставку «Взгляд на Восток» сопровождала мультимедийная программа, включавшая фотографии экспонатов с подробными аннотациями, географические карты с маршрутами экспедиций (сделанные сотрудником РЭМ Л.Г. Черенковой специально для выставки), многочисленные архивные фотографии (более 190) из коллекций Д.А. Клеменца, Д.Э. Ухтомского, С.И. Руденко, Ф.Я. Кона, А.А. Миллера, Пандито Хамбо-ламы Иролтутева. Выставка была ориентирована как на широкого зрителя, так и на специалистов-буддологов, историков и этнографов, а также буддийских священнослужителей. Большой интерес к выставке был проявлен сотрудниками Музея истории религии, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственного Эрмитажа, Публичной библиотеки. Открытие выставки посетил настоятель Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй» Буда Бальжиевич Бадмаев.

Выставка «Взгляд на Восток» проводилась в рамках юбилейных торжеств, посвященных 100-летию Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй», проходивших в течение 2015 г. на различных площадках Санкт-Петербурга.

Буддийские коллекции Российского этнографического музея представляют богатейший материал как для научного исследования, так и для создания выставок, раскрывающих те или иные аспекты буддизма. В настоящее время буддийские предметы задействованы в выставочных межрегиональных проектах музея: «Традиционная культура народов России и Великий шелковый путь» (Китай, 2016), обновленный вариант выставки «Императорские коллекции в собрании РЭМ» (Гатчина, 2013–2014; Челябинск, 2017–2018).

Сотрудниками РЭМ ведется работа по созданию обновленной экспозиции «Народы Сибири и Дальнего Востока», в которой предполагается расширить буддийский раздел сценами, отражающими монастырскую деятельность лам (книгопечатание, иконопись, тибетская медицина), буддийские праздники и обряды бурят и калмыков с демонстрацией ритуального костюма калмыцкого ламы, различных видов ритуальных музыкальных инструментов и других атрибутов.

¹ Императорские коллекции в собрании Российского Этнографического музея: «Цари народам – народы царям» // Каталог выставки. – М.: СПб., 1995.

² Славяне Европы и народы России. К 140-летию Первой этнографической выставки 1867 года. – СПб.: Славия, 2008.

³ Панорама империй: Путешествие цесаревича Николая Александровича на Восток в 1890-1891 гг. К 120-летию путешествия цесаревича на Восток. – М.: ГМЗ «Царицыно», 2011.

⁴ Buddhism in Russia. – Delhi, 2011; Буддизм в России. – Владивосток, 2012.

⁵ Нератова Е.И. Из истории нескольких предметов, поднесенных к 300-летию Дома Романовых

в Царскосельском Александровском дворце (из собрания Российского этнографического музея) // Мат-лы XVI Царскосельск. науч. конф. Ч. II. Сб. науч. ст. / Красненкова Е.В. и др. (ред.). – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2010. – С. 112–123.

⁶ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). – СПб.: Изд-во филол. ф-та С.-Петербурга. гос. ун-та, 2012. – 832 с.

⁷ Баранников А.П. Забайкальские дацаны. Материалы по этнографии. Том 3. Выпуск 1. Отдельный оттиск. Этнографический отдел Государственного Русского музея. Л.: Издание Государственного Русского музея, 1926. – 16 с.

«Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области»

О.М. Фишман (науч. ред.), М.А. Докучаева, М.А. Засецкая, Г.А. Исаченко, Л.В. Королькова,
О.А. Красникова, А.И. Терюков и др. – СПб.: издательский дом «Инкери», 2017. – 656 с.

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики
e-mail: olga_fishman@mail.ru

Сообщение содержит информацию о многолетнем междисциплинарном научно-издательском проекте, предпринятом в рамках актуального этноконфессионального и этнокультурного картографирования, завершившемся изданием в 2017 г. «Этноконфессионального иллюстрированного атласа Ленинградской области», а также описание публикации.

Ключевые слова: этноконфессиональный атлас, Ленинградская область, междисциплинарный научно-издательский проект, этноконфессиональное картографирование, этнокультурное картографирование.

UDC 39

Ethno-Denominational Illustrated Atlas of the Leningrad Region

O.M. Fishman (learned ed.), M.A. Dokuchayeva, M.L. Zasetzkaya, G.A. Isachenko, L.V. Korolkova,
O.A. Krasnikova, A.I. Teryukov, et al. – St. Petersburg, Inkeri Publishers, 2017. – 656 p.

OLGA M. FISHMAN, D.Sc. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Head, Department of Ethnography of the Peoples of North-Western Russia and Baltic Region
e-mail: olga_fishman@mail.ru

This review gives information on a years-long interdisciplinary scientific publishing venture undertaken within the framework of a highly topical interdisciplinary project of ethno-denominational and ethno-cultural cartography – completed in 2017, it culminated in the publication of the *Ethno-Denominational Illustrated Atlas of the Leningrad Region*; a description of the volume is also contained in the article.

Key words: ethno-denominational atlas, the Leningrad Region, interdisciplinary scientific publishing project, ethno-denominational cartography, ethno-cultural cartography.

Идея «Этноконфессионального иллюстрированного атласа Ленинградской области» (далее – Атлас), опубликованного в 2017 г., первоначально обсуждалась на Шегреневских чтениях (СПб.: РЭМ, 2008–2011), а также в ходе многих неформальных встреч этнографов, историков, географов, краеведов, специалистов из научных, культурных и учебных учреждений

не только Санкт-Петербурга, но и других городов Российской Федерации.

При обосновании проекта его задачи и предполагаемый результат были сформулированы следующим образом: осуществление этноконфессионального и этнокультурного картографирования на основе картографических, статистико-демографических и архивных доку-

ментов, отражающих распределение этнических и этноконфессиональных групп на территории Ленинградской области в XVIII–XXI вв., а также выявление, систематизация, описание и создание репрезентативного с научной точки зрения корпуса источников. Авторы исходили из того, что Северо-Запад России, включая Ленинградскую область, до настоящего времени не стал предметом комплексного исторического этнокартографического исследования.

С 2012 по 2014 г. группой петербургских исследователей – этнографами М.Л. Засецкой, Л.В. Корольковой, О.М. Фишман, М.А. Докучаевой (РЭМ), А.И. Терюковым и В.Ю. Макаровой (в течение 2012 г.; МАЭ РАН), географом Г.А. Исаченко (СПбГУ) и историком О.А. Красниковой (БАН РАН) в рамках гранта РГНФ (12-01-00143) был выполнен проект под названием «Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области: материалы и исследования». Осуществлению проекта во многом способствовали обширный массив разнородных архивных источников и привлечение новых публикаций, использование данных полевых исследований и современных ГИ технологий, что давало надежду на ликвидацию ряда давних лакун на этноконфессиональной карте Ленинградской области. Успешному завершению проекта предшествовала многолетняя работа по изучению истории освоения территории, гражданской, политической и этнической истории и культуры полиэтничного и поликонфессионального населения северо-западного региона.

Основные этапы и формы реализации Атласа были анонсированы в серии докладов, статей, а также научно-популярных изданий¹.

Еще в процессе подготовительных работ авторы провели мониторинг и анализ современных национальных, региональных и областных историко-этнографических карт и атласов, электронных интернет-порталов, сайтов и различных баз данных. При этом стала очевидна большая востребованность подобной информации в современной гуманитаристике, при осуществлении деятельности общественных национальных и краеведческих организаций и движений, а также органов местной власти. Актуальность подобных междисциплинарных исследований усугубляется активными процессами миграции и глобализации, вызывающими кардинальные и системные изменения в социально-экономической структуре общества. Однако до сих пор изучение направленности и динамики этих процессов, составление сводных атласов с применением методов картографирования носит эпизодический, заказной или узкопрофильный характер. Кроме того был установлен обобщенный характер издавае-

мых профессиональных атласов и отсутствие исследований по изучению целостной этноконфессиональной картины в рамках конкретных регионов.

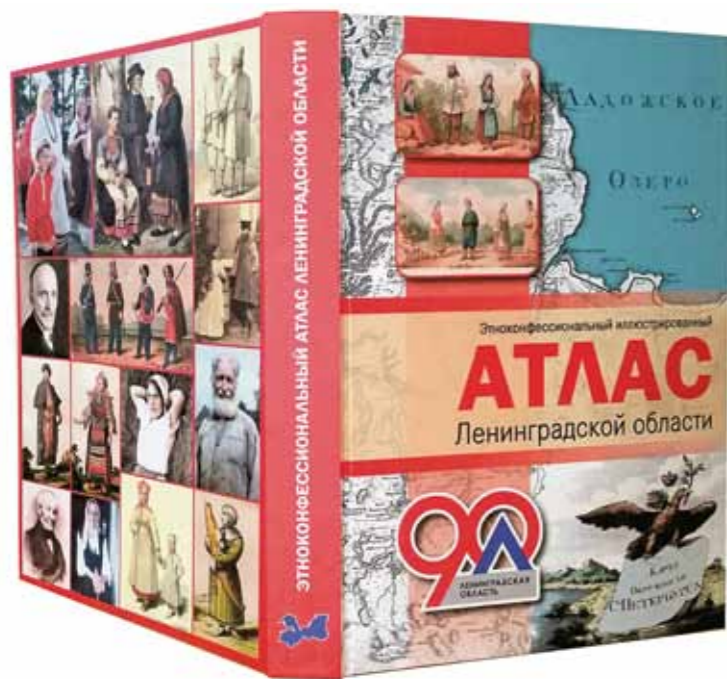
В качестве удачных примеров комплексного изучения этих процессов в конкретных регионах Российской Федерации (РФ) приведу созданные на современном материале «Этнический атлас населения Ставропольского края», «Народы и конфессии Приволжского федерального округа», «Тартарика» и некоторые др.².

Следует подчеркнуть и ряд других важных социально-политических причин, актуализирующих подобные издания. В качестве иллюстрации сошлюсь на то, что в постсоветский период национальные регионы России стали переживать новый виток модернизационных процессов, сопровождающийся стремлением национальной политической элиты к суверенизации, усилению процессов этномобилизации регионов. Появившийся в России опыт конструирования «новых» этнических, религиозных и региональных идентичностей свидетельствует, что не сбываются прогнозы относительного уменьшения роли этнических и профессиональных факторов в связи с процессами глобализации. Напротив, мы являемся свидетелями обратного явления – их возрастающего влияния на современное общество.

Анализ современной национальной и профессиональной ситуации в Ленинградской области (как и в целом в РФ) показал, что на протяжении последних десятилетий XX – начала XXI в. очевидными последствиями геополитических деформаций являются сокращение численности коренного сельского населения, возникновение и формирование новые этнических анклавов и диаспоральных сетей, появление нетипичных религиозных деноминаций, усиление подвижности этноконфессионального состава населения, обозначение миграционных процессов, которые явно и неявно меняют этноконфессиональную ситуацию в регионе.

По завершении работы над грантом 22 января 2015 г. в РЭМ была проведена его презентация³, на которой присутствовало более 150 человек, представляющих широкий круг исследователей из различных вузов, академических учреждений Петербурга, представителей национально-культурных автономий, членов Правительства Ленинградской области и различных СМИ. Открывая презентацию, директор РЭМ В.М. Грусман подчеркнул необходимость издания Атласа и выразил надежду на поддержку этой инициативы как органами власти Ленинградской области, так и институциями города.

Благодаря положительной оценке проделанной работы, ее широкому освещению на телевидении и в газетах издательский дом «Инкери»

Илл. 1. Обложка издания

на основании тендера Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям правительства Ленинградской области получил средства для создания макета Атласа и его публикации к 90-летию Ленинградской области в 2017 г. (илл. 1.).

Таким образом, обновленный авторский коллектив (в него на этом этапе вошли географ Т.Е. Исаченко, религиовед Т.К. Никольская и многие консультанты, имена которых названы во «Введении» к Атласу) получил возможность в течение 2015–2016 гг. доработать структуру и содержание Атласа, написать и отредактировать тексты, создать новые электронные карты, собрать дополнительные биографические материалы о 67 известных деятелях науки и культуры, внесших существенный вклад в изучение края. Используя методики комплексного источниковедения, актуальной регионалистики, исторической географии, этносоциальной истории и этноконфессионального картографирования было предпринято переосмысление собранного материала в целях публикации обобщенного энциклопедического издания. Это первый опыт такого рода в отечественной науке, что было признано коллегами, членами национальных объединений и религиозных сообществ

во время презентации Атласа, состоявшейся в РЭМ 10 ноября 2017 г.

Обозначу исходные положения и главные выводы работы.

Авторы акцентируют внимание на специфических чертах этноконфессиональных процессов в Санкт-Петербургской губернии – Ленинградской области, заданных её пограничным, географическим, административным и этнокультурным статусами. Общеизвестно, что с раннего Средневековья в силу своего исключительного географического положения, территория Приневья формировалась как ключевой форпост на северо-западных рубежах русских земель. Ведущую роль в этом процессе оказывали неоднократные перекраивания государственной границы в результате войн, особенно XVII–XX вв., чем были обусловлены массовые миграции населения. Именно этим объясняется широкий хронологический диапазон и исторический контекст Атласа: материалы отражают историю освоения региона с мезолита до раннего Средневековья, однако, в основном хронологические рамки исследования охватывают XVI – начало XXI в. Именно подобная историческая ретроспекция создает объемную картину этнической истории Ленинградской области как части Северо-Запада РФ, где происходили главные этнополитические процессы не только всего региона, но и страны в целом.

Содержание Атласа иллюстрирует историю политико-административного устройства края, дает объективное представление об этнической и конфессиональной истории как автохтонных прибалтийско-финских народов (вепсов, воль, ижора) и русских, так и переселенцев XVII–XIX вв. (финнов, карел, татар, немцев, эстонцев, латышей и др.) за весь период истории формирования и развития многонациональной Санкт-Петербургской губернии и современной Ленинградской области.

Атлас состоит из «Введения», четырех разделов («История освоения территории», «Политико-административное устройство», «Этническая история», «Конфессиональная история») и «Заключения».

Первый из них – «История освоения территории» – содержит 6 подразделов: «Природные и культурные ландшафты», «Физико-географическое районирование» (автор Г.А. Исаченко), «Культурно-ландшафтное районирование» (автор Т.Е. Исаченко), «История заселения и освоения территории. VII тыс. до н.э. – XVI в.», «Крестьянская, боярская и монастырская колонизация. XII–XVII вв.», «Сакральный ландшафт. XIX – начало XXI в.» (автор Л.В. Королькова). В нем приведены уникальные авторские карты,

большинство из которых созданы и опубликованы впервые (илл. 2).

Второй раздел – «Политико-административное устройство Ленинградской области» – включает 4 подраздела: «Формирование территории Ленинградской области в исторической ретроспективе», «Ингерманландская губерния (1706–1710 гг.) / Санкт-Петербургская губерния (1710–1914 гг.)», «Петроградская губерния (1914–1924 гг.)», «Ленинградская губерния (1924–1927 гг.) и Ленинградская область (с 1927 г.)». В нем опубликованы карты, хранящиеся в библиотеках Санкт-Петербурга (БАН, РНБ), Москвы (РГБ), а также архивах и библиотеках Финляндии, Эстония, Швеции и др., в том числе размещенные в отечественных и зарубежных интернет-ресурсах и тематических сайтах, посвященных истории Северо-Запада. Наряду с каноническими, традиционными картами, хорошо известными по многим публикациям, авторы раздела О.А. Красникова и А.И. Терюков

выбрали редкие, в том числе не публиковавшиеся ранее. Их последовательность и совокупность, как результат комплексного источниковедческого анализа, дают наглядную и достоверную картину формирования территории современной Ленинградской области со времен Великого Новгорода, иллюстрируют наиболее важные этапы административно-политического обустройства региона с XVI в. по настоящее время. Подчеркну, что основные характеристики карт приведены согласно правилам их научной публикации и сопровождаются подробными аннотациями, иллюстрирующими динамику политико-административного ландшафта в контексте времени (илл. 3).

Третий, самый объемный раздел Атласа – «Этническая история Ленинградской области» – состоит из трех основных подразделов: «Этническое картографирование и этническая статистика. XVIII – начало XXI в.» (авторы О.А. Красникова, А.И. Терюков, М.Л. Засецкая,

Илл. 2. Страница подраздела «История заселения и освоения территории. VII тыс. до н.э. – XVI в.»

Илл. 3. Страница второго подраздела «Формирование территории Ленинградской области в исторической ретроспективе»

О.М. Фишман), «Этнический состав населения» (авторы Л.В. Королькова, М.Л. Засецкая, О.М. Фишман, А.И. Терюков) и «Этнокультурный ландшафт. XIX – начало XXI в.» (авторы Л.В. Королькова, О.М. Фишман). Содержание раздела логически и хронологически продолжает предпринятое в первых двух разделах Атласа освещение некоторых вопросов этногенеза автохтонных этносов Ленинградской области. Основная цель раздела – обзор и анализ миграционных, этнодемографических и этнических процессов XIX – начала XXI в., выявление и сопоставление их типов, особенностей и динамики, факторов и форм идентичности в прошлом и настоящем, описание устойчивых общерегиональных черт этнокультурного ландшафта.

В первом подразделе – «Этническое картографирование и этническая статистика. XVIII – начало XXI в.» – обозначены основные вехи истории отечественного картографирования и этнической статистики, воспроизведены первые документальные этнические карты региона, выполнены известные отечественными исследователями прошлого (Ф. Туманский, П.И. Кёппен, А.Ф. Риттих и др.). Интерес представляют материалы 1930-х гг., собранные сотрудниками Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), а также ГЭНИИ, местных краеведческих организаций. Заслуживает внимания та часть этого раздела Атласа, которая подготовлена на основе официально опубликованных и архивных данных переписей, проведенных на территории Российской империи – Советского Союза – Российской Федерации в период с 1850-х по 2012 г. Материалы этих переписей достаточно разнообразны, но авторы использовали их только для показа динамики численности различных народов, обитающих в регионе. В приведенных данных можно обнаружить лакуны, пропуски. Это вызвано тем, что во время проведения переписей, начиная с 1926 г., ряд малочисленных этнических групп попадали в графу «другие народности» и не входили в общий список национальностей. В тех случаях, когда отсутствовали данные для картографирования расселения тех или иных народов, были созданы сводные таблицы, диаграммы и гистограммы, обобщающие значительный объем проанализированных статистических материалов ревизий и переписей населения.

Второй подраздел атласа – «Этнический состав населения» – включает 13 оригинальных электронных карт расселения коренных прибалтийско-финских народов (вепсы, воль, ижора, карелы), включая старожильческих (финны, тихвинские карелы), а также немцев-

колонистов и поздних переселенцев XIX – первых десятилетий XX в.: латышей и литовцев. Всего даны описания этнической истории и культуры 26 народов региона; из поздних мигрантов – это те, численность которых по данным тех или иных переписей достигала 1 тыс. чел. Подраздел включает гистограммы и внушительное количество иллюстраций. В совокупности с материалами первого подраздела Атласа материалы второго последовательно иллюстрируют динамику этнических процессов среди славянских народов: русские, украинцы, белорусы, поляки; прибалтийско-финских, германских (немцы и шведы) и балтских народов, армян, грузин, евреев, молдаван, цыган, финно-угорских народов Поволжья (марийцев, мордвы), тюркских народов (азербайджанцев, башкир, татар, узбеков, чувашей) на протяжении более 150 лет (илл. 4).

Во введении к этому подразделу дана характеристика семи крупных миграционных периодов в регионе, где подчеркнута, что изучение направленности и динамики современных миграционных процессов весьма затруднено в силу разных обстоятельств, в том числе трудности учета. Установлено, что расхождение между официальными данными и экспертными оценками о миграционном приросте населения, реальной численности иммигрантов на территории петербургского региона свидетельствуют, во-первых, об активном развитии нелегальной иммиграции, во-вторых, о явно недостаточном ее контроле государственными органами и силовыми структурами. Это затрудняет фиксацию динамично развивающихся локальных межэтнических и межконфессиональных отношений и мониторинг ситуаций.

Последний, третий подраздел – «Этнокультурный ландшафт. XIX – начало XXI в.» – обозначает основные направления изучения и картографирования прежнего и отчасти современного этнокультурного ландшафта Ленинградской области. Из-за незавершенности формирования системы объектов этнографического картографирования в отечественной науке, недостаточной изученности традиционной культуры народов региона удалось выполнить лишь несколько электронных карт промыслов и ремесел местного населения в XIX – начале XX в. Кардинальные политические и социально-экономические преобразования в России, в том числе депортации местного населения и внешние миграции привели к серьезным трансформациям природно-культурного ландшафта. В результате были утрачены традиционные для разноэтничных анклавов поселенческие структуры, системы расселения и типы поселений (например, финские, эстонские и латышские

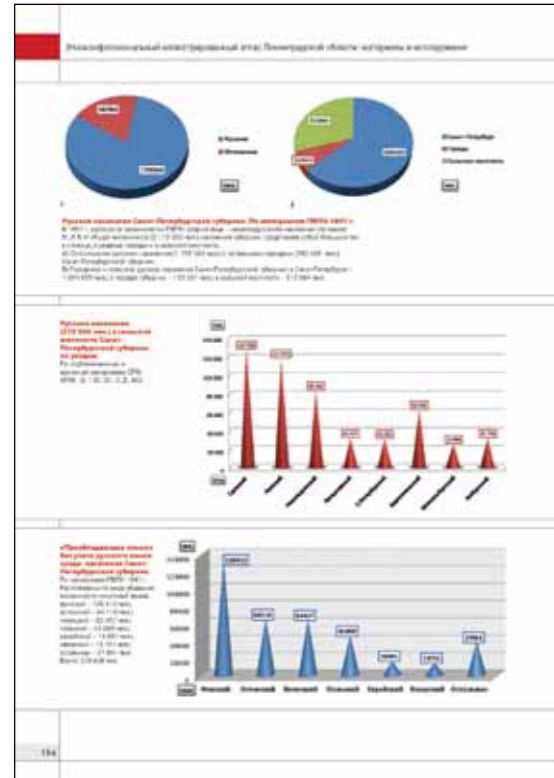
хутора), многие населенные пункты; изменена топонимическая система, что особенно очевидно в Выборгском и Приозерском районах Ленинградской области. В целом эта тематика требует обстоятельного междисциплинарного изучения (илл. 6).

В четвертом разделе – «Конфессиональная история Ленинградской области» (авторы О.М. Фишман, Л.В. Королькова, М.Л. Засецкая, Т.К. Никольская) – в 14 подразделах последовательно освещены темы «Конфессиональный состав населения», «Христианство: Православие, Старообрядчество, Единоверие; Армянская Апостольская церковь; Католицизм; Протестантизм: Лютеранство; Религиозные движения в христианстве (адвентизм, баптизм; пятидесятничество; скакуны, скопцы, чуриковцы); «Ислам»; «Иудаизм»; «Буддизм» и «Современное конфессиональное состояние Ленинградской области». Особенности поликонфессиональной ситуации в регионе обусловлены, во-первых, изначально сложным полиэтничным составом населения, значительными по последствиям миграционными процессами, формированием на границе военно-политического и духовного противостояния западного и восточного христианских миров, шире – западноевропейской и восточноевропейской цивилизаций. Известно, что для коренного прибалтийско-финского населения важным фактором социально-экономического, политического и культурного развития являлось то, что с XIII в. оно происходило в русле становления русской государственности и распространения православия (илл. 7). Однако, например, финское и шведское население Балтийского провинций Шведского королевства, отошедших к России после победы в Северной войне, исповедовали лютеранство (илл. 8). Во-вторых, строительство Санкт-Петербурга, новой столицы государства, в короткий срок превратило округу из окраины Московского царства в столичный регион развивающейся Российской империи. Новый статус обусловил неизбежность появления в Петербургской губернии представителей многих конфессий. В начале XIX в. Санкт-Петербург становится центром Православной, Евангелическо-Лютеранской и Римско-Католической церквей в России, управляемых и контролируемых Святейшим Синодом и Генеральной Консistorией, Министерством Внутренних дел или самим государем-императором. По мере переселения значительных по численности иноконфессиональных сообществ в регионе обосновались мусульмане, иудеи и представители других религий. В 1990-е гг. этому процессу в определенной степени способствовала активная миссионерская деятельность различных инославных конфессий и новых религиозных

сект. Радикальные изменения в религиозной ситуации привели к появлению нетипичных для нее деноминаций, возросла в целом подвижность религиозного состава населения. Установление численности некоторых религиозных организаций затруднено отсутствием достоверной информации. Прежде всего, в связи с тем, что современные переписи населения не учитывают религиозный состав населения, эти сведения поступают непосредственно из религиозных организаций. В связи с этим количество верующих той или иной из них можно определить лишь приблизительно.

Благодаря проведенному исследованию удалось впервые картографировать памятники Русской православной церкви (РПЦ) на территории современной Ленинградской области по храмонаименованиям (XIX – начало XXI в.), обозначив предпочтительные для различных приходов те или иные Господские и Богородичные храмы и часовни с XVIII в. В результате выявлена специфическая локальная сеть, свидетельствующая о путях крестьянской и монастырской колонизации, местах концентрации храмов и особо почитаемых святых (см. списки в тексте и «Справочные материалы» на DVD). Наряду с этим полностью восстановлена история местного старообрядчества, основные этапы сложения местных мусульманских и иудейских общин. Впервые картографированы сведения об этноконфессиональных общинах Евангелическо-Лютеранской церкви (ЕЛЦ). Полевые исследования и официальные источники начала XXI в. документируют и описывают современную конфессиональную ситуацию в Ленинградской области, ее неоднозначные и динамичные процессы, лишь отчасти характерные и для других регионов РФ. Об этом свидетельствует итоговая карта «Современные религиозные организации Ленинградской области. 2016 г.» (авторы М.А. Докучаева, М.Л. Засецкая, В.Ю. Макарова), в которой учтены сведения реестра Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Правительства Ленинградской области (илл. 9).

Атлас содержит обширный картографический (более 100 исторических карт) и статистический материал, выявленный в архивах, библиотеках и музеях Санкт-Петербурга, Ленинградской области и зарубежных стран, оригинальные авторские карты, выполненные в ГИС-технологии (67), пояснительные и аналитические тексты, справочные материалы, комментарии и иллюстрации (более 1000). Издание завершают объемные «Справочные материалы», представляющие собой выверенные списки картографированных объектов и явлений, отраженные на опубликованных электронных

Илл. 4, 5. Страницы третьего раздела «Этнический состав населения»

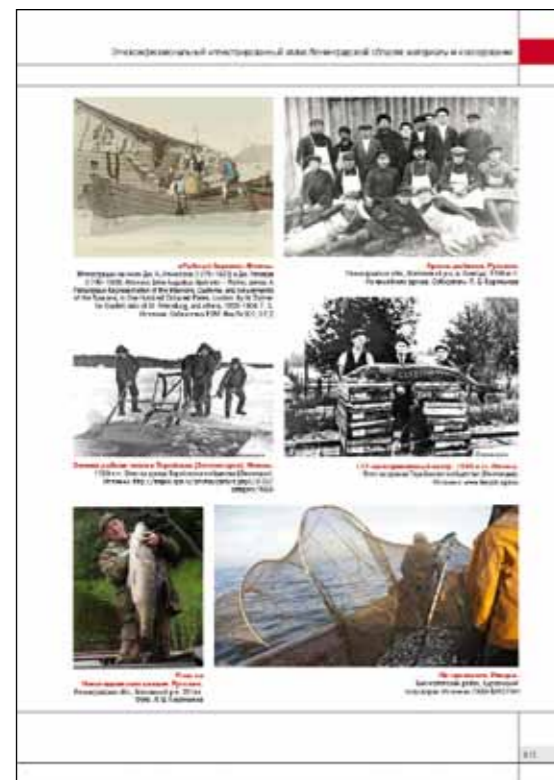

картах. В списке литературы заинтересованный читатель найдет ссылки на значительный объем публикаций, структурированных в соответствии с разделами Атласа.

В процессе работы были уточнены основные методические принципы этноконфессионального картографирования. Программное обеспечение Arc View 10 позволило создать различные типы карт на единой электронной картографической основе. Все они составлялись в административных границах современной Ленинградской области. При необходимости проводился отбор информации, относящейся к различным историческим периодам, в границах современной Ленинградской области и ее административных районов; учитывалось, что некоторые районы Ленинградской области входили в состав Выборгской, Новгородской и Олонецкой губерний, а также различных Епархий РПЦ, структур РКЦ, ЕЛЦ. Для картографического изображения и генерализации карт Атласа были использованы методы надписей, заливок, динамических ареалов, качественного фона и локализованных значков. За единицу картографирования был избран населенный пункт. Электронные карты и списки расселения и численности прибалтийско-финских и балтских народов записаны на DVD.

Илл. 8. Страница четвертого раздела «Конфессиональная история Ленинградской области»

Илл. 9. Карта из четвертого раздела «Современные религиозные организации Ленинградской области»

Илл. 6. Страница третьего подраздела «Этнокультурный ландшафт. XIX – начало XXI в.»

Илл. 7. Страница четвертого раздела «Конфессиональная история Ленинградской области»

В «Заключении» Атласа отмечено, что опубликованные результаты не являются исчерпывающими или окончательными, но они отражают итог современных знаний по этноконфессиональной истории Ленинградской области, дают обобщенные базовые сведения об этническом и религиозном составе его населения, истории формирования, без знания которых невозможны мониторинг и прогнозирование

межнациональных и межконфессиональных отношений, путей этнодемографического и этноконфессионального развития региона. Приведены выдержки из документа «Стратегия реализации государственной национальной политики в Ленинградской области», в основе которой лежит «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.».

¹ Перечислю некоторые из них. Фишман О.М. Проект «Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области: материалы и исследования»: Итоги первого этапа работы // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–3. 6-е междунар. Шегреновские чтения: Сб. ст. и тез. док. – СПб.: Европейский Дом, 2014. – С. 90–101; Она же. Проект атласа «Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий» // Этномузыкология: история формирования научно-образовательных центров, методы и результаты ареальных исследований: Мат-лы междунар. науч. конф. 2011–2012 годов. – СПб.: Скифия-принт, 2014. – С. 542–562; Красникова О.А. Санкт-Петербург и губерния на «Одноверстках» XIX в.: к истории переименования населенных пунктов // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–3. 6-е междунар. Шегреновские чтения: Сб. ст. и тез. док. – СПб.: Европейский Дом, 2014. – С. 102–112; Терюков А.И. Современное конфессиональное состояние Ленинградской области // Там же. – С. 295–300; Исаченко Г.А. Реальные и виртуальные ландшафты Российско-Финляндского пограничья в начале XXI в. (Карельский перешеек) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–2. 5-е Шегреновские чтения: Сб. статей. – СПб.: Европейский Дом, 2012. – С. 37–46; Он же. Сакральные ландшафты Карельского перешейка за последние 100 лет // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–3. 6-е междунар. Шегреновские чтения: Сб. ст. и тез. док. – СПб.: Европейский Дом, 2014. – С. 17–26; Королькова Л.В. Старообрядцы Новолодожского, Тихвинского, Лодейнопольского уездов в первой половине XIX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–2. 5-е Шегреновские чтения: Сб. ст. – СПб.: Европейский Дом, 2012. – С. 191–215; Она же. Православные церкви и часовни на территории расселения оятских, капшинских, шимозерских и южных вепсов // Православие в вепском крае: Мат-лы. науч. конф., посв. 450-летию Благовещенского Ионо-Яшезерского мужского монастыря. – Петрозаводск. 2013. – С. 119–129; Она же. Каменная крестьянская архитектура на

территории Ленинградской области (По материалам полевых исследований) 2009–2013 гг. // Музей. Традиции. Этничность. – СПб., 2013. – С. 126–135; Она же. Ареал расселения и динамика численности старообрядцев и сектантов на Северо-Западе России. 1897–1917 гг. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–3. 6-е междунар. Шегреновские чтения: Сб. ст. и тез. док. – СПб., 2014. – С. 176–188; Она же. История старообрядчества Ленинградской области XX в. // Старообрядчество. История, культура, современность: Мат-лы XI междунар. конф. – М., 2014. – С. 270–281; Она же. Традиционная культура русского населения Ленинградской области. Совм. с Т.А. Зиминной. – СПб.: Инкери, 2015. – 352 с.; Она же. Культные памятники Северо-Запада России в собрании отдела фотографии Российского этнографического музея // Рубежи памяти: груз прошлого на весах современности: Сб. ст. по мат-му междунар. науч. конф. – СПб.: РХГА, 2016. – С. 244–253; Засецкая М.Л. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. – источник по демографической и социокультурной истории «петербургской группы» эстонцев-переселенцев // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. 7-е междунар. Шегреновские чтения: Сб. ст. – СПб.: Европейский Дом, 2016. – С. 19–29.

² Тартарика. Этнография [атлас] / Науч. ред. Р. Хакимов. – Казань: Феория; М.: Издательско-продюсерский центр «Дизайн», 2008. – 863 с.; Шутова Н.И., Капитонов В.И. Кириллова Л.Е. Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. – Ижевск, 2009. – 244 с.; Белозеров А.А., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. – Ставрополь: ФОК-Юг, 2014. – 304 с.; Народы и конфессии Приволжского федерального округа: Справочник / Отв. ред. В.Ю. Зорин. – М.: ИФЭМ, 2002. – 544 с.

³ См. сайт РЭМ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

УДК 392.34

Комплектование фондов отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья в современных условиях

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА КОЛЧИНА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья
e-mail: kolchina-e@mail.ru

ЛЮБОВЬ ИГОРЕВНА МИШУРИНСКАЯ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Научный сотрудник отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья
rem-volga@mail.ru

В статье рассматриваются задачи комплектования фондов отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Российского этнографического музея в условиях «истощения» этнографического поля в Волго-Уральском регионе в конце XX – начале XXI в. Выявляются три уровня рассмотрения вещевых музейных памятников: предметы, обладающие отчетливо выраженной этнической спецификой, общерегиональными признаками; экспонаты, маркирующие бытовые особенности конкретного исторического периода.

Ключевые слова: музейный предмет, Волго-Уральский регион, этническая специфика, региональные особенности.

UDC 392.34

Handling and Augmenting the Stocks of the Department of the Peoples of the Volga-Ural Region in the Present-Day Conditions

ELENA V. KOLCHINA

The Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg
Head, Department of the Volga Region and Urals Ethnography
e-mail: kolchina-e@mail.ru

LIUBOV I. MISHURINSKAIA

The Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg
Researcher, Department of the Volga Region and Urals Ethnography
rem-volga@mail.ru

The article deals with the tasks and steps taken by the Department of the Ethnography of the Volga and Ural peoples to replenish its collections under the conditions of “field exhaustion” in the late 20th and early 21st centuries. Three classes of material monuments were distinguished: objects displaying evident local ethnographic peculiarities; those ethnologically typical of the entire region and monuments with typical marks of a certain historical period.

Key words: museum item, the Volga-Ural region, ethnic specificity, regional peculiarities.

Разработка методических рекомендаций по комплектованию фондов музея напрямую зависит от решения вопросов общего плана: что, где и сколько приобретать. Однако стратегия экспедиционно-собирательской деятельности каждого научного отдела Российского этнографического музея (РЭМ) имеет свою специфику, определяемую этнокультурными особенностями конкретного региона. Характерной особенностью Волго-Уральского региона всегда являлся полиэтничный состав населения. Значительную часть населения составляют русские, тюркоязычные народы – татары, башкиры, чуваша, бесермяне; а также потомки финно-угорских племен – марийцы, мордва, удмурты, коми-пермяки и коми-зыряне. На территории Поволжья и Приуралья проживают представители различных конфессий, преимущественно православия и ислама, а также приверженцы традиционных верований.

К настоящему времени экспонаты фондов отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья представляют собой полноценную источниковую базу, материалы которой в значительной степени обобщены и систематизированы. Тем не менее и в настоящее время экспедиционно-собирательское направление является одним из приоритетных в деятельности отдела. Это обусловлено потребностями музея в постоянном пополнении его собрания как памятниками традиционной культуры, так и экспонатами, отражающими современную этническую специфику. Вместе с тем ситуация, когда приобретали множество однотипных предметов, как это было в начале XX в., когда происходило активное формирование фонда Этнографического отдела Русского музея (ЭО РМ), осталась в прошлом, поскольку, во-первых, это не оправдано исследовательскими целями, во-вторых, на сегодняшний день это уже и невозможно в связи с неизбежным «истощением» этнографического поля.

Начиная с момента создания ЭО РМ и по сей день не утихают споры по поводу того, какой предмет следует считать соответствующим профилю музея. Российская музейная энциклопедия определяет музейный предмет как «движимый объект культурного и природного наследия, первоисточник знаний и эмоций, изъятый из среды бытования или музеефицированный вместе с фрагментом среды и включенный в собрание музейное. Обладает значимым для социума информационным потенциалом, музейной ценностью, которая складывается из научной, исторической, мемориальной, художественной ценности, и свойствами музейного предмета»¹.

Для РЭМ каждый предмет музейного интереса – обладает специфической информацией (этнической, региональной), а также «универсальной» – культурно-исторической. Таким образом, в сферу интересов исследователя-собираателя музейных коллекций попадают предметы, которые располагают данной информацией. Специалист должен обладать соответствующей профессиональной подготовкой, чтобы суметь сделать необходимый отбор, рассматривая предмет в соответствии с предлагаемой ниже трехуровневой системой.

Первый уровень – предметы, обладающие ярко выраженной этнической спецификой. Это артефакты, изготовленные носителями этнокультурной традиции для внутреннего использования. Сфера их бытования ограничивается этнической территорией, в более узком преломлении – территорией локализации этнографической (этнотерриториальной, этноконфессиональной) группы. Для Волго-Уральского региона это, прежде всего, элементы традиционного костюма (в первую очередь, изготовленные не позднее первой четверти XX в.), декорированные предметы утвари, атрибуты культов.

Второй уровень – предметы, имеющие более широкое поле распространения, выходящее за рамки этнических границ, однако с ограничением на уровне региональной и конфессиональной специфики. Это могут быть детали костюма (изготовленные примерно в 1940–1960-е гг.), некоторые элементы утвари, орудия труда и проч.

Третий уровень – предметы историко-бытового свойства, выступающие маркерами определенного исторического периода. Как правило, это могут быть изделия утилитарного назначения, изготовленные кустарным, мануфактурным или фабричным способом, имеющие определенные рынки сбыта (и, соответственно, своего потребителя) в пределах, не ограниченных этническими или региональными рамками.

Вероятно, предметы первого и второго уровней могут претендовать на включение в основной фонд, а третьего – в научно-вспомогательный.

Возможно, было бы оправданным выделение четвертого уровня: религиозные атрибуты промышленного производства, широкое распространение которых не имеет ограничения ни на этническом, ни на региональном уровнях.

Данный подход отчасти соотносим с теорией культурных кругов Фрица Гребнера (Kulturkreislehre), выработанной в немецкой этнологии, в основу которой положена концепция выделения определенных территорий, ограниченных присущими им комплексами

культурных признаков. Согласно Лео Фробениусу, одному из авторов диффузионистской теории, который и ввел в научный оборот понятие «культурный круг», специфику культуры определяет набор свойственных ей элементов (в первую очередь материальных), бытовавших в ограниченном ареале².

Очевидно, что для пополнения фондов музея наиболее предпочтительными являются предметы первого уровня. Однако конкретные задачи музейной работы зачастую диктуют необходимость приобретения определенных памятников, относящихся ко второму и третьему уровням. Исследователь должен четко понимать свои намерения, поскольку существует вероятность столкнуться с проблемами атрибуции экспонатов (в особенности в полевых условиях), в частности, когда речь идет о культовых предметах – атрибутах православия или ислама, производимых промышленным способом. Известно, что на протяжении длительного исторического периода из Турции в разные регионы России (ранее и Российской империи), где компактно проживали народы, исповедующие ислам, поступали предметы культового назначения – шамаили, четки, подставки для Корана и проч. Бытуя длительное время в культуре татар (Крыма, Волго-Уральского региона, Сибири), подобные изделия, безусловно, стали восприниматься как «свои». Однако их широкое распространение, учитывая имеющиеся рынки сбыта, выходит за этнические и региональные границы. Таким образом, для мусульман, например, в Азербайджане или Турции, в Поволжье или в Крыму религиозные атрибуты, массово производимые промышленным способом (в том числе в Турции, Индии и в Китае), воспринимаются как часть собственной культуры. Подобные изделия продаются в магазинах при мечетях, в сувенирных лавках, на выездных ярмарках в сельской местности. В частности, к ним относятся мужские головные уборы, вязанные крючком из хлопчатобумажных нитей, которые надевают мужчины преимущественно молодого возраста для посещения мечети, а некоторые носят их постоянно³. В собрание РЭМ включены предметы такого рода, приобретенные в ходе экспедиций в Татарстан, Республику Марий Эл и Нижегородскую обл. РФ в 2005–2006 гг. (например, колл. 12291-21-23, 26-30 – намазлык, настенные изречения, четки, тумары, амулеты; колл. 12291-31, 32, 35, 36, 37/1, 2, 38, 39, 40 – чаша для омовений, обувь для молений, головные уборы, платье, жилет). Однако исследователь должен рассматривать данные предметы в более широком культурном контексте и ставить во главу

угла, прежде всего, культурно-исторический аспект, несмотря на бытование предмета в конкретной этнической среде. Совершенно очевидно, что вне зоны бытования этническая привязка утрачивается, уступая место более широким контекстным соотношениям.

Сходные вопросы возникают и в ходе приобретения православных церковных атрибутов – икон, лампадок. Крайне редко в фонды музея поступают, например, иконы «местного письма». В фондах отдела подобный экспонат имеется в единственном экземпляре (колл. 12789-2) – это икона «Святые Зосим и Савватий» работы местного мастера дер. Верхние Алнаши Алнашского р-на Республики Удмуртия (конец XIX – начало XX в.). В настоящее время чаще всего в сельской среде (как и во второй половине XX в.) бытуют иконы и церковная утварь, созданные в крупных центрах производства предметов церковного обихода, например, в мастерских предприятия «Софрино» Московской обл.

Аналогичная ситуация складывается при встрече исследователя с предметами массового спроса мануфактурного или фабричного производства, которые, попадая в народную культуру, успешно там адаптируются и со временем приобретают статус этнического артефакта. Этот процесс неизбежен в условиях глобализации. Еще в начале XX в. можно было наблюдать, как происходило постепенное стирание не только этнических, но и региональных границ вместе с проникновением в разные этнокультурные среды схем для вышивания в «русском/народном стиле», которые распространялись вместе с продукцией фирмы Брокер или товарищества «Ралле и К°».

В свете формирования новой концепции комплектования фондов РЭМ следует более критично подходить к отбору потенциальных экспонатов. Не следует «размывать» границы этнографического предмета, поскольку в противном случае крупнейший этнографический музей может уподобиться музею краеведческому. Экспонаты историко-бытового характера необходимы, однако только в качестве вспомогательного материала, позволяющего воссоздать исторический контекст бытования этнически специфических культурных явлений, например, в ходе строительства выставок. В таких случаях этническая идентичность конструируется в соответствии с идеей авторов проекта и задуманной культурно-исторической проекцией. Один из основных способов презентации материала в выставочной работе РЭМ – это создание обстановочных сцен. Для организации выставочного пространства, «имитирующего жизнь», необходимы не только вещи с ярко выраженной

этнической спецификой, но и универсальные историко-бытовые предметы – мебель, утварь, элементы интерьера, а также муляжи и реплики экспонатов.

В качестве примера можно привести способ создания обстановочных сцен в рамках выставки «Мир татарской культуры» (РЭМ, март–июнь 2017). Например, в сцене «Лавка казанского торговца конца XIX – начала XX в.» были использованы:

- предметы первого уровня с ярко выраженной этнической спецификой (казанские татары): традиционный костюм, отдельные его детали: узорная обувь, вышитые головные уборы;

- предметы второго уровня с выраженной региональной спецификой (народы Волго-Уральского региона): 1-я подгруппа – татары региона: шамайль, утварь, предметы костюма; 2-я подгруппа – финно-угорские и тюркские народы региона: утварь, мебель;

- предметы третьего уровня – историко-бытовые предметы (русские, народы Средней Азии): мебель, утварь, образцы ткани, атрибуты культа и проч.

В выбранном ракурсе демонстрируются предметы, обладающие внятной этнической спецификой, помещенные в конкретный культурно-исторический контекст. Тем самым авторы выставки не просто представили типаж – манекены с этнографическим костюмом, а попытались передать своеобразный нарратив о народной жизни⁴.

Таким образом, в процессе комплектования фондов проявляется и одна из основных тенденций в отборе предметов, которая определена потребностями приобретения экспонатов для решения конкретных задач музея, в частности, экспозиционно-выставочных.

Динамика развития современного информационного пространства требует постоянного поиска и внедрения новых путей и форм работы по изучению и популяризации этнокультурного наследия. Это приводит к модернизации уже существующих направлений музейной деятельности. В последние годы сбор полевого материала ведется с учетом возможности активного его использования, в том числе и в научно-методической работе. В рамках ежегодных стажировок РЭМ неизменный интерес вызывают лекции, сопровождаемые практическими занятиями по различным видам домашних ремесел и женского рукоделия: вышивке, ткачеству, лоскутному шитью и проч. Занятия по овладению традиционными технологиями проводятся на основе образцов из фондов РЭМ. Для подготовки и проведения мастер-классов сотрудники музея в полевых условиях зачастую приобре-

тают вещи, представляющие интерес именно с этой точки зрения: заготовки для создания различных изделий (из дерева, ткани, кожи), материалы (например, нити растительного и животного происхождения) и сырье.

Однако в каждом случае, как уже отмечалось выше, степень необходимости приобретаемых предметов определяется нуждами отдела и фиксируется в плане комплектования фондов.

Например, отдел Поволжья и Приуралья в своих планах комплектования ориентируется на предметы, которые не представлены в собрании отдела, а потребность в них крайне велика (например, подставка для Корана, посох муллы, атрибуты православия, отдельные предметы утвари).

Не вызывает сомнения необходимость приобретения артефактов, изготовленных до середины XX в., которые необходимы для заполнения лакун в собрании музея, прежде всего относящихся к культуре этнографических групп, не охваченных или слабо исследованных собирателями прошлых лет.

В ограниченных количествах следует приобретать памятники 1940–1980-х гг. – последнего периода сохранения преемственности в этнической традиции для большинства народов региона. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что данный временной срез довольно ярко демонстрирует процессы универсализации, затронувшие, в частности, народный костюм, когда на смену архаичному крою, материалам домашнего производства и богатому декору приходят новые фасоны, материалы и технологии. В этой связи наблюдается трансформация смыслов: традиционный костюм, созданный в начале – первой четверти XX в. и ранее и обладающий ярко выраженной этнической спецификой, будет, несомненно, относиться к группе памятников первого уровня, а детали народной одежды, изготовленные в более поздний период, когда заметной становится унификация костюмного оплекса в региональном масштабе, неизбежно опускаются на второй уровень. Например, основа женского костюма, бытовавшего примерно с середины XX в. в разных этнических средах (у удмуртов, мордвы, марийцев, чувашей) практически идентична и представляет собой платье-рубашку, передник из хлопчатобумажных тканей (ситца, сатина), платок фабричного производства. Нюансы кроя (оформление рукава, наличие или отсутствие оборок, зацепов и проч.) зачастую не влияют на визуальное восприятие костюма в целом, поэтому при создании костюмного комплекса возможна взаимозаменяемость ряда экспонатов, относящихся к разным этническим традициям.

Следует заметить, что существует определенный пласт экспонатов – элементов традиционного костюма и более раннего периода, имеющих выраженное региональное распространение: валянные из шерсти головные уборы и обувь (валенки) кустарного производства, пояса монастырского изготовления, фабричные шали и проч. (отчасти это было отмечено выше).

Рассматривая необходимость приобретения предметов третьего уровня (памятников историко-бытового характера, муляжей, реплик экспонатов) следует особенно четко представлять их востребованность в недалекой перспективе в конкретном виде музейной работы (как правило, экспозиционно-выставочной).

Вопрос о пополнении фондов музея предметами художественных промыслов, сувенирной продукции должен решаться, исходя из тех же критериев отбора, которые применимы к утилитарным этнографическим вещам, а именно: какова степень информативности изделия с позиции этнического, регионального, историко-бытового подходов, а также насколько широко представлены подобные предметы в музее. Для характеристики промысла как явления художественной культуры определенной этнической общности или региона достаточно нескольких наиболее ярких образцов. Приобретение сувенирной продукции должно иметь весьма серьезные обоснования, поскольку туристическая индустрия зачастую не имеет ничего общего с этнической традицией.

Следует обратить внимание на тот факт, что в последние десятилетия при планировании экспедиционных поездок в Среднее Поволжье и Приуралье происходила корректировка традиционных маршрутов. Известно, что исторически Волго-Уральский регион представляет собой зону, где границы административные и этнические существенно разнятся и многочисленные локальные этнографические группы расселены на разных территориях за пределами основного этнического массива. Однако, если еще во второй половине XX в. целесообразность сплошного обследования населения автономных республик с целью существенного пополнения фондов музея была оправдана, то в последние годы серьезную конкуренцию в экспедиционно-сборительской работе сотрудникам РЭМ составляют специалисты республиканских музеев, а также частные коллекционеры, активизировавшиеся с конца 1990-х гг.

В связи с этим возникает необходимость обратить более серьезное внимание на зоны контактного проживания этносов в различных областях Российской Федерации. С начала 2000-х гг. сотрудники отдела (Л.М. Лойко,

Л.И. Мишурина, О.В. Мишурина) выезжали в Нижегородскую область, в районы контактного проживания финно-угорского и тюркского населения, и в своих отчетах сообщали о целесообразности подобных экспедиций. В 2017 г. была предпринята успешная поездка А.А. Чувьорова в Тюменскую область. В долгосрочной перспективе сотрудники отдела планируют экспедиционные выезды в Архангельскую, Пензенскую, Рязанскую, Костромскую, Самарскую области.

Однако даже экспедиционно-исследовательская работа на не обследованных ранее территориях не подразумевает гарантированного приобретения экспонатов. Следует заметить, что еще в 2004–2005 гг. практически в каждом втором населенном пункте на экспедиционном маршруте можно было найти предметы, пригодные для пополнения фондов РЭМ⁵. Однако уже тогда вещи, созданные в конце XIX – первой половине XX в., составляли не более трети полевого привоза. После 2010 г. приобретение потенциальных экспонатов для музея, в особенности относящихся ко времени активного функционирования традиционной культуры, становится все более проблематичным: зачастую старые вещи или уничтожаются за ненадобностью, или хранятся в семьях как реликвии. Во время экспедиции в Нижегородскую область в 2011 г. экспонаты (главным образом, предметы второго уровня) удалось приобрести лишь в 4-х из 15-ти обследованных населенных пунктов. Из 43 предметов только 11 датируются концом XIX – началом XX в., и только 6 из них имеют ярко выраженную этническую специфику.

Неизбежное сужение вещевого этнографического поля заставляет обратить внимание на альтернативные источники пополнения музейного собрания, например, расположенные непосредственно в регионах магазины по продаже предметов старины. В частности, в антикварном магазине г. Казани можно было в 2010 г. приобрести детали традиционных костюмных комплексов, украшения, утварь, орудия труда, бытовавшие в Казанской губернии в конце XIX – первой половине XX в. Некоторые из подобных предметов, например, женская безрукавка-камзол начала XX в. (казанские татары), присутствуют в фондах музея в единичных экземплярах, приобрести их в ходе экспедиционных поездок не удавалось на протяжении нескольких десятков лет. Таким образом, для ликвидации лакун в целях пополнения музейного собрания было бы оправдано и целесообразно приобретение вещей в антикварных магазинах.

Не стоит пренебрегать интернет-аукционами (например, «Мешок.ру»), которые предла-

гают не только аукционные торги, но и прямые продажи.

В настоящее время представляется более актуальной практика приобретения, например, одного ценного антикварного предмета конца XIX в., чем большого количества однотипных рубашек 1970-х годов, выполненных под влиянием портних из местных Домов быта или печатных руководств по кройке и шитью, и т.п. Несмотря на то, что зачастую антикварный товар имеет слабую легенду, подобные предметы, безусловно, желанны для пополнения фондов, а атрибуция подобных памятников может быть произведена специалистами-экспертами в соответствии с музейными аналогами.

Вопрос о количестве приобретаемых экспонатов для пополнения музейного собрания отнюдь не праздный, поскольку практически каждый региональный фонд отягощен весьма крупными коллекциями, которые полностью никогда не использовались (да и вряд ли будут использоваться) – например, сотни головных уборов или образцов ткачества и вышивки. Между тем процессы естественного старения материалов диктуют свои правила, поэтому сохранение имеющегося фонда становится все более насущной задачей. В 2011 г. Международным центром по изучению сохранения и реставрации культурных ценностей отмечалось, что «примерно 60% всех мировых коллекций в хранении являются недоступными и стремительно разрушаются»⁶.

Нет нужды ежегодно привозить однотипные предметы лишь потому, что они «еще остались». В особенности это касается предметов из «капризных» материалов – шерсти, шелка, глины. В подобных случаях требуется оценить возможности музея по обеспечению консервации памятников, а также сложность и стоимость реставрации. Современные материалы, из которых изготовлены изделия, к сожалению, не гарантируют длительной сохранности памятника. В качестве примера можно привести поролон (эластичный пенополиуретан), присутствующий в изделиях, приобретенных музеем в 1970-е гг. Спустя примерно 40 лет этот материал начал активно разлагаться.

Следует учитывать тот факт, что хранящиеся в музее экспонаты ранних коллекций неотвратимо ветшают и нуждаются в замене. Исходя из сказанного, становится очевидной необходимость создания копий музейных экспонатов.

В первую очередь (для отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья) это касается изделий из шелка, в частности, традиционных татарских платьев-рубашек. В качестве первого опыта силами сотрудников отдела реставрации была изготовлена копия женского платья (колл. НВ 13790), которая успешно использовалась в выставочной деятельности. В связи с этим стоит обратить внимание и на ателье, которые ориентированы на изготовление национальных костюмов (например, «Луиза» в г. Казани).

В настоящее время на первый план выдвигается задача сохранения уже имеющихся в музее экспонатов. Ее осуществление возможно в случае разработки на музейном уровне целевой программы по созданию реплик наиболее востребованных в выставочной работе экспонатов.

Представляется рациональным создание единой информационной базы экспонатов историко-бытового назначения: это могут быть орудия сельского хозяйства, типичные для определенных зон (например, Европейской России, Среднего Поволжья и проч.), типовые изделия культового назначения, мебель и др.

Таким образом, основными стратегическими направлениями комплектования фондов отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья можно назвать следующие. Во-первых, перенос экспедиционных маршрутов в районы дисперсного расселения этносов за пределы данного региона, где вещевой материал еще сохраняется. Однако поездки в национальные республики также необходимы, поскольку дают возможность оценить динамику этносоциальных процессов, происходящих на местах. Во-вторых, актуальным представляется поиск новых источников пополнения фондов, к которым относятся антикварные магазины, интернет-аукционы. В-третьих, приобретение экспонатов должно способствовать решению конкретных задач экспозиционно-выставочного и музейно-методического направлений деятельности музея.

Задача по выработке концепции комплектования должна быть сведена к внятным методическим рекомендациям, с которыми сотрудники знакомятся во время подготовки экспедиции.

¹ Словарь музейных терминов. Российская музейная энциклопедия *<http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp> 20.09.2017.

² Энциклопедия <http://knowledge.su> 03.08.2017.

³ См., например, Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 157. РЭМ. Колл. 12184-5-7; Мишурина Л.И. Татарский тубэтэй – эволюция образа // *Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии*. Мат-лы межд. научн. конф. – СПб., 2005. – С. 265–269.

⁴ Вишленкова Е.А. Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // *Социологическое обозрение* – Т. 6. – № 3. – 2007. – С. 77, 78.

⁵ Экспедиция Л.М. Лойко, Л.И. Мишуриной, О.В. Мишуриной (2004, 2005) проводилась по Всероссийской программе «Культурное наследие народов России» совместно с Государственным центром сбора, хранения, изучения и пропаганды татарского фольклора (г. Казань) и историческим факультетом Казанского государственного университета; экспедиции Л.И. Мишуриной, О.В. Мишуриной (2006, 2011) совместно с историческим факультетом Нижегородского университета: Колл. 12 181 Нижнекамский р-н, Республика Татарстан (кряшены). Содержание: мужская и женская одежда, текстиль интерьерный – № 10,

ед. хр. 10; Колл. 12 182 Арский р-н, Республика Татарстан (казанские татары). Содержание: мужская и женская одежда, текстиль интерьерный, культовые предметы – № 17, ед. хр. 17; Колл. 12 183 Параньгинский р-н, Республика Марий Эл (татары-мишари). Содержание: мужская и женская одежда, текстиль интерьерный, культовые предметы – № 13, ед. хр. 13; Колл. 12 184 г. Арск, Республика Татарстан (казанские татары). Содержание: изделия арского комбината народных промыслов – обувь, головные уборы – № 10, ед. хр. 11; Колл. 12291 Российская Федерация, Нижегородская обл., Сергачский и Красноябрьский р-ны (татары-мишари). Содержание: одежда, украшения, утварь, орудия для вязания, убранство интерьера, атрибуты свадебного культа. – № 14 ед. хр. 15; Колл. 12301. Российская Федерация, Нижегородская обл., Пильнинский р-н (мордва-эрзя). Содержание: инструменты для прядения, утварь, предметы похоронной обрядности. – № 14, ед. хр. 16; Колл. 12399. Российская Федерация, Нижегородская обл., Пильнинский и Сеченовский р-ны (татары-мишари). Содержание: орудия земледелия, утварь, одежда, убранство интерьера – №10, ед. хр. 10.

⁶ См. например: Шолла Т.С. Вечность здесь больше не живет. – Тула, 2013.

Особенности собирательской полевой работы музея среди русского сельского населения

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ЗИМИНА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Научный сотрудник отдела этнографии русского народа
e-mail: ziminat@mail.ru

В статье рассмотрены особенности полевой работы Российского этнографического музея в ходе экспедиций последнего десятилетия на разных территориях расселения русского народа, в основном в северных и северо-западных регионах страны. Эти особенности присущи таким этапам экспедиционной работы как выявление и отбор, приобретение и доставка экспонатов. В частности, уделяется внимание местонахождению предметов этнографического быта в пространстве современной русской деревни. Статья основана на личном опыте автора, полученном в экспедициях 2007–2017 гг.

Ключевые слова: собирательская полевая деятельность, комплектование фондов, этнографическая экспедиция, музейный предмет, этнографический предмет, предмет традиционного быта, потенциальный экспонат.

UDC 392.34

Specific Features of Field Collecting Work Among the Russian Rural Population

TATIANA A. ZIMINA

Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg
Researcher, Department of the Ethnography of the Russian People
e-mail: ziminat@mail.ru

The article deals with peculiarities of individual collecting work on expeditions sent in the last decade to different localities inhabited by the Russians, mainly in the north and north-west of the country. The peculiarities relate to locating and selecting monuments, purchasing and transporting them. Particular attention is paid to where everyday ethnographic objects are found within the traditional space of the present-day Russian village. The article is based on the writer's own experience, received during expeditions 2007–2017.

Key words: field collecting work, replenishing museum stocks, ethnographic expedition, museum item, ethnographic object, traditional everyday life object, potential exhibit.

В этнографическом поле сегодня наблюдаются лишь остатки традиционной материальной культуры русского народа. Они являют собой предметы разного уровня сохранности, назначения, времени изготовления, материала, формы и способов обработки, информативности, комплексности, а, следовательно, и музейной значимости. Но сбор и фиксация предметов традиционной культуры во время экспедиций

продолжает оставаться одной из наиболее важных форм комплектования музейного собрания.

Основная задача собирательской работы – представить традиционную культуру той или иной территории как часть общерусской и региональной традиции, обладающей специфическими особенностями в разные периоды ее существования. Конечно, в настоящее время, как правило, перед нами уже не стоит глобаль-

ная проблема создания репрезентативной этнографической коллекции, скорее, речь идет о ее качественном пополнении. Базовой основой современного комплектования является, несомненно, уже имеющийся фондовый материал. В качестве методической помощи собиратель использует научные статьи и программы по сбору экспонатов, отражающие различные точки зрения на комплектование фонда¹.

Практические утраты традиционного быта русского крестьянина в повседневной жизни вносят коррективы в программу по комплектованию коллекций. В ходе экспедиционной собирательской работы приходится решать множество вопросов, возникающих на разных ее этапах и находящихся во взаимосвязи друг с другом. Этапы можно обозначить следующим образом: найти, выявить, распознать, собрать информацию, выбрать, приобрести (имеется в виду переговоры с хозяевами о передаче предмета по договору дарения или купли-продажи, о цене, оформлении пакета документов); перевезти в Санкт-Петербург, в музей; и, наконец, обосновать необходимость включения предмета/группы предметов в музейное собрание.

В данной работе уделим внимание лишь некоторым аспектам собирательской деятельности сотрудника РЭМ в экспедиции. Предлагаемый материал основан на личном опыте автора статьи. С 2007 года, когда в музее стали выделять финансы для приобретения экспонатов в экспедиции, было проведено более 15 выездов в сельскую местность, цель некоторых из них заключалась преимущественно в сборе предметов традиционной культуры русского народа. Большая часть экспедиций проходила в северных регионах Европейской России.

Отыскать в наше время предметы традиционной культуры русского народа в обыденной обстановке довольно сложно. В домах и во дворах жителей сельских и городских поселений они редко попадают на глаза исследователю; чаще их можно увидеть в музейных или коллекционных собраниях, государственных или частных. В случае сохранения их в традиционном пространстве местонахождение этнографических предметов зависит от того, какое место они занимают в представлении своих нынешних владельцев, что отчасти связано с их функционированием в современном быту. Если сегодня посмотреть на потенциальные экспонаты этнографического музея глазами людей ими владеющих, то можно выделить несколько их групп.

Во-первых, это вещи-«памятники»: они воспринимаются владельцами как память о «своем» прошлом, т.е. о родителях и, в целом, о предках, о разных периодах своей жизни (детстве, юности), о прошлом своей малой Родины, об исто-

рии своей и соседних усадеб. К ним особое отношение – их берегут, их стараются сохранить в семье и привить такое же отношение к ним у подрастающего поколения. Это и единичные предметы, которые могут храниться на видном месте или, наоборот, где-нибудь подалеке от посторонних глаз. Соответственно, и гостям их демонстрируют с гордостью или же не показывают вовсе. Это и комплексы предметов, которые могут составлять полностью или частично интерьер жилого дома. При этом информационная память о вещи различна: одни в полном объеме владеют ее «историей», другие связывают предмет или с конкретным человеком, или периодом времени, или событием, или его функцией и т.д., помнят, например, что видели его «в доме у бабушки». Как правило, люди редко расстаются с памятными для них вещами; весомым аргументом в пользу передачи их в музейное собрание может служить уверенность, что в музее память о предках сохранится на долгие годы, а сам предмет (или группу предметов) увидят многие посетители.

Вторую группу предметов в народе нередко называют «старье», «хлам», «рухлядь», «барахло». Ее составляют вещи, которые вышли из активного потребления. Поэтому они обычно «хранятся» в подвалах и на чердаках жилых домов, в хозяйственных постройках и подсобных помещениях (клетях, кладовках), на задворках, про них говорят, что их «жалко выбросить», «могут пригодиться», или до них «руки не дошли». Они же обнаруживаются в старых, уже необитаемых домах, иногда полуразрушенных. Несмотря на то, что эти предметы на первый взгляд никому не нужны, доступ к ним бывает осложнен. Объясняется это тем, что хозяева по разным мотивам не хотят пускать чужого человека в ту часть дома и усадьбы, которая не предназначена для посторонних глаз. В частности, многие не понимают интереса, проявляемого музейным сотрудником к этому, с их точки зрения, «хламу», и потому отказывают в просьбе ознакомиться с предметами его составляющими. Для осмотра же нежилых домов с целью выявления этнографических предметов и возможных музейных экспонатов также необходимо заручиться согласием их владельцев, живущих в другом месте (соседнем доме, соседней деревне, районном центре), а в том случае, если их нет (умерли), разрешением представителей местной власти – сельской администрации. При этом необходимо непосредственное присутствие владельцев или тех, в чьем ведении находится жилище во время обследования дома.

Сохранность предметов этой группы обычно оставляет желать лучшего. Материал и форму, а тем более украшения нередко и вовсе не разглядеть под слоем пыли и грязи. Предметы могут

быть затронуты плесенью, грибом или насекомыми. Хуже всего в таких условиях сохраняется текстиль: обнаруженные образцы ткачества, вышивки, вязания зачастую, даже если их удастся рассмотреть и сфотографировать, уже не подлежат реставрации, а значит, и музеефикации. Но возможность отыскать в этом «хламе» предметы традиционного быта, а среди них – будущие экспонаты, иногда редкие и уникальные, весьма вероятна. Приведем несколько примеров.

В 2009 г. в Шенкурском р-не Архангельской обл. сотрудниками совместной экспедиции РЭМ и Шенкурского краеведческого районного музея² в одном из сараев, принадлежащем местной жительнице (в который удалось попасть только при активном содействии соседей, согласившихся помочь музейщикам в «хорошем деле»), были обнаружены расписные стол и прятки, переносной токарный станок. Форма и конструкция стола – круглая столешница на одной ножке с четырьмя подставками, а также роспись столешницы позволяют говорить об уникальности этого предмета, особенно для данной территории. Расписные прятки в то время уже являлись редкостью, так же, как и станок для вытаскивания веретен (никто из видевших станок местных жителей не смог его идентифицировать). В 2014 г. в Верховажском р-не Вологодской обл. при осмотре жилого дома, который домовладельцы сдавали на лето дачникам, внимание членов экспедиции привлекла пара детских ходунков, похожих конструктивно, но отличающихся размерами: один предназначался для стояния ребенка, другой – для его забав с игрушками. Эти предметы, представляющие сферу этнографии детства, датируются серединой XX в. и являются редчайшими экспонатами для музейного собрания. В 2015 г. в Тарногском р-не Вологодской обл. в подвальном помещении нежилого дома-двора, который уже начал разрушаться, был найден ткацкий станок, удививший музейных этнографов своей необычной формой, конструкцией и размерами; относительно общеизвестных крестьянских станков для производства ткани его можно назвать «мини-станком». Аналогов этого станка нет в фондах РЭМ, не встречается он, по имеющимся на данный момент сведениям, и в фондах других музеев России, так или иначе отражающих традиционную культуру русского народа.

Интересно, что обнаруженный предмет практически не имеет повреждений (лишь отсутствуют незначительное количество деталей, хотя и важных), что встречается редко. Хорошо сохранились и форма, и структура материала, и цвет, и соединительные детали станка. Это свидетельствует о том, что станок находился практически в идеальных условиях хранения. Вероятно,

подвал был специально оборудован под хранение предметов хозяйства и быта, в том числе изготовленных из дерева, а также из текстильного материала; не только станок, но все находившиеся там предметы можно было рассмотреть и убедиться в их качественном состоянии. К сожалению, в таком случае нередко как раз перемена места хранения, связанная с вывозом предмета, с предварительной его обработкой/очисткой, может пагубно повлиять на степень его сохранности.

Впрочем, увидеть среди так называемого «хлама» относительно новые вещи – не редкость, ведь они были причислены к этому разряду исключительно по причине утраты своего функционального значения для хозяев – вышли из моды, были заменены более новыми, практичными, усовершенствованными предметами.

Третью группу составляют вещи, которые продолжают свою жизнь в культуре в своем первоначальном назначении или для них нашлось другое применение; место хранения в усадьбе обусловлено их современным употреблением. Нередко эти предметы представляют собой непреходящую часть хозяйственно-бытовой жизни людей. К ним могут относиться предметы обстановки жилого дома – встроенная и передвижная мебель, текстиль, инструментарий, различные приспособления и подручные средства для ведения хозяйственных и домашних работ. Хозяева зачастую демонстрируют интерьеры своих домов гостям, и не без удовольствия. Показывают и мастерские деревенских специалистов по обработке дерева (плотников, бондарей и столяров), где собраны и хранятся в определенном порядке целые комплексы инструментов, большинство из которых самодельны и перешли к мастеру от его предков, а также рабочие места гончаров. А вот интерес музейных сотрудников к орудиям и приспособлениям, утвари бытового назначения, как к возможным музейным экспонатам, понятен не всегда – они воспринимаются владельцами как вещи обыденные, привычные. При этом информанты нередко демонстрируют их в действии, позволяют рассмотреть детально, дают пояснения по материалу, способам изготовления и даже гордятся их наличием в хозяйстве, знаниями и смекалкой предков, придумавших то или иное приспособление, но не понимают, как эти предметы могут стать объектом этнографического исследования, и не рассматривают как предмет достойный музеефикации. Таковы, например, лубяные короба для хранения одежды, металлические полозки для установки в печи чугунов и глиняных кринок, широко распространенные корзины из полос бересты и щепы разных размеров, доски для перебора ягод, приспособления для полоска-

ния белья (полоскалка), для колки дров, для переноски тяжестей, для крепления перевозимого на телегах или дровнях сена и т.д.

И в большинстве случаев с этими предметами владельцы не желают расставаться. Свое нежелание объясняют тем, что предмет, заинтересовавший исследователя, является необходимой составляющей их нынешнего жизненного уклада. Заменить его не представляется возможным по разным причинам – или мастер, изготовивший предмет и обладавший особыми навыками в своем деле, уже умер, или предмет «сделан под хозяина», «под руку», «под избу». Приобрести где-либо аналог этой вещи также весьма затруднительно: либо их уже не изготавливают, либо изготавливают некачественно.

Из предметов, функционирующих ныне в другом назначении, укажем здесь орудия земледельческого труда и утварь. Соху и мотыгу используют, например, для окуливания картофеля. Небольшого размера ступу в одном из крестьянских домов установили около двери в качестве подпорки («больно хорошо – не сдвинешь, и дверь не хлопает»), таким же образом, но в другом месте, использовали тяжелый и высокий цилиндрической формы керамический сосуд. Медные *братыньки* (медный сосуд типа *ендовы*), которые когда-то в каждом деревенском доме использовали только во время праздничного застолья, в последней трети XX века перевели в число хозяйственной утвари для скота. Причем нередко этой посудине, благодаря ее материалу – меди, приписывали магические свойства, благотворно влияющие на здоровье домашних животных. В Верховажском р-не Вологодской обл. на *вышке* (комната на чердаке) ножками встроенной кровати служили резные столбики, которые при ближайшем рассмотрении оказались фигурными и покрытыми позолотой. По-видимому, в прошлом они являлись деталью интерьера культового здания – часовни или церкви. Образец вышивки, выполненный в технике «перевить по выдергу» на рубеже XIX–XX вв., некогда украшавший угол с иконами, использовался девочками 10–12 лет, потомками той мастерицы, что его выполнила, в играх с куклами.

В этой группе выделяются предметы, связанные в сознании их владельцев с народными представлениями и поверьями. Наиболее ярким таким примером можно считать полотенце (домотканое или из фабричной ткани, с украшенными концами). Практически повсеместно в русской традиционной культуре оно осмыслилось исключительно как ритуальный предмет и сегодня зачастую используется в качестве ононого, вне зависимости от того, лежит ли оно в шкафу на полке или украшает икону, зеркало, раму с фотографиями. По традиции в крестьян-

ских семьях полотенце передавалось от матери дочери, потому женщины, имеющие дочерей, с удовольствием показывают полотенце, но не соглашаются его ни отдавать, ни продавать. Нередко это происходит даже в том случае, если дочь находится рядом и выражает свое согласие на передачу предмета в музей. Аргумент матери в такой ситуации звучит так: «Умру, тогда делай, как знаешь». В некоторых историях экспедиционных поступлений полотенцев в музей прослеживаются традиционные мотивы ритуальной передачи обрядового предмета. Так, полотенце могут отдать музейщикам, как путникам, путешественникам, «на помин души» умерших родственников, как обет, в обмен на обещание выполнить просьбу – сходить в церковь, поставить свечи, заказать церковную службу и т.д.

Наличие некоторых предметов традиционного быта в доме, в семье, в хозяйстве с точки зрения их владельцев продолжает оставаться признаком материального достатка, богатства или возможного/вероятного богатства в будущем. Чаще всего к таким предметам причисляют женские костюмные комплексы или отдельные их составляющие и детали, а также разнообразный текстиль и металл. Информацией о наличии такого богатства у кого-то из односельчан обычно владеют многие. Рассказывают о нем и сотрудникам музея, отправляя их попытать счастья в поисках предметов этнографического быта и будущих экспонатов к известному в округе человеку. Однако не всегда владельцы такого «этнографического» богатства готовы продемонстрировать его этнографам; обычно они его тщательно скрывают и даже опровергают «слухи» о нем, опасаясь потерять. Во время экспедиций неоднократно были записаны рассказы о потерях такого богатства в результате кражи, пожара, переезда или смерти владельца и т.д. Во многих местностях хозяевами «этнографического» богатства становятся дачники, которые могут продемонстрировать доставшиеся им от старых владельцев какие-либо предметы – металлическую утварь (самовар, ковшик), колокольчики – уверенно говоря о том, что стоят они очень дорого или будут стоить очень дорого в скором будущем, поэтому их стоит хранить.

Еще одна группа этнографических предметов – предметы-«сувениры», среди которых часто встречаются декорированные вещи. Они приобретались в память о поездках или событиях, в антикварных лавках или скупках, поступали в качестве подарков, приносились из соседних домов, спасались из заброшенных построек. Зачастую они представляют традиционную культуру и быт соседних территорий. Это могут быть вещи старинные, их подобию или копии, изготовленные в разные периоды, приобретаемые «для красоты», «для поддержания

стиля». Их присутствие в доме обусловлено вкусовыми пристрастиями хозяев, их представлением о народном стиле, русской культуре и следовании традициям. Эти вещи часто не имеют легенды, т.е. неизвестно их происхождение, место изготовления и бытования, имя мастера, изготовившего предмет, или имена его владельцев, область применения и т.д. Как правило, предметы-сувениры находятся всегда на виду, их не прячут от посторонних, наоборот, выставляют напоказ.

Отчасти к предметам-сувенирам можно отнести этнографические и бытовые предметы, принадлежавшие некогда и предкам нынешних их владельцев. Однако последние не считают их за памятные и хранят как предметы «старинные», «красивые», «необычные», или просто не желая их выбрасывать.

Во время экспедиций последних лет была зафиксирована еще одна группа вещей, восприятие которых их владельцами несколько специфично и встречается редко. Их можно охарактеризовать как вещи-манки, заманихи; в некотором смысле они – прообраз домашнего коллекционирования, частного музея. В с. Строевское Устьянского р-на Архангельской обл. пожилая женщина в отдельном чемоданчике хранила небольшое количество традиционного для данных мест текстиля с целью (как она сама говорила) привлечения к себе в гости «интересных людей» – исследователей, мастеров и всех тех, кто проявляет внимание к истории деревни и прежней жизни ее жителей. Среди этих вещей оказались и уникальные памятники крестьянской культуры, датируемые XIX в. На вопрос, не хочет ли владелица передать/продать их в музей, хозяйка ответила вопросом: «А если у меня их не будет, кто тогда ко мне придет?» Причем во время первой встречи хозяйка не показывала «приданое» никому. И только во второй или даже в третий приход гостя, в том случае, если посетитель пришелся «по душе», и, уверившись, что ему интересно с ней беседовать, она доставала заветный чемоданчик, демонстрировала его содержимое, постепенно посвящая собеседника в «тайны» каждого предмета.

Разное отношение к сохранившемуся в традиционном пространстве этнографическому наследию объясняет, почему исследователю в поле сложно сориентировать своих собеседников из числа местных жителей относительно предмета его поисков. За последние 10–15 лет в экспедициях нередко возникали такие курьезные ситуации, когда сотруднику музея предлагали не имеющее к традиционной культуре отношение старье – металллом, макулатуру, одежду, текстиль и утварь из секонд-хенда или сильно поношенные старые тряпки. Сложным представляется и правильно поставить вопрос

о наличии в доме/у владельца интересующих собирателя предметов и затем убедить и упрощить хозяина показать их. Нередко вещи начинают показывать в ходе или после продолжительной беседы-опроса, когда исследователю удается расположить к себе информанта, а информант начинает понимать интересы гостя.

Поиск предметов традиционного быта осложняется еще и тем, что во многих местностях на протяжении последних десятилетий, особенно на территории Русского Севера, активно ведут работу коллекционеры, специализирующиеся в сборе старинных вещей, предметов народного декоративно-прикладного искусства. Возможности коллекционеров, заметим, значительно шире, чем музейных сотрудников. В их распоряжении, например, транспорт, что позволяет обследовать большие территории и отдаленные местности в кратчайшие сроки. Они нанимают помощников, их деятельность не зависит от взаимодействия с представителями административной власти. Они ведут постоянную агитационную работу среди местных жителей, периодически объезжая деревни и напоминая о себе, а объявления о покупке ими «предметов старины» можно встретить почти в каждом номере районных газет. С некоторыми коллекционерами, владельцами небольших музеев, местные жители знакомы лично и с большей охотой отдают вещи им, а не незнакомым им сотрудникам центральных музеев. С другой стороны, настойчивость, которую коллекционеры и их помощники проявляют в своей работе (учитывая, что предметов традиционной культуры действительно на руках местных жителей осталось немного), а в большей степени их методы работы вызывают часто неодобрение населения и нежелание общаться на тему «старинных вещей» с кем бы то ни было, а тем более с чужаками, к которым относятся и сотрудники музеев.

Плодотворность поисковой части собирательской работы сотрудников РЭМ в экспедиции отчасти связана с участием в ней добровольных помощников – сотрудников местных краеведческих музеев, культурных учреждений, администрации, краеведов, любителей истории края и местных коллекционеров (хотя все они в то же время могут выступать и конкурентами). Ведь они хорошо знают местных жителей, а местные жители знают их. Кроме того, местные специалисты нередко лучше знакомы с некоторыми аспектами традиционной материальной культуры населения своего района, особенно не столь далекого прошлого.

Такое сотрудничество дает возможность этнографу-собирателю на основе своих знаний, знаний коллекций своего музея, знакомства с собраниями краеведческих и других местных музеев определить набор будущих экспонатов.

Интерес, например, могут представлять предметы, отсутствующие в музейном фонде, необходимые для постоянной или временной выставки. Конкретизация поиска обычно несколько упрощает начальную стадию общения с представителями местного населения, которая в основном заключается в объяснении цели своего прихода/приезда и попытке расположить к себе человека.

Сознательно ограничить область поиска и выделить те предметы, приобрести которые для музея было бы желательно, становится возможным и в процессе опросов населения. Чаще всего именно так выявляются предметы местных, узколокальных, промыслов, не получивших значительного отражения ни в научной литературе, ни в краеведческих изданиях, ни в коллекциях районных и сельских музеев. Так, во время экспедиции в Тарногский р-н Вологодской области выяснилось, что на территории одной из сельских администраций бытовали плетенные из полос бересты корзины (*зобеньки*), характерные для многих территорий северной России, но отличавшиеся тонкостью и плотностью плетения, а также раскраской внешней стороны цветным геометрическим узором. Представители старшего поколения рассказали, что изготовлением таких *зобенок*, а также и других типов плетеной бытовой утвари и их раскраской занималась в 1920–1950-е гг. семья, проживавшая в одной из соседних деревень, – отец и сын плели, мать раскрашивала. В 1970–1980-е гг. здесь же появился другой мастер, приехавший из соседнего сельсовета, и предложил свои плетеные расписные изделия, которые отличались от работ местных мастеров и внешним видом, и структурой плетения, но они тоже стали популярны у местных жителей.

Успех в поиске конкретных экспонатов, о которых доподлинно известно, что они имеются в наличии в ряде домов, весьма вероятен. В то же время эти предметы не всегда полностью соответствуют заданным параметрам (форма, материал, функции, сохранность, легенда), и не всегда их приобретение осуществимо (в случае, например, нежелания владельца). Увлечшись же поисками определенных предметов, можно не заметить и пропустить другие сохранившиеся образцы традиционной культуры, что очень важно на данном этапе, этапе их постепенной утраты из повседневной жизни.

Если поиск этнографических предметов увенчался успехом, и музейный этнограф получил к ним доступ, перед ним встает задача идентификации каждого предмета и сбора наиболее полной информации о них. Как правило, эти сведения получают от владельца вещей. Но довольно часты случаи, когда владельцев нет, или они молоды, а время активного бытования

предмета было не на их памяти, или история предмета их не интересовала. Нередко многие графы «биографии» предмета остаются открытыми: нет данных о времени изготовления и бытования предмета, его названии, имени изготовителя и владельца и т.п.

Наиболее важной для музея является информация о функционировании предмета в культуре. Ситуации, когда местные жители на протяжении определенного времени используют какой-либо этнографический предмет совершенно иначе, чем в традиции, нередки, и выявить его первоначальное назначение, о котором его владельцы не ведают, представляется довольно сложным, нередко практически невозможным. В одной из деревень Вельского р-на Архангельской обл. малый навои от ткацкого станка, висевший на стене в хозяйственной части дома-двора, местные жители определили как приспособление для утрамбовки и протыкания капусты при квашении. Об истинном предназначении этого предмета знали только самые пожилые женщины. В Шенкурском р-не Архангельской обл. рыболовные снасти «кораблики», исполненные из бересты, использовали в качестве подноса для сушки грибов и ягод; но первоначальное назначение удалось выяснить только после экспедиции; в деревне же, где они бытовали, и в соседних населенных пунктах об этом их предназначении никто из опрошенных не знал. Встречаются также предметы, которые по форме, материалу, способам обработки, в частности, явно ручном изготовлении, соответствуют традиционным, но функциональное их назначение остается неизвестным. Выход из этого положения – фотографирование предмета и показ его изображения жителям исследуемой местности, желательное представителям разных возрастных групп.

Отметим случаи необходимости и возможности приобретения памятников без того объема информации, который нужен для видения предмета в контексте народной жизни. Во-первых, это происходит в том случае, если внешний вид предмета, его форма, материал, способ изготовления – все свидетельствует о его традиционности и даже уникальности. Во-вторых, после некоторых совместных экспедиций с краеведческими музеями функциональное поле предмета было выявлено уже после его приобретения для собрания местного музея в ходе дополнительных опросов населения в районном центре и других сельских поселениях, в том числе с помощью средств массовой информации, а также мастеров. Фотографию предполагаемого экспоната помещали в газету с просьбой откликнуться и помочь в его опознании. Ответы, как правило, приходили, но нередко только через некоторое время. К сожалению, такой формой

Передний угол. Вологодская обл.
Верховажский р-н. 2011

Расписной опечек и перегородка. Вологодская обл.
Тарногский р-н. 2017

Вид избы напротив входа. Вологодская обл. Тарногский р-н. 2015

Угол против печи. Наблюдник. Архангельская обл. Вельский р-н. 2010

Угол с кроватью. Архангельская обл. Вельский р-н. 2010

В клети на повети. Архангельская обл. Вельский р-н. 2010

На повети. Архангельская обл. Устьянский р-н. 2014

На повети. Архангельская обл.
Устьянский р-н. 2014

В подвальном помещении. Вологодская обл.
Тарногский р-н. 2015

В подвальном помещении. Вологодская обл. Тарногский р-н. 2015

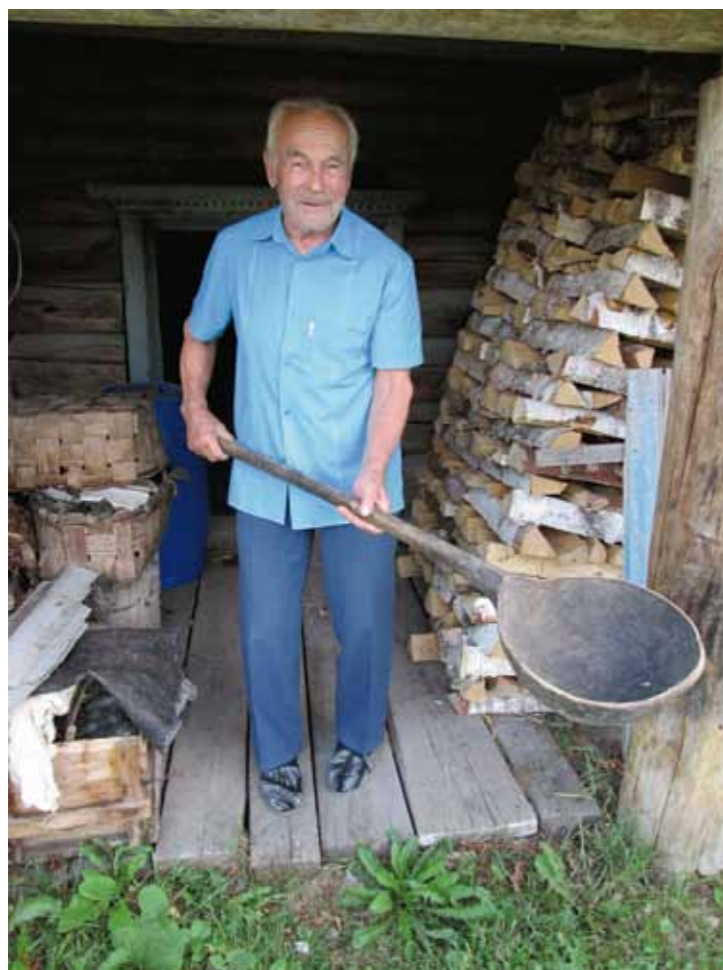
В мастерской бондаря. Архангельская обл. Шенкурский р-н. 2012

В мастерской плотника. Архангельская обл. Вельский р-н. 2010

Плаксин И.И. демонстрирует полный набор инструмента для изготовления валенок, принадлежавший гегу. Архангельская обл. Шенкурский р-н. 2012

П.И. Усачев показывает пивной ковш, вынесенный специально для фотографирования из подклети. Архангельская обл. Устьянский р-н. 2012

Иванов С.И., иллюстрируя рассказ о пивоварении, устанавливает жернова, используемые им до последнего времени при приготовлении пива. Вологодская обл. Верховажский р-н. 2014

получения необходимых сведений о возможном экспонате можно воспользоваться не всегда, а только до оформления предмета по музейным актам приема на материально-ответственное хранение.

Иногда предмет, о котором местные жители уже не могут ничего сказать или приписывают ему другие назначения, хорошо известен и по литературе, и по музейным коллекциям, хотя и может представлять собой своеобразный вариант общеизвестной формы, размеров, материала и т.д. Поэтому в экспедиционном поле нередко единственным носителем информации о «забытом» этнографическом предмете оказывается собиратель, научный сотрудник музея. В таких ситуациях все-таки следует предпринять попытки выяснить, сохранилась ли информация об интересующем предмете в памяти людей, а не демонстрировать сразу свои знания, или высказать их в виде предположения. В целом, приобретение предметов, о которых нет ни информации, ни даже гипотезы об их бытовании в традиции, нежелательно, т.к. они могут остаться без атрибуции.

Обнаруженные в этнографическом поле предметы для музейного сотрудника условно делятся на две группы: одни не вызывают сомнения относительно их приобретения, другие заставляют тщательно взвешивать позиции «за» и «против».

Предметы «старины» и современные предметы, выполненные в традиционной манере и стиле, предметы декорированные, этнически окрашенные – всегда обладали высоким уровнем музейной значимости. Их примерами могут служить костюм, чаще женский, и отдельные его составляющие, образцы текстиля – ткачества, вышивки, набойки, расписные или резные деревянные предметы интерьера, инструментария (прялки, швейки и т.д.), утвари (посуда, короба), художественно обработанный металл и т.д. На сегодняшний день во всех регионах проживания русских, а особенно на Русском Севере, такие предметы представляют собой редкие находки, по сути раритетные, найти и приобрести их – несомненная удача.

Нередко в процессе работы в поле обнаруживаются вещи, музейную и научную ценность которых сложно оценить с первого взгляда (да и со второго тоже). Среди них – предметы бесспорно традиционные, но, как правило, не обладающие такими важными признаками для музейного экспоната как «зрелищность», несомненная принадлежность к «старине», им не присущая ярко выраженные внешне этническая или локальная маркировки. Это могут быть хорошо известные предметы, аналоги которым хранятся в музейном собрании, или, наоборот, вещи незнакомые, непонятные, с признаками,

явно снижающими их этнографическую и музейную ценность (в частности, отсутствие легенды, сведений о назначении, плохая сохранность, грубая обработка). И вопрос о необходимости их приобретения для музея встает очень остро.

Значительное место среди таких потенциальных экспонатов, вызывающих сомнения собирателя, занимают так называемые обыденные предметы, или предметы обыденной повседневности. Их объединяет одна особенность – внешне они не привлекают к себе внимание исследователя, который может даже не заметить их, либо потому что они хорошо ему известны, либо, наоборот, незнакомы. Они являются настолько обыденными, что на них не обращали внимание ни исследователи традиционной культуры, ни собиратели, ни коллекционеры ни в прошлом, ни в наше время. К ним можно отнести, например, некоторый инструментарий и различного рода приспособления для выполнения конкретных ремесленных, хозяйственных или бытовых работ, также представляющие собой продукт местного ремесленного производства³. Большинство из них связаны с хозяйственной деятельностью русского крестьянина, т.е. с культурой жизнеобеспечения. Среди них встречаются усовершенствованные и специализированные приспособления, инновационные для своего времени.

Согласно программам по комплектованию фондов и критерию выбора экспонатов, обыденные вещи по основным параметрам соответствуют тем признакам, которыми должен обладать этнографический и музейный предмет. Так, по словам Д.А. Клеменца к ним относятся: «Предметы, которые крестьянин делал для своего домашнего обихода, своими инструментами, для удовлетворения своих потребностей»⁴. Они являются типичными для конкретной локальной традиции по форме, материалу, способу изготовления и бытованию, определенного периода жизни традиционной культуры. А приобретение таких предметов помогает заполнить ряд лакун, которые существуют в современных этнографических коллекциях.

Если обратиться к истории коллекций Российского этнографического музея, то предметы обыденной повседневности приобретались неоднократно с самого начала комплектования собрания, хотя пристального внимания к ним со стороны большинства собирателей не было. Из сотрудников музея первой трети XX в., которые в своей собирательской деятельности уделяли внимание именно этому пласту предметного мира русского человека, назовем А.А. Макаренко, известного собирателя коллекций по русскому населению Сибири. Среди его приобретений – хозяйственно-бытовые комплексы,

Братыньки. Вологодская обл. Тарногский р-н. 2015

*На веранде. Архангельская обл.
Устьянский р-н. 2014*

*Большая кринка с цветком.
Архангельская обл. Шенкурский р-н. 2012*

Деревянный диван. Архангельская обл. Вельский р-н. 2010

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ ПРИВОЗ В МУЗЕЕ

*Глиняная утварь, приобретенная во время экспедиции.
Вологодская обл. Верховажский р-н. 2014*

включающие предметы домашнего и фабричного изготовления, и экспонаты, поступившие как самостоятельный предмет. В 1904 г. в музей поступили комплект предметов домашней утвари, в который включены, например, лапки заячьи для сметания муки со стола, «помело» – пучок пихтовых ветвей для подметания пода печи, «клюка»-кочерга, «вешанка»-вешалка с пятью деревянными «костылями» для «лопоти (одежды)», «дресва» – мелкие частицы гранитного валуна, употребляемые при мытье полов, лавок и ряда деревянных изделий; комплект «для омовения»: мочалка, веник банный, камешки из «банной каменки»; образцы фабричного и черного мыла домашнего приготовления⁵. В тех же коллекциях числятся и такие производственные комплексы, как «добывание огня», «тканье волосяных личинок (сеток от гнуса)», «кубление», «крашение», «витые веревки», в которые входят образцы материала (например, растительного), инструментарий и приспособления⁶. С этой же точки зрения интерес представляет и полный комплект дорожных принадлежностей рабочего золотых приисков, в который входят «котомка», «холщовый мешок с ляжками из холщового полотенца», сумки дорожные, полотенце «личное», «зеркальце маленькое», «гребешок роговый», «мыльце желтое лавочное», «кисет для табаку», огниво стальное, кремль для высекания огня, «мешочек ситцевый, содержащий сахар и кирпичный чай», «подошвы запасные», «шилль кривые», иглы швейные, чайник медный и т.д.⁷ Как видно, этот комплекс включает этнографические и бытовые вещи, но он дает представление об определенном пласте этнокультурной традиции. Среди отдельных экспонатов коллекции А.А. Макаренко – столб от ворот, колесо с мельницы⁸.

Некоторые из предметов повседневности хорошо описаны в литературе и иногда даже в нескольких вариантах имеются в фондах музеев. Это, например, орудия для сельскохозяйственных работ, для косыбы, для тканья (ткацкий стан и его детали) и т.д., из утвари – корзины, плетенные из бересты, из щепы, прутьев, лубяные коробка, глиняные горшки и т.д. Многие из них бытовали на территории России повсеместно, и, как кажется, не обладают никакой локальной спецификой. Но в ходе опросов местных жителей, наблюдения и последующего детального рассмотрения предметов, многие из которых продолжают функционировать и в наше время, удается определить какой-нибудь существенный признак, выделяющий их из массы аналогичных вещей.

Предметы могут отличаться от известных исследователю по фондовым или письменным источникам внешними данными – размерами, формой, материалом, нанесенными знаками,

дополнительными деталями, изменяющими не только внешний вид, но и способ применения, и функциональным использованием. Значительными размерами привлекают внимание корзины из щепы, используемые для перевозки или переноски белья на реку для полоскания, корзины из прута для переноски сена, бондарные и долбленые бочки для воды, для зерна, лубяные коробка для хранения текстиля. Даты изготовления и другие знаки, проставленные на некоторых деревянных предметах крестьянского быта в северорусской традиции, также увеличивают значимость предмета как возможного экспоната. Нередко интерес к предмету в экспедиции возникает в результате некоторых пояснений местного населения по поводу тех или иных его особенностей. В Вельском р-не Архангельской обл. в деревнях Шоношского с/п была записана информация о двух вариантах косы-стойки, каждый из которых характеризует население определенной группы деревень. Один из них имеет один «костылек», ответвление в виде сучка или вставленной палочки на косовище, а другой два таких «костылька». От вида косы зависел и способ кошения: в одном случае косарь держится за костылек и косовище, и при этом работает верхняя часть туловища, в другом – за два костылька, в этом случае работает только плечевая часть туловища⁹.

Еще один этнографический предмет, знакомый каждому специалисту по этнографии, – ткацкий стан. Еще в первой половине XX в. он был непременной принадлежностью каждой крестьянской семьи, и во второй половине XX в. деревенские станки в некоторых местностях тоже еще функционировали. Станки в собранном, полуразобранном, разобранном виде, а также их отдельные детали в наше время можно увидеть во многих деревенских домах, но чаще всего в качестве ненужного «хлама» (на чердаках, поветях, в клетях, кладовках, подвалах). Для представителей старшего и среднего поколений они являются настолько привычными, что не представляют особого интереса. Поэтому и целый стан, и его детали, хранящиеся в отдельности, тоже можно причислить к так называемым обыденным предметам. К тому же ткацкие станки, в полном или неполном виде, имеются почти в каждом музейном собрании – и государственном, и частном; их можно увидеть и в телевизионных программах, посвященных традициям разных народов.

Не только местные жители, но и музейные сотрудники не видят в этих предметах ни музейной, ни научной ценности. Информацию о ткацких станках, которые на первый взгляд не имеют существенных отличительных особенностей, в достаточном количестве можно найти в этнографической литературе. Ведь тема ткачества

привлекала исследователей издавна. Изучение его связано, прежде всего, с исследованиями в области народного костюма. А костюм представляется одним из наиболее ярких маркеров этничности, а также текстиля в целом, и, несомненно, важнейшим объектом музейного интереса. Тем не менее, этот инструмент крестьянского быта, благодаря которому появлялись ткани, необходимые для шитья одежды, с точки зрения типовой, видовой, локальной, функциональной специфики изучен не достаточно; сведения об их вариациях, специфических деталях довольно долго отсутствовали в этнографических, историко-бытовых собраниях музеев. Каждая деталь станка, обнаруженная в экспедиции, содержит некоторую информацию об особенностях местного производства ткани и инструментария, об их роли и значении в образе жизни семьи, деревни, края. Для музейной коллекции наиболее важны комплекты ткацких приспособлений с точным указанием места их бытования, назначения и принадлежности к семье. Таковы, например, наборы нитченок и берда с нитями основы и кусочком начатой ткани. Разрозненные предметы ткацкого станка редко могут быть использованы в качестве этнографического источника (если только они не имеют декоративных или знаковых украшений).

Приобретение в 2016 г. в Тарногском р-не Вологодской обл. ткацкого «мини-станка», характеризующегося особой конструкцией, сведения о которой не встречаются в основных трудах по русской этнографии, – еще одно свидетельство того, что в экспедициях можно найти неизвестные доселе предметы этнографической действительности русского народа, изучение которых может повлиять на общепринятые представления о мире русского крестьянства.

Ряд бытовых предметов традиционной культуры соотносится с ритуальной сферой жизни крестьянского общества. Это, например, ковши, используемые при приготовлении пива, которое, как известно, готовили на самые почитаемые в округе праздники, на свадьбы. Они представляют собой по форме большую ложку на длинной ручке, выдолбленную из единого древесного массива; и по внешнему виду и по назначению они практически не имеют никаких отличительных особенностей. Во многих местностях Русского Севера чуть ли не в каждом доме деревни имеются эти ковши, которые чаще всего с готовностью и гордостью показывают музейному сотруднику. Владельцы многих крестьянских домов зачастую воспринимают их как раритет, напоминая о предках, о годах детства или юности. И потому одни не желают расставаться с этим предметом или говорят о большой их стоимости, другие, наоборот, с радостью готовы передать в музей этот, с их точки зрения, уни-

кальный экспонат. Возможность их приобретения налицо, но закономерен вопрос, есть ли необходимость приобретать их каждый раз, как только предлагают. И этот вопрос собиратель решает сам, и его решение связано с наличием или отсутствием легенды предмета и комплексного сопровождения.

О некоторых обыденных предметах сведения крайне скудны или их вовсе нет, многие отсутствуют и в фондах этнографических и краеведческих музеев. Хотя в узколокальной традиции они известны многим и общеупотребительны. Некоторые из них до сих пор используются в хозяйстве и употребляются при ведении определенного вида работ. Сами же владельцы также не акцентируют внимание на них, поскольку не воспринимают их как нечто представляющее интерес для музея, науки или даже для характеристики истории крестьянского уклада и быта своей местности. Например, это кормушки и клетки для содержания домашней птицы в жилом помещении зимой. В работе автора «Этнографические предметы как источник по изучению традиционного хозяйства»¹⁰ были рассмотрены три таких предмета из хозяйственного уклада шенкурской деревни – приспособление для колки дров (колотага), для переноски тяжестей и кормушка для кур. Предметы и информация о них были зафиксированы в ходе экспедиции 2009 г., они бытовали в традиции, по крайней мере, на протяжении последних 60 лет. Приобрести удалось только кормушку для кур, хотя необходимость включения и двух других предметов не вызывает сомнения, так как все они отсутствуют в собрании РЭМ. Несмотря на неярко выраженную этническую маркировку, они позволяют полнее осветить особенности севернорусской хозяйственной традиции, в частности, ее локальных вариантов.

Хотелось бы обратить внимание на один из важнейших факторов приобретения экспоната «в поле», который не имеет отношения к месту предмета в культуре и качественной характеристике его как памятника в системе музея. Это возможность транспортировки предмета в музей и размещение его в фондах. В большей степени это относится к крупногабаритным и тяжелым предметам традиционной культуры и быта. Вопрос об их приобретении в экспедиции всегда заставляет задуматься сотрудника не только о соответствии интересных с точки зрения музейного этнографа предметов понятиям «этнографический предмет», «музейный предмет» и необходимости его музейфикации. Решение этого вопроса требует сил и времени, которые необходимы и запланированы для продолжения заявленной работы по сбору материала, вещевого и информационного, в обследуемом районе. Кроме того, необходимы значи-

тельные финансовые затраты для упаковки и транспортировки груза. Сотрудник также должен помнить и о месте хранения предмета в фондовом пространстве, которого может не оказаться. Нередко решить этот вопрос практически невозможно, и приходится отказываться от желания приобрести предметы мебели, инструментария, утвари, транспортных средств, деталей внешнего убранства жилища и т.д., хотя среди них могут быть уникальные, редкие и не имеющие аналогов в музейном собрании образцы.

В заключение вспомним, что в музейной этнографической среде хорошо известны две позиции относительно приобретения новых экспонатов в современном «поле». Некоторые исследователи отчетливо выражают желание сохранить все, что осталось от исторической

«этнографической действительности» прошлого (и нередко музейный сотрудник готов приобрести все, что он смог найти). Другие специалисты в области музейной этнографии придерживаются иной точки зрения – не приобретать ничего, чтобы этими действительно «остатками» традиционной культуры, зачастую без легенд и историй, не «засорять» великолепное собрание предметов этнографии РЭМ, создаваемое на протяжении более 100 лет. И обе эти позиции можно оспорить исходя, в первую очередь, из характеристик потенциальных экспонатов, из особенностей местного варианта традиционной культуры и степени ее сохранения. Каждую возможность приобретения экспоната необходимо рассматривать отдельно, взвешивая все позиции «за» и «против».

¹ Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода. Научно-методические указания для исторических и краеведческих музеев. – Л., 1979. – С. 4–34; Коновалов А.В., Тимофеева Е.Я. Понятие «этнографический предмет» // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Сборник научных трудов. – Л., 1987. – С. 16–27; Дмитриев В.А., Калашникова Н.М. Комплектование – основополагающее направление деятельности Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. – СПб.; Кишинев, 2002. – С. 60–64; Шангина И.И. Полевая работа этнографа. Методическое пособие. – СПб., 2009.

² Зими́на Т.А. Первые итоги экспедиции в Шенкурский р-н Архангельской обл. в июле 2009 г.: традиционный предметный мир современной деревни // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. – Вып. 6. – Вельск. 2014.

³ Зими́на Т.А. Этнографические предметы как источник по изучению традиционного хозяйства // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса. Мат-ы 9-х Санкт-Петербург. этнограф. чтений. – СПб., 2010. – С. 298–304.

⁴ Программа для собирания этнографических предметов. – СПб., 1902. – С. 2.

⁵ РЭМ. Оп. VI. Колл. 569, 573.

⁶ Там же. – Колл. 579.

⁷ Там же. – Колл. 563.

⁸ Там же. – Колл. 959, 962.

⁹ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 226. Л. 83 об.; см. также: Зими́на Т.А. Этнолокальные соотносительные представления в сельских местностях Поважья в XX – начале XXI в. // Музей. Традиции. Этничность. – СПб., 2012. – № 1. – С. 75–85.

¹⁰ Зими́на Т.А. Этнографические предметы как источник. Указ. соч.

Из истории формирования рукописного собрания Российского этнографического музея (1900–1953)

АННА НИКОЛАЕВНА КОПАНЕВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Хранитель секции рукописей
e-mail: kopaneva@bk.ru

В статье прослеживается история формирования рукописного собрания Российского этнографического музея, рассматриваются этапы развития делопроизводства и организации архива музея. Комплектование коллекций рукописными материалами совпало с началом работы библиотеки музея. Одновременно в канцелярии и отделах музея происходило накопление делопроизводственной документации и материалов, связанных с собирательской деятельностью музея. В 1935 г. архив стал отдельным подразделением музея, первым заведующим которого был назначен А.Г. Данилин. В 1953 г. в состав архива было передано рукописное собрание библиотеки. С этого времени начала складываться современная структура архивных фондов.

Ключевые слова: архив Российского этнографического музея, библиотека Российского этнографического музея, делопроизводство Российского этнографического музея, архивные фонды личного происхождения, комплектование рукописных коллекций.

UDC: 94(47)+930.253

On the Formation History of the Collection of Manuscripts in the Russian Museum of Ethnography (1900–1953)

ANNA N. KOPANEVA

Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg
Acting keeper of the Manuscript Section
e-mail: kopaneva@bk.ru

The article traces the history of the formation of the collection of manuscripts in the Russian Museum of Ethnography, the development of its own record keeping and organization of a museum archive. The building-up of the collection of manuscripts was concurrent with the opening of the Museum library. At the same time, the Museum office and departments began amassing official documents and materials connected with the Museum's collecting activities. In 1935 the archive became a separate unit, with its own chief and was headed by A.G. Danilin. In 1953 the manuscript collection of the library was handed over to the archive. It was then that the system of archive stocks took its beginnings.

Key words: Russian Museum of Ethnography archive, Russian Museum of Ethnography library, Russian Museum of Ethnography record keeping, archive stocks of personal origins, the building-up of manuscript collections.

История формирования рукописного собрания Российского этнографического музея (РЭМ) в целом до сих пор не была объектом специального исследования¹. Архиву музея посвящены общие обзоры², отдельно описаны хранящиеся в нем старообрядческие религиозные книги и рукописи³. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые сюжеты, связанные со склады-

ванием делопроизводства музея, а также поступлением в его собрание рукописей различного характера и содержания в 1900–1953 гг.

Начало архива учреждения связано, в первую очередь, с началом его делопроизводства и формированием номенклатуры документации. Первоначально делопроизводство Этнографического отдела (ЭО) велось в общей канцелярии

Русского музея императора Александра III. В отчетах музея за 1904 и 1901 гг.⁵ в штате значится один делопроизводитель и два канцелярских чиновника, в отчете за 1902 г.⁶ названы делопроизводитель В. Брюлов и канцелярские чиновники Н. Кононов, М. Карпов и В. Альбрехт. После утверждения в 1902 г. штата служащих Этнографического отдела, встал вопрос об отдельном делопроизводстве. 19 января 1902 г. на заседании Совета ЭО «Е.А. Ляцкий внес предложение не приглашать на первое время, для сокращения расходов, особого, положенного по штату, лица для ведения письмоводительства по Этнографическому отделу, а возложить эту обязанность» на недавно принятую на должность помощника библиотекаря Лидию Алексеевну Галперт, «которая и согласилась принять ее, пока ведение бумаг и переписка по делам отдела не достигают больших размеров»⁷.

Вскоре был поднят и решен вопрос об изъятии всей переписки, касающейся Этнографического отдела, из ведения Канцелярии музея. На заседании Совета ЭО 9 февраля 1902 г. секретарь Русского музея А.А. Тевяшев сообщил, «что в канцелярию музея доставлены из Этнографического отдела два запечатанных пакета со словесною просьбой написать адреса, приложить адреса, приложить казенную печать и отправить на почту. Находя неудобным прикладывать печать музея к бумагам, содержание которых канцелярии неизвестно, А.А. Тевяшев просил указаний, как поступать в подобных случаях и, со своей стороны, предложил: если признано будет нужным изъять из ведения канцелярии переписку, касающуюся специальных вопросов этнографии, то заказать для казенной корреспонденции Этнографического отдела особую печать для пакетов и ведение входящих и исходящих бумаг возложить на Заведующего Отделом, в распоряжении которого по временному штату имеется для сего канцелярский чиновник»⁸. С того же времени начинается ведение Журналов заседаний Совета Этнографического отдела отдельно от Журналов заседаний Художественного отдела (до марта 1902 г. оба Журнала велись в одной книге, имевшей сплошную нумерацию). Решено было: «1. Завести отдельные книги для ведения журналов заседаний по обоим отделам Музея: художественному и этнографическому. 2. Книгу журналов заседаний по этнографическому отделу хранить в соответствующем отделе и 3. Возложить составление протоколов заседаний этнографического отдела на Н.М. Могилянского»⁹. Объем делопроизводства рос, также увеличивалось количество работы в библиотеке, в силу чего Л.А. Галперт была освобождена от обязанностей «чиновника

по этнографическому отделу»¹⁰, и в октябре 1902 г. на это место Д.А. Клеменцем был приглашен «временно по вольному найму, с платой по 59 руб. в месяц» Эдгар Александрович Нудель¹¹. Однако уже в декабре Д.А. Клеменц докладывал, что «служащий в канцелярии <...> Э.А. Нудель исчез, не сдавши дел и авансового счета. Принятые к разысканию его меры до сих пор были безуспешными». Совет постановил: «Выждать еще два дня и, в случае если Э.А. Нудель не будет разыскан, вскрыть в присутствии полицейского чиновника ящики и шифоньерку, передать дела новому лицу, которое будет приглашено на это место»¹². С 1903 г. канцелярским чиновником Этнографического отдела был назначен Валерий Львович Альбрехт, на документах появляется штамп с его подписью: «С подлинным верно: делопроизводитель Этнограф[ического] отдела».

В то же время была упорядочена финансовая деятельность отдела. В январе 1903 г. Е.А. Ляцкий представил в Совете ЭО проект правил ведения хозяйственной и отчетной деятельности, предусматривавший создание специальной финансовой комиссии в составе товарища управляющего музеем, заведующего Этнографическим отделом, одного из хранителей и бухгалтера¹³. Проект был одобрен, и комиссия приступила к работе. Были заведены Журналы регистрации входящих и исходящих бумаг, Журнал финансовой комиссии Этнографического отдела, «Журнал ассигновок уплат по счетам и распределений расходов порайонно», вся переписка, касавшаяся работы Этнографического отдела проходила через его делопроизводителя, регистрировалась и хранилась непосредственно в отделе, на рабочих местах канцелярского служащего и сотрудников. Таким образом накапливалась документация, хранящаяся сейчас в Фонде 1 (описи 1 и 2) и Фонде 2 (опись 1) научного архива РЭМ – это материалы по истории создания и организации музея, формирования коллекций, экспедиционной работе сотрудников и корреспондентов.

Революционные события 1917 г. привели к сбою и изменениям в работе всех отделов музея, однако делопроизводство продолжалось – в тех случаях, когда к нему вообще прибегали – прежним порядком. Объем дошедшей до нас документации за 1917 г. очень небольшой, однако затем деятельность канцелярии восстанавливается. В 1918 г. был утвержден порядок замещения должности делопроизводителя при советах отделов, теперь кандидатуры должны были согласовываться с исполнительным комитетом музея¹⁴.

О том, какого рода документы откладывались в процессе деятельности музея, можно судить

А.Г. Данилин во время экспедиции на Алтай. 1929. МАЭ РАН, 4124–82

по акту обследования архивных материалов Этнографического отдела, составленным комиссией Русского музея в начале 1930 г. Делопроизводственные материалы, а также т.н. «собираТЕЛЬские дела» хранились «в комнате, смежной с кабинетом заведующего отделом». «СобираТЕЛЬские дела» были сформированы по именам и содержали в себе переписку, отчеты, «списки собранных коллекций и дополнительные к ним сведения (зарисовки, черновые чертежи, указания на бытовое значение предметов)». Там же хранилась «текущая переписка по делам, связанным с движением коллекций (о передаче в другие учреждения и пр.), с научной и политико-просветительской деятельностью отдела, протоколы заседаний Совета отдела и различных комиссий»¹⁵.

В 1934 г. Этнографический отдел Русского музея стал самостоятельным Государственным музеем этнографии (ГМЭ). В связи с этим была осознана необходимость систематизации делопроизводственных документов и научных материалов, а главное – оформления архива в качестве отдельного подразделения музея. Была учреждена должность заведующего научным архивом, в октябре 1935 г. на нее был назначен Андрей Григорьевич Данилин¹⁶. В своем отчете

за 1935 г. он писал: «Работы по организации научного архива начались со сбора и приведения в порядок разнообразного архивного материала, ранее разбросанного по всем помещениям музея (до отделения Г.М.Э. от Гос. Русского музея). В настоящее время архив имеет первичную опись с краткими аннотациями и указанием мест нахождения материалов, сконцентрированных в определенном помещении»¹⁷.

В 1938 г. архив получает новое помещение¹⁸. Следующей задачей А.Г. Данилина стал разбор фонда «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, поступившего в музей еще в 1904 г.¹⁹. Переговоры о передаче материалов «Этнографического бюро» начались в конце 1903 г., когда княгиня М.К. Тенишева обратилась через своего поверенного к товарищу управляющего Русским музеем графу Д.И. Толстому²⁰. Материалы представляли собой рукописи, присланные корреспондентами бюро в 1897–1900 гг. из двадцати трех губерний Европейской России, и содержали уникальные сведения о социально-культурной жизни русских крестьян на рубеже XIX–XX вв. К 1938 г. А.Г. Данилин составил «Аннотированный указатель к архивным материалам Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева» («рукопись 10 п[ечатных] л[истов]»),

Ю.В. Кнорозов и А.А. Дмитриев за реставрацией музыкальных инструментов.
1948–1949. РЭМ, ИМ 2-11

намеченный музеем к изданию²¹, которое, однако, не состоялось. В 1939 г. он продолжал работу над разбором и описанием фонда «Этнографического бюро»²².

Во время Великой Отечественной войны работа по систематизации и описанию фондов архива была приостановлена. В 1942 г. А.Г. Данилин умер в блокадном Ленинграде. И только в 1952 г. научный архив снова появляется в отчетах музея: «Система хранения архива в период войны была нарушена. Для того чтобы привести в надлежащий порядок, главным образом, документацию, связанную с коллекциями Музея, был выделен научный сотрудник отдела Средней Азии Ю.В. Кнорозов»²³. Он занимался частичной обработкой архива, совмещая ее с работой в отделе. К 1953 г. «тов[арищу] Кнорозову удалось провести первичную обработку архива, т.е. разобрать архивные документы по тематике. В настоящее время архив разобран на разделы: 1. Коллекционные описи в виде рукописей (оригиналов). 2. Архив экспозиций и экспедиций. 3. Архив Русского Этнографического бюро Тенишева В.Н. 4. Личные дела соби-

рателей экспонатов. 5. Архив б[ывшей] еврейской секции»²⁴. После ухода Ю.В. Кнорозова из музея в 1953 г. ведение научным архивом было поручено ученому секретарю П.И. Каралькину.

Особенностью комплектования рукописного собрания музея до 1953 г. было наличие нескольких центров сосредоточения материалов: канцелярия, научные отделы, научный архив (с 1935 г.) и библиотека музея. О рукописном собрании библиотеки необходимо сказать подробно.

Библиотека Этнографического отдела Русского музея начинает формироваться уже с первых лет его существования²⁵. В конце 1901 г., по поручению управляющего музеем великого князя Георгия Михайловича, один из хранителей Этнографического отдела, Евгений Александрович Ляцкий, начинает работу над списком «сочинений и пособий, необходимых и желательных для приобретения в будущую библиотеку». На заседании Совета Этнографического отдела 15 декабря 1901 г. он ставит вопрос о финансировании работы библиотеки. Совет принимает решение о выделении с 1 января

1902 г. ежегодно суммы в три тысячи рублей на закупку книг и работу по регистрации поступлений «из имеющих быть ассигнованными <...> сорока тысяч рублей на составление этнографических коллекций»²⁶. Вскоре, однако, в связи с разъяснениями Е.А. Ляцкого о том, что издания необходимой тематики по большей части редки и «антикварны», сумму увеличивают до пяти тысяч²⁷. На заседании Совета Этнографического отдела 9 марта 1902 г. товарищ управляющего музеем граф Дмитрий Иванович Толстой поднял вопрос об организации деятельности библиотеки и ее статусе: «...будет ли в Музее одна общая библиотека для всех отделов, или же библиотека Этнографического отдела будет составлять самостоятельное целое и находиться под наблюдением отдельного лица? Было решено, что библиотека должна быть самостоятельной и находиться под заведованием лица, ответственного перед отделом»²⁸. Это, безусловно, прежде всего, определило состав ее фондов – библиотека до сегодняшнего дня является уникальным специализированным собранием изданий по этнографии, истории, культуре народов, населявших Российскую империю.

Первыми источниками пополнения библиотеки были закупки у букинистов. В документах встречаются упоминания об оплате по счетам петербургских книготорговцев Сергея Петровича Трусова, Василия Ивановича Ключкова, частыми были приобретения в магазинах «Товарищества Вольфа». Е.А. Ляцкий ездил в командировки, в частности – в Москву, «для ознакомления с корреспондентами и приобретения книг» «антикварного характера»²⁹. Не меньшее количество книг было пожертвовано из личных собраний. Внесли свой вклад также библиотеки, научные общества и музеи: из Императорской Публичной библиотеки в апреле 1902 г. поступило свыше 60 изданий, поступали дары от Академии наук, Императорского Московского археологического общества, Московского Публичного и Румянцевского музеев, Московского университета.

Одновременно с формированием книжного фонда библиотекой велась работа по собиранию рукописей. 14 февраля 1904 г. на очередном заседании Совета Этнографического отдела Е.А. Ляцкий поднимает вопрос «в принципе» о желательности приобретения в библиотеку таких рукописных документов, как «травники, сонники и т.п.» Совет постановил: «Признать покупку означенных рукописных материалов, имеющих большой этнографический интерес, очень желательной»³⁰. Сразу же начинается пополнение собрания: в библиотеку поступают старообрядческие сборники духовных стихов

конца XIX в., сборники апокрифов (XVIII и XIX вв.), «Сказание о хмеле», рукописный «Брюсов календарь», «Книга как Христос крестил младенца», «Сказание о царе Александре Македонском» и другие рукописи, большая часть которых была привезена Е.А. Ляцким из экспедиции или приобретена через сеть его корреспондентов³¹.

Приобретались рукописи и у книгопродавцев, через печатные каталоги. Так, в 1909 г. у П. Шибанова была куплена рукопись, озаглавленная «География Плиниев в третьей, четвертой, пятой и шестой его книгах заключающаяся; из латинской печатной в базилией 1525 году переведена Кирияком Кондратовичем в Екатеринбурге 1738 году в феврале месяце»³². Эта рукопись – перевод на русский язык части труда римского писателя Плиния Старшего «Естественная история», сделанный переводчиком Академии наук К.А. Кондратовичем для

П.И. Каралькин. 1960–1970-е гг. РЭМ, ИМ9-174

В.Н. Татищева, который использовал сведения Плиния в работе над «Историей Российской». Вероятно, сотрудники библиотеки Этнографического отдела обратили внимание на «Географию Плинию» не столько из-за ее археографической редкости, сколько потому, что она является энциклопедией сведений, собранных античной наукой к началу н.э. о народах Европы, Азии, Африки. Труд Плиния в Европе многократно переиздавался на латыни, но в начале XX в. перевода на русский язык опубликовано не было. Несмотря на то, что сведения о рукописи перевода К.А. Кондратовича были опубликованы в каталоге П. Шибанова, а сама она хранилась в библиотеке, а затем – в архиве, доступ к которым был открыт для исследователей, в книговедческой среде рукопись долгое время считалась утраченной³³.

С самого начала работы Этнографического отдела фонды его библиотеки пополнялись научными материалами сотрудников и корреспондентов музея, а также ученых, решивших по тем или иным причинам передать свои рукописи в музей. Первым подобным комплексом документов стал архив Александра Николаевича Пыпина. 22 декабря 1901 г. Е.А. Ляцкий довел до сведения Совета ЭО «о намерении академика А.Н. Пыпина пожертвовать собранные им ценные библиографические материалы по этнографии на условиях дальнейшей обработки их под наблюдением этнографического отдела Русского Музея». Сам А.Н. Пыпин так описал предлагаемые музею рукописи и условия их передачи: «В восьмидесятых годах, в течение моих работ по истории русской этнографии <...>, у меня накопилась большая масса библиографических заметок, относящихся к этому предмету. Эти заметки накопились у меня с давних пор, и тогда были собраны вместе и сильно размножены. В конце своей книги я думал объединить этот библиографический материал в виде «Библиографического указателя литературы русской этнографии». К сожалению, у меня не нашлось досуга довести это дело до конца, так как вскоре после того, я предпринял новую работу, очень сложную (История русской литературы), а вслед за тем другую также весьма сложную – издание сочинений имп. Екатерины II. Не предвидя в настоящую минуту возможности и досуга привести к концу начатый мною «Библиографический указатель литературы русской этнографии» – так как моя нынешняя работа требует не мало времени, – и вместе с тем, дорожа «Указателем», какого в нашей литературе пока не существует, и который, по моему мнению, может с большой пользой послужить для изучающих этот предмет, и, наконец, что при

учреждаемом ныне Русском этнографическом музее предполагается возможность научных работ, я готов был бы предоставить Музею собранные мною материалы «Библиографического указателя», при условии, если действительно будут установлены в Музее упомянутые научные работы и мои материалы могли бы быть пополнены новыми данными и таким образом приведены к концу и изданы <...> Если бы Этнографический музей нашел возможность принять мою работу для ее окончания и издания, я готов передать ее теперь же в распоряжение музея, и был бы душевно рад, если бы моя работа увидела свет в законченном виде и могла послужить делу русской науки при начале музея, в котором видится мне новое великое учреждение на пользу русского просвещения»³⁵. Материалы А.Н. Пыпина «в виду капитальной важности такого указателя, как для Музея, так и для русской науки вообще»³⁶ были приняты на предложенных условиях. Совет ЭО поручил работу по подготовке публикации «Библиографии» Е.А. Ляцкому, который должен был «обратиться к содействию гг. А.Н. Пыпина, Соболевского, К.П. Залемана и А.А. Шахматова для выработки плана вышеупомянутого издания»³⁷. Для работы по разбору «Библиографии» А.Н. Пыпин предложил кандидатуру П.П. Цитовича, с чем Совет ЭО согласился³⁸. В 1903 г. «ввиду необходимости приступить к подготовке издания библиографии» из сумм издательского капитала было ассигновано две тысячи рублей³⁹, а Е.А. Ляцкий сообщал в Совете ЭО, что «к приведению в порядок библиографии» приступили «библиографы» Иван Андреевич Кубасов и Сергей Александрович Князьков⁴⁰. В 1904 г. первый отдел «Библиографии» был готов к печати⁴¹. Однако дальнейшая работа над публикацией замедлилась, а затем была свернута. Были отпечатаны разделы: «Общие вопросы. Начало этнографических исследований русского народа»⁴² и «Указатели»⁴³. В Архиве РЭМ хранится «Дело по изданию указателя русской этнографической литературы по материалам, пожертвованным Русскому Музею Александра III академиком А.Н. Пыпиным», в котором собраны документы по истории подготовки к изданию «Библиографии»⁴⁴. После смерти А.Н. Пыпина (1904) его наследники передали в 1906 г. в библиотеку ЭО еще несколько рукописей: письма, а также материалы других лиц, связанных с А.Н. Пыпиным⁴⁵. Эти документы были переданы из библиотеки в архив в 1953 г.

Материалы А.Н. Пыпина сейчас составляют отдельный фонд (Фонд 4), документы в котором организованы по разделам: I. Библиография по этнографии губерний России (Д. 1–48), II.

Библиография по этнографии, истории, географии отдельных областей и краев России (Д. 49–63), III. Библиография по этнографии, истории и быту русских и других народов России (Д. 64–94), IV. Разные материалы работы над библиографией по истории и этнографии (Д. 95–98) и V. Письма (Д. 99–102). Документы представляют собой листы бумаги с наклеенными на них небольшими библиографическими карточками, так, как описывал их А.Н. Пыпин в 1902 г.: «Карточки, приведенные в систему, наклеены на листах»⁴⁶.

Часто рукописи поступали в библиотеку непосредственно от авторов или, как значится в инвентарной книге, «из Этнографического отдела». Например, в 1909 г. поступили, среди прочих: альбом зарисовок крестьянского жилища и хозяйственных построек в Вологодской губернии, сделанный А.К. Погосской⁴⁷; очерк В.К. Костко «Крестьянское жилище Игуменского уезда Минской губернии»⁴⁸; очерк князя Н.И. Аматауни «Обработка кожи в Ширазе»⁴⁹; отчет С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию⁵⁰. В 1911 г. – рукописные материалы Н.М. Могилянского⁵¹, Ф.К. Волкова⁵², А.А. Миллера⁵³, С.И. Руденко⁵⁴, Н.М. Репникова⁵⁵ и др. В 1921–1922 гг. в библиотеку музея поступило книжное и рукописное собрание великого князя Георгия Михайловича, в том числе, например, рукопись «Айдар – сильный богатырь (башкирская повесть)»⁵⁶, «Опись № 2 Государственного Древлехранилища. Медали. Копия с рукописи Эрмитажа»⁵⁷, рукопись Н.Н. Муравьева «Дополнение к описанию древней новгородской серебряной гривны...» (1826)⁵⁸ и некоторые другие рукописи по нумизматике.

В 1947 г. из «отдела временного хранения» в библиотеку поступил архив М.Н. Хангалова, содержащий материалы по этнографии бурят⁵⁹.

Тогда же, в 1947–1948 гг., передача на хранение отчетов сотрудников об экспедициях и научных командировках стала производиться не самими авторами, а через посредство ученого секретаря музея⁶⁰.

Поступления рукописных материалов в библиотеку продолжались до 1952 г. Для их регистрации, помимо записи в Инвентарной книге, в библиотеке была заведена специальная Шифровая книга «Рукописи», до 1952 г. в нее было внесено 114 номеров. В 1953 г. большая часть рукописного собрания библиотеки была передана на хранение в научный архив, в историю которого начался новый этап. Постепенно было упорядочено поступление внутримuseumных документов, началась работа по фондированию документов. Складывалась современная структура архива, включающая делопроизводственную часть (документы канцелярии, бухгалтерии, отдела кадров); научную часть (отчеты, материалы конференций и совещаний, рукописи научных трудов сотрудников); личные фонды сотрудников и корреспондентов музея (первое поступление – фонд А.Н. Пыпина); фонды учреждений (первое поступление – фонд Этнографического бюро князя В.Н. Татищева); тематические коллекции рукописей, отражающих культуру и быт различных народов (первое поступление – коллекция старообрядческих рукописей, собранная Е.А. Ляцким). Комплектование архива после 1950-х гг. в целом шло в соответствии с этой структурой и требует дальнейшего исследования. В 1960–1970-е гг. рукописные материалы музея были систематизированы и описаны согласно существовавшим на тот момент архивным правилам. Сформированная в это время система фондов и описей существует до настоящего времени.

¹ Первым заведующим научным архивом музея А.Г. Данилиным в 1937 г. была подготовлена статья «Научный архив ГМЭ» («в 2 печатных л[иста]») (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 14), однако на настоящий момент выявить рукопись не удалось.

² Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. – М., 1997. – С. 733–775; Первак В.Э. Собрание рукописей // Российский этнографический музей. 1902–2002. – СПб., 2001. – С. 215–217.

³ Чувьуров А.А. Старообрядческие религиозные книги и рукописи в собрании Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. – № 1. – 2012. – С. 130–143.

⁴ Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1900 год. – С. 3.

⁵ Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1901 год. – С. 3.

⁶ Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1902 год. – С. 1.

⁷ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 12 об. – 13; Л. 15 об. – 16.

⁸ Там же. – Л. 23 об. – 24.

⁹ Там же. – Л. 29 – 29 об.

¹⁰ Там же. – Л. 58–58 об.

¹¹ Там же. – Л. 59 об.

¹² Там же. – Л. 68 об.

¹³ Там же. – Л. 71 об. – 74 об.

¹⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11а. Л. 4–4 об.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 35.

¹⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 39.¹⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 153, 154.¹⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 658. Отчет о работе музея за 1938 г. Л. 91 об.¹⁹ Материалы Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева сейчас составляют отдельный фонд (Фонд 7. Описи 1, 2).²⁰ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 99.²¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 14.²² Там же. – Л. 39 об.²³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1095. Л. 8.²⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1131. Л. 3.²⁵ Обзор коллекций библиотеки см.: Нестерова В.В. Книжный фонд // Российский этнографический музей. 1902–2002. – СПб., 2001. – С. 212–214.²⁶ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13 Л. 6 об.²⁷ Там же. – Л. 9 об – 10.²⁸ Там же. – Л. 32 об.²⁹ Там же. – Л. 33.³⁰ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.³¹ Инвентарная книга библиотеки Этнографического отдела Русского Музея (далее – ЭО РМ). Т. II. Л. 145 об – 146; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 1–3. Подробное описание см.: Чувьуров А.А. Старообрядческие религиозные книги. Указ. соч.³² Антикварная книжная торговля П. Шибанова. Библиотека М.Н. Кречетникова и другие новые приобретения. – М., 1909. – С. 7; Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. III. Л. 459; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 10; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Опись рукописных книг. № 22.³³ Копанева А.Н. «География Плиниева» в переводе К. Кондратовича в архиве Российского этнографического музея // Третьи Лупповские чтения. Доклады и сообщения. – СПб., 2011. – С. 123–127.³⁴ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 9 об.³⁵ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.³⁶ Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1902 год. – С. 16.³⁷ Там же.³⁸ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–18 об.³⁹ Там же. – Л. 81.⁴⁰ Там же. – Л. 83.⁴¹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 3 об. – 4.⁴² Пыпин А.Н. Указатель этнографической литературы. – Б.м., Б.д. – С. 1–13.⁴³ Там же. – С. 14–32.⁴⁴ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.⁴⁵ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. II. Л. 323 об.; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 5.⁴⁶ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.⁴⁷ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. III. Л. 443 об.; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 6; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 478.⁴⁸ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. III. Л. 451 об.; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 9; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 352.⁴⁹ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. III. Л. 452; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 9; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10.⁵⁰ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. III. Л. 452; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 9; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 247.⁵¹ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. IV. Л. 54; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 12; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 421.⁵² Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. IV. Л. 54; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 12; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 76.⁵³ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. IV. Л. 55; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 13; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 405.⁵⁴ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. IV. Л. 55; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 13; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 496.⁵⁵ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. IV. Л. 119; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 15; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 494, 495.⁵⁶ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. VII. – С. 130, 131; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 13; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Опись рукописных книг. № 23.⁵⁷ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. VII. – С. 178, 179; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 17; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Опись рукописных книг. № 29.⁵⁸ Инвентарная книга библиотеки ЭО РМ. Т. VII. – С. 206, 207; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 17; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Опись рукописных книг. № 24.⁵⁹ Инвентарная книга библиотеки Государственного музея этнографии. Т. XIV. Л. 121; Шифровая книга V. Рукописи. – С. 23; место хранения в настоящее время: АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 650–696.⁶⁰ Инвентарная книга библиотеки Государственного музея этнографии. Т. XIV. Л. 125, 129.

Вклад в этнографию: экспедиция, рукопись и музейные коллекции

К публикации рукописи Николая Ивановича Кирмидчи (Кирмикчи) «Жилища южной части Бессарабской губернии»¹

АЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА МИХАЙЛОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии
народов Белоруссии, Украины, Молдавии
e-mail: alena-muzej@yandex.ru

Рукопись бессарабского болгарина, студента Санкт-Петербургского Императорского университета Н.И. Кирмидчи «Жилища южной части Бессарабской губернии» стала результатом его экспедиции по 55 селам Южной Бессарабии в 1910 г., куда он отправился по заданию Русского музея с целью сбора экспонатов по этнографии народов этого региона. В рукописи отображены этнографические наблюдения особенностей традиционного жилища у болгар, молдаван, гагаузов, украинцев, липован, албанцев и немцев. Научный руководитель студента, известный этнограф Ф.К. Волков, в рецензии к работе справедливо отметил, что на тот момент данная тема была почти не изучена. Настоящая публикация рукописи освещает важный этап в становлении научного интереса к полиэтничной Бессарабии, расширяет круг источников для ее изучения и воссоздает историко-культурный контекст бытования собранных Н.И. Кирмидчи музейных этнографических коллекций.

Ключевые слова: этнографический источник, болгары-переселенцы, традиционное жилище, Бессарабия, музейные коллекции, экспедиция.

UDC 39

A Contribution to Ethnographic Studies: Expedition, Manuscript, Museum Collections

On the Publication of Nikolai Ivanovich Kirmidchi's Manuscript Entitled Dwellings in the Southern Part of the Bessarabia Gubernia

ALENA A. MIKHAYLOVA, Ph.D. (History)

The Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg
Senior Researcher, Department of Ethnography of Belarus, Ukraine and Moldova
e-mail: alena-muzej@yandex.ru

The manuscript by the Bessarabian Bulgarian N.I. Kirmidchi, who was a student of St. Petersburg Imperial University, resulted from his 1910 expeditions to 55 villages in Southern Bessarabia, where he had been dispatched by the Russian Museum to collect ethnographic monuments pertaining to the peoples inhabiting the area. The paper contains ethnographic observations with regard to the traditional dwellings peculiar to the local Bulgarians, Moldavians, Gagauzes, Ukrainians, Lipovans, Albanians and Germans. The student's academic supervisor, famous ethnographer F.K. Volkov, justly remarked in his assessment of the paper that its subject matter had been practically unexplored by that time. This publication of the manuscript sheds light on an important stage in the emergence of scholarly interest in poly-ethnic Bessarabia and widens the range of sources for its study, apart from recreating the ethnic and historical context of the collecting work that yielded the Museum's collections for this area.

Key words: ethnographic source, settlers from Bulgaria, traditional dwelling, Bessarabia, museum collections, expedition.

Обращаясь к истории формирования коллекций Российского этнографического музея, одними из первых вспоминаются фамилии таких выдающихся этнографов начала XX в., как Н.М. Могиланский, А.А. Миллер, А.К. Сержпутовский, Ф.К. Волков и других, кто за годы своей работы в музее не только существенно пополнил его собрание привезенными из экспедиций предметами, но и способствовал накоплению фактологических знаний по этнографии народов Российской империи². В то же время известно, что многие ценные материалы и артефакты были переданы в музей не только крупными учеными, но и увлеченными этнографией людьми, сотрудничавшими с музеем. Среди них особая роль принадлежит студентам Санкт-Петербургского Императорского университета.

Привлечение студентов к комплектованию коллекций имело особый успех в период 1906–1914 гг., когда ученый антрополог с мировым именем Ф.К. Волков совмещал курирование научно-экспедиционного изучения Юго-Западных губерний Российской империи в Этнографическом отделе Русского музея императора Александра III с преподаванием этнографии, анатомической и доисторической антропологии в Санкт-Петербургском Императорском университете³. Одним из приоритетных направлений в организованной им научной и собирательской работе было изучение и фиксация традиционной культуры южных славян. В этот период, в частности, его студентами, уроженцем Полтавской губернии А.З. Носовым и черногорским подданным М.М. Меденицей, для ЭО были собраны ценнейшие вещевые и фотографические коллекции по традиционной культуре сербов и черногорцев (РЭМ, колл. 1017, 2516, 2666, 2961). Другой студент, Н.И. Кирмидчи, по происхождению бессарабский болгарин⁴, в 1910–1913 гг. приобрел для музея предметы по этнографии болгар и молдаван Бессарабской губернии (РЭМ, колл. 2943, 3 предмета; 2944, 12 предметов), а также румын Королевства Румынии (РЭМ, колл. 2942, 59 предметов). Некоторые коллекции были приобретены студентами во время каникул, проводимых ими в родных местах. Сопричастность этнокультурной среде, которую они представляли через памятники традиционного быта, мотивировала их подбирать наиболее выразительные образцы для музейных коллекций. Впоследствии им предоставлялась возможность самим составить описи к коллекциям, что позволяло не упустить из виду важные нюансы бытования этих памятников в традиционной культуре.

О высоком уровне экспедиционной подготовки студентов свидетельствуют полевые

записи и отчеты, некоторые из которых даже были опубликованы⁵. Свои экспедиционные наблюдения они использовали также и для написания квалификационных работ в университете. В настоящее время, по прошествии уже более ста лет, кардинально изменивших этнокультурный ландшафт Юго-Восточной Европы, сохранившиеся в архивах студенческие работы можно рассматривать уже не только как продукт образовательного процесса, но и как ценные историко-этнографические свидетельства об описанных ими территориях и населении.

К подобного рода памятникам относится студенческая работа Н.И. Кирмидчи «Жилища южной части Бессарабской губернии», написанная им в 1913 г. под научным руководством Ф.К. Волкова⁶. Жанр рукописи можно определить как бытоописательное эссе, поскольку она не содержит в себе строгих научно-теоретических построений. В основе работы – личные наблюдения автора за особенностями сельской застройки у различных этнических групп южной части Бессарабии. Поскольку сам Н.И. Кирмидчи был родом из этой местности, многие практические нюансы этой сферы ему были хорошо знакомы, а потому описаны в мельчайших подробностях. Это обстоятельство придает работе особую ценность как этнографическому источнику о традиционном жилище болгар-переселенцев и других народов Бессарабии начала XX в.

Свое эссе Н.И. Кирмидчи написал по результатам экспедиции, в которую его направил Этнографический отдел Русского музея императора Александра III в 1910 г. В отчете отдела, в частности, сообщается: «Н.И. Кирмидчи объехал малорусские, болгарские и гагаузские села, где обратил особое внимание на местные постройки и домашнюю утварь и собрал довольно большое количество образцов местных тканей, вышивок и одежды»⁷. Таким образом, поездка по заданию музея и написание работы, посвященной бессарабскому жилищу, являются элементами единого практического опыта и демонстрируют тот целостный подход к изучению традиционной культуры, который Ф.К. Волков прививал своим студентам.

Этнографические коллекции, собранные Н.И. Кирмидчи в Южной Бессарабии, представлены преимущественно домашним текстилем и утварью. Они демонстрируют разнообразие традиционных материалов, техник тканей, приемов рукоделия, орнаментальных мотивов и обрядового предназначения предметов, изготовленных в традиционном быту болгар и молдаван конца XIX – начала XX в. Идея единства культурного ареала и в то же время его поли-

этнической пестроты проходит связующей нитью и через рукопись Н.И. Кирмидчи о традиционном жилище. Ее содержание позволяет восстановить тот историко-культурный контекст, в котором бытовали предметы, вошедшие в собрание Российского этнографического музея как памятники традиционной культуры народов Южной Бессарабии.

Публикация рукописи также преследует целью введение в оборот источника, содержащего этнографические, лингвистические, топографические и другие сведения, важные для изучения истории и культуры народов Бессарабии, актуальные в контексте современных этнополитических тенденций. К сожалению, работа Н.И. Кирмидчи сохранилась не полностью. Ее текст занимает 118 тетрадных листов, после чего обрывается. Утрачены также чертежи планировок, прилагавшиеся к работе. Однако в основной части рукописи автор настолько подробно описывает рассматриваемые им явления, что составить о них представление оказывается возможным и без иллюстративного материала. Отсутствие заключительной части также компенсируется обилием деталей в основном повествовании, благодаря чему тема исследования оказывается раскрытой.

В работе студента Н.И. Кирмидчи встречаются пометы, сделанные рукой Ф.К. Волкова, содержащие стилистические замечания. Эти пометы свидетельствуют о педагогическом почерке выдающегося ученого: судя по характеру исправлений, Ф.К. Волков старался максимально сохранить в работе своего ученика его авторское видение проблематики. Не вмешиваясь в содержательную часть работы, он оставлял за собой право предложить ученику более удачные обороты для формулировки некоторых идей. Этот нюанс представляется важным, поскольку интегрированные педагогические методы Ф.К. Волкова позволили ему воспитать целую плеяду профессиональных этнологов, и этот успех стал предметом для изучения феномена «школы Волкова» в специальных исследованиях⁸. Большинство помет Ф.К. Волкова не вошли в публикацию, поскольку по существу не меняют изложенные в исходном тексте идеи. Вместе с тем, было сочтено уместным оставить его преамбулу и некоторые подзаголовки, справедливо предложенные им для удержания структуры повествования.

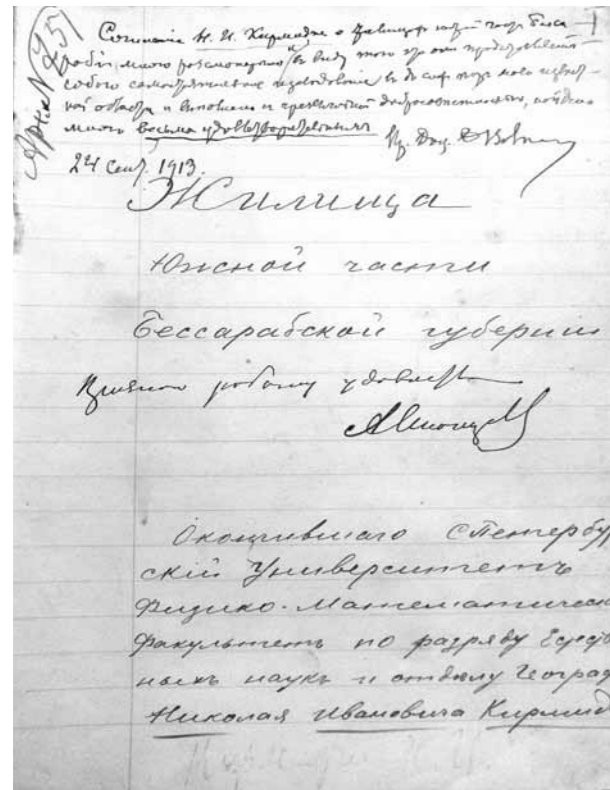
Свою работу Н.И. Кирмидчи начинает с выделения двух основных типов бессарабских сел, отмечая их различия в планировке и способах встраивания в ландшафт. Он отмечает, что несмотря на общее сходство крестьянских дворов в крае, они имеют специфические черты,

Н.И. Кирмидчи. Фотография из личного дела ЦГИА Ф. 14. Оп. 3. Д. 44472. Л. 12

обусловленные этнической принадлежностью своих хозяев. Из сравнительных наблюдений автора видно, что разные народы Бессарабии имели разные подходы к строительству и разные эстетические представления и экономические возможности. Эти факторы автор связывает с колониальным характером заселения Бессарабии. В частности, анализируя особенности болгарского и гагаузского жилища, он обнаруживает в них элементы, выдающие горный характер ландшафта прародины этих народов.

Отдельное внимание в работе Н.И. Кирмидчи фокусируется на проблеме строительных техник и материалов, отмечается процесс постепенного вытеснения традиционных материалов более современными. В частности, вместо использовавшегося в прежние времена для застила кровли натурального материала – камыша, в начале XX в. стала все чаще применяться марсельская черепица. Автор детально повествует об устройстве печей, отмечая их вариативность у разных этнических групп. Много внимания он уделяет входным конструкциям – дверям, проемам, крыльцу. В рукописи приводится и характеристика наиболее распространенных типов внутренней планировки дома, затрагивается проблема интерьерного

Первый лист рукописи Н.И. Кирмидчи
«Жилища южной части Бессарабской губ».
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 8. Д. 751. Л. 1

обустройства жилища. В частности, автор свидетельствует о сохранении в интерьере многих элементов традиционного быта, например, использование в болгарских домах низкого круглого столика для еды. В качестве общего для всех народов региона элемента внутреннего обустройства жилища Н.И. Кирмидчи выделяет так называемое «бессарабское ложе» – единое для всей семьи спальное место у печи. Работа также ценна использованием в ней различной терминологии из языков народов Бессарабии, иллюстрирующей поликультурный этнический ландшафт этого края.

Рукопись обрывается на описании надворных построек и связанных с ними хозяйственно-бытовых особенностей. По всей видимости, раскрытием этой темы автор и завершал свое исследование бессарабского жилища. Однако содержание работы не ограничивается лишь детальными характеристиками основных типов жилища, дворов, улиц и сел. В ней встречаются и другие ценные сведения, например, топонимический нарратив о селе Фонтына-Дзинилор, статистические сведения о численности насе-

ления в селах, упоминаются некоторые динамические процессы, такие как увеличение в начале XX в. числа болгарских сел за счет скупки бывших помещичьих земель.

Принадлежность автора к описываемой им культуре придает работе характер свидетельства информанта. Так, Н.И. Кирмидчи приводит субъективное видение внутренней иерархии в семье бессарабских народов. В частности, он пишет, что наиболее «аккуратными и правильными» являются немецкие двory, потом болгарские, затем гагаузские и албанские, за ними молдавские и великорусские и лишь в конце молдавские, имеющие «довольно печальный вид». Помимо вышеназванных народов, в рукописи также встречается краткое упоминание о липованах (русских староверах). Всего за время экспедиции Н.И. Кирмидчи объехал 55 сел, приведя в работе названия 10 из них. Он упомянул свое родное село Чишме-Варуита, другие болгарские села – Вайсал, Карагач, болгаро-молдавское село Шикирликитай, гагаузские села Балбаки, Курчи, украинские – Шаганы, Золотары, украинско-казакское село Тропюкло и село со смешанным населением Фонтыну-Дзинилор. В этой связи следует отметить, что среди экспонатов, которые Н.И. Кирмидчи собрал для этнографического музея, наибольшее число было приобретено в селе Чишме-Варуита, а несколько предметов поступило в собрание из сел Шикирли-Китай и Колибаш.

В селе Колибаш Измаильского уезда Бессарабской губернии народным учителем работал отец Н.И. Кирмидчи. Сам же Николай Иванович родился в селе Чишме-Варуита в 1885 г. Происхождение из семьи образованного поселенца во многом предопределило его судьбу. В 1895 г. юноша поступил в мужскую гимназию в г. Болграде, центре культурной жизни болгарских колонистов в Бессарабии. Окончив ее в 1905 г., он отправился в Санкт-Петербург, где поступил в Императорский университет на специальность «География» естественного отделения физико-математического факультета. В 1906 г. он вступил в географический кружок, организованный при университете⁹. В кружок также входили такие яркие личности, как Д.Д. Руднев, Л.С. Багров, С.И. Руденко¹⁰. Члены кружка принимали участие в экскурсиях, экспедициях, практических занятиях. Таким образом, среда, в которую попал Н.И. Кирмидчи, предопределила круг его научных интересов.

В столице Н.И. Кирмидчи пользовался поддержкой своего дяди, известного петербургского архитектора Н.Н. Щербина-Крамаренко (1863–1913). Отец Н.Н. Щербина-Крамаренко был родом из болгарского села Новые Трояны

в Южной Бессарабии, то есть являлся земляком Н.И. Кирмидчи. В сопроводительном письме в университет Н.Н. Щербина-Крамаренко заверил ректора, что готов взять на себя материальное обеспечение племянника и отвечать за его воспитание¹¹. Известно, что архитектор имел большой опыт участия в научных экспедициях в Центральную и Среднюю Азию, а также в Юго-Западные губернии Российской империи, где изучал архитектурные традиции и осуществлял их художественную и фотографическую фиксацию. В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и в Институте истории материальной культуры РАН хранятся сделанные им фотографии, иллюстративные материалы и привезенные из поездок ценные этнографические памятники¹². По всей видимости, опыт знаменитого дяди и повлиял на выбор Н.И. Кирмидчи исследовательской темы, посвященной традиционному жилищу.

В 1912 г. Н.И. Кирмидчи сдал в университете выпускные экзамены. Поскольку рукопись была проверена Ф.К. Волковым 24 сентября 1913 г., можно предположить, что она являлась его заключительной работой, то есть дипломной. Из личного дела студента следует, что уже в октябре 1913 г. он числился помощником классных наставников в Колпинском реальном училище, куда, по всей видимости, устроился сразу по окончании учебы в университете. О дальнейшей судьбе молодого человека известно лишь то, что во время Первой мировой войны он служил прапорщиком, был ранен и помещен в военный госпиталь, о чем сообщалось в газетной сводке¹³. К сожалению, более полных биографических сведений о Н.И. Кирмидчи пока собрать не удалось. Можно лишь предполагать, что война и последовавший за ней политический перелом не позволили ему в полной мере реализовать приобретенные им за время учебы в университете навыки исследовательской и музейной работы.

Архивные материалы свидетельствуют, что активной этнографической работе Н.И. Кирмидчи посвятил три года (1910–1913), однако за этот непродолжительный период ему удалось сделать свой скромный, но важный вклад в формирование комплекса этнографических источников по традиционной культуре болгар, молдаван, румын и других народов Бессарабии. В этой связи важно отметить, что в целом за XIX и начало XX в. систематических знаний по этнографии этого региона было накоплено сравнительно немного, главным образом они были представлены статистическо-географическими обзорными трудами¹⁴. Тематические этнографические исследования в этой области стали

появляться преимущественно во второй половине XX в., чему способствовали многочисленные экспедиции МГУ и ИЭ АН СССР в 1950–1970-х гг. Именно в эти годы тема традиционного жилища народов Бессарабии обрела должное внимание со стороны исследователей¹⁵. Однако ко второй половине XX в. вследствие исторических событий и общих модернизационных процессов этнокультурный ландшафт претерпел существенные трансформации и утратил многие черты доиндустриальной эпохи. Таким образом, рукопись «Жилища южной части Бессарабской губернии» позволяет воссоздать максимально близкую к исторической действительности картину традиционной жизни населения этого региона и соотнести с ней хронологически коррелирующие этнографические коллекции. Такой подход обеспечивает следование принципам комплексного изучения этномузеологического наследия и его корректную контекстную интерпретацию в XXI в.

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТА

Рукопись занимает одну разлинованную тетрадь без обложки, с несколькими утраченными последними листами. Авторский текст публикуется без купюр в его первоначальном виде. Вмешательство в текст при подготовке его к публикации было минимальным: текст набран в современной графике, исправлены явные орфографические и пунктуационные ошибки. Все археографические комментарии заключены в квадратные скобки и вынесены за текст. Для удобства работы с текстом в него добавлены подзаголовки, также заключенные в квадратные скобки. В результате выделения тематических частей, работа получила следующее содержание:

- [Типы сел, их особенности и население];
- [Расположение дворов, домов и надворных построек];
- [Строительные техники и материалы];
- [Стены];
- [Крыша];
- [Сараи и амбары];
- Печи и трубы [подзаголовок предложен Ф.К. Волковым];
- Главный дом [подзаголовок имеется в оригинале рукописи];
- Призба [подзаголовок предложен Ф.К. Волковым];
- [Внутренняя планировка];
- [Сени];
- [Комнаты];
- [Кухня];
- [Надворные постройки].

¹ В архивных документах в равной степени встречаются два варианта написания фамилии, в том числе и в автографе самого Н.И. Кирмидчи. Зачетная книжка, например, сперва была выписана на фамилию «Кирмикчи», а впоследствии исправлена на «Кирмидчи» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44472. Л. 13). В другом документе встречается такая подпись: «за студента Н. Кирмикчи отец его И. Кирмидчи» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44472. Л. 42).

² Материалы по этнографии России. – Т. 1–2. – СПб., 1910–1913.

³ Черунова Н.К. Ф.К. Волков и его работа по комплектованию коллекций Этнографического Отдела Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). – СПб., 1992. – С. 52–61.

⁴ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44472. Л. 30.

⁵ Носов А.З. К антропологии сербов Королевства // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. – Т. IV. – СПб., 1913. – С. 123–125; Носов А.З. К антропологии монголо-халхасцев // Там же. – Т. V. – СПб., 1914. – С. 198–215.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 8. Д. 751. Кирмидчи Н.И. Жилища южной части Бессарабской губ. (118 л.).

⁷ Отчет Этнографического отдела Русского музея императора Александра III за 1910 г. – СПб., 1912. – С. 7, 8.

⁸ Ивановская Н.И. Профессиональная социализация студентов Санкт-Петербургского университета в семинаре Ф.К. Волкова в 1907–1917 гг. // Феномен социализации в этнической культуре: материалы XI Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб., 2012. – С. 134–140; Тихонов И.Л.

Ф.К. Волков в Санкт-Петербурге // Археологія і давня історія України. – Вип. 9. Історія археології: дослідники та наукові центри. – Київ, 2012. – С. 302–309.

⁹ Лукьянец О.С., Калашникова Н.М. Молдавские коллекции в собраниях Государственного музея этнографии народов СССР. – Кишинев, 1990. – С. 35.

¹⁰ Володченко А. О трех этапах в жизни Л.С. Багрова (Leo Bagrow). 1881–1957. – Дрезден, 2016. – С. 31.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44472. Л. 33.

¹² Прищепова В.А. Первые коллекции по исламской культуре народов Центральной Азии (конец XIX – начало XX в.) // Радловский сборник. – СПб., 2009. – С. 20;

Она же. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. – СПб., 2011. – С. 151; Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам научного архива Института истории материальной культуры РАН). – СПб., 2014. – С. 10.

¹³ Русское слово. – 8 февраля 1915. – (№ 31).

¹⁴ Скальковский А. Население Новороссийского края и Бессарабии в 1851 г. // Вестник Императорского Русского географического общества. – Кн. 7. – Ч. 1. – Отд. IV. – СПб., 1853. – С. 1–10; Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. – Ч. I–II. – СПб., 1862; Свиньин П.П. Описание Бессарабской области в 1816 г. // Записки Одесского общества древностей. – Т. VI. – Одесса, 1867; Могиланский Н.К. Материалы для географии и статистики Бессарабии. – Кишинев, 1913; Бутович В.Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. – Киев, 1916; Берг Л.С. Бессарабия: страна – люди – хозяйство. – Пг., 1918.

¹⁵ Маруневич М.В. Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX – начале XX в. – Кишинев, 1980; Маркова Л.В. Поселения и жилище болгар-переселенцев // Краткие сообщения Института этнографии. – Вып. 24. 1955. – С. 3–18; Маркова Л.В. Типы болгарского жилища в Прутско-Днестровском междуречье // Этнография и искусство Молдавии. – Кишинев, 1972. – С. 61–74; Будина О.Р. Жилище болгар, греков, албанцев // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. – М., 1979. – С. 83–150; Гребинь И.Ф. Изменения в молдавском народном жилище этнически смешанных районов УССР // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвященных 60-летию образования СССР: Тез. докл. – Нальчик, 1982. – С. 199, 200; Татаренко (Чеботарь) С.С. Сравнительное изучение жилища народов Молдавии // Там же. – С. 221, 222; Маруневич М.В., Чеботарь С.С. Межэтнические связи в развитии сельского жилища украинско-молдавской этноконтактной зоны // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 гг.: Тез. докл. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 181, 182; Пригарин А.А. Жилище и его место в структуре строительных и обрядовых практик липован на Дунае // Традиционная культура: Научный альманах. – 2009. – № 2 (34). – С. 28–42.

[ЦГИА Ф. 14. Оп. 8. Д. 751. Л. 1–118.

Кирмидчи Н.И. «Жилища южной части Бессарабской губ».]

Окончившего С.-Петербургский университет физико-математический факультет по разряду естественных наук и отделу географии Николая Ивановича Кирмидчи*

Сочинение Н.И. Кирмидчи о жилищах этой части Бессарабии мною рассмотрено ввиду того, что оно представляет собой самостоятельное исследование в до сих пор мало известной области и выполнено с чрезвычайной добросовестностью, найдено мною весьма удовлетворительным.

Пр. гоц. Ф.К. Волков. 24 сент. 1913 г.

Жилища южной части Бессарабской губернии

Южная Бессарабия населена болгарами, гагаузами, молдаванами, малороссами, великороссами и несколькими колониями немцев и албанцев. Эти народы, переселившиеся из различных, иногда резко различающихся местностей, попали в одинаковые природные условия и, в зависимости от последних, выработали один общий тип жилья, только в деталях сохраняя свои национальные особенности, иногда трудно уловимые. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем говорить о жилище в Бессарабии вообще, а в соответствующих местах попытаемся указать на те или иные особенности, свойственные какому-либо из Бессарабских народов.

[Типы сел, их особенности и население]

Ранее последующего изложения удобно будет остановиться несколько на вопросах об общем плане сел и указать некоторые данные о возникновении их. Говоря о плане села вообще, прежде всего, мы должны отметить непосредственную зависимость его от характера местности, и в том смысле мы заметим два идеальных основных типа, между которыми существует множество переходных этапов. Первый тип – села, расположенные на крутых берегах рек и озер; второй – на пологих склонах долин.

Села крупных берегов, главным образом, по берегам Дуная, Прута и озер, большей частью

старые молдавские, представляют группу дворов, расположенных без всякой правильности: отдельные дома или группы их красиво разбросаны между небольшими возвышенностями крутого берега; улицы извилисты, даже в том случае, если местность и представляет возможность правильной распланировки. Последнее является следствием выпячивания дворов некоторых хозяев, которые руководствуются только своими собственными удобствами и не регулируются общественным сознанием.

Долинные села, расположенные на пологих склонах правильной долины у мелких речек и ручьев, по большей части высыхающих летом, имеют возможность правильно и симметрично расположить свои кварталы, дворы, жилища. Это более новые села, и населены они, главным образом, болгарами, малороссами, великороссами, гагаузами, немцами. Но следует ли правильность плана приписывать к достоинствам этих национальностей, вопрос сомнительный, ибо ни села Новгородской, Петербургской и Курской губерний, ни села болгар в северной Болгарии и южной Румынии, которые мне приходилось наблюдать, не говорят в пользу этого. Может быть, правильнее будет объяснить это влиянием отдельных личностей, например, Генерала Инзова, колонизатора Бессарабии¹.

Также характерны для долинных сел русла ручьев или речек, пересыхающих летом или нет, которые в узких правильных долинах разделяют село почти на две равные части, соединяющиеся

* Набор, подготовка текста к печати и составление примечаний – А.А. Михайлова. Публикация подготовлена в рамках проекта «Болгары Молдовы, Украины и России. Опыт жизни в диаспоре», поддержанного РГНФ № 15-01-00376/15.

мостами самой примитивной конструкции. Эти русла несколько нарушают правильность только в ближайших дворах. В широких долинах села расположены только на одном склоне за исключением русла, в общих чертах сохраняют тот же характер.

Конечно, трудно найти села вполне подходящие под один из типов, но приходится учитывать преобладающий характер их, поэтому возможны случаи, когда в наиболее типичном селе крутых берегов мы встретим одну или несколько прямых улиц или же в долинном – извилистые. Как то, так и другое являются исключением для своего типа.

Издали села Бессарабии представляют группу домов, выделяющихся по своим стенам и растительности. Последняя является очень характерной для сел, особенно в местах ближайших к Черному морю, где на полях почти совершенно отсутствует древесная растительность. Поэтому вообще можно говорить, что поселение Южной Бессарабии представляет длинную полосу растительности (виноградники, фруктовые сады, плантации акаций и шелковицы), в центре которой находится собственно село. Поселение располагается, главным образом, на берегах рек, ручьев, озер, но в середине Бессарабии основывали их в совершенно безводной местности, где приходится пользоваться подземными водами через колодцы и ставить земляные плотины для собирания дождевой воды. Сколь острым является вопрос о воде в таких селах, доказывает тем, что постройка колодца где-либо в степи является особой формой общественной благотворительности, чуть ли ни религиозным даром. Так, например, существует такая форма обета: «Если исполнится “то-то”, то я обещаю вырыть в степи колодец на пользу людям».

То же говорят и легенды о некоторых колодцах. Например, о колодце в селе Фонтына-Дзинилор (в переводе с молдавского «Колодец феи») передают, что «когда-то Бессарабия была почти необитаема. Только пастухи со стадами овец блуждали по степям, уходя от хозяина пасти на девять месяцев. Однажды молодой пастух ушел в степь со стадами и попал в место, где находится теперь село Фонтына-Дзинилор, или Кирнички, как называют его малороссы, обитающие в нем. Нигде молодой пастух не мог найти воды, чтобы напоить стадо. Так блуждал он два дня, сильно терзаясь видом умирающих от жажды овец и горюя, что не оправдал доверия своего хозяина. В таком повышенном нервном настроении он лег ночью, и во сне явилась ему фея, которая попросила его сыграть на свирели. Очарованная его музыкой, она решила помочь бедному пастуху в горе и указала ему

место обильного источника. Едва только пастух начал копать, как появилась мощная струя вкусной хорошей воды, которой он напоил свое стадо». И сейчас существует этот колодец и поражает обилием и приятностью своей воды (вода переливается через край сруба)².

Общее впечатление внутри села различно и зависит от национальностей, обитающих в нем: наиболее аккуратными и правильными являются немецкие колонии, потом болгарские, гагаузские, албанские с просторными, чистыми домами, массой хозяйственных построек, всегда с каменными или дощатыми заборами, затем малорусские – с характерными фруктовыми садами в глубине двора и у главного дома, великорусские и, наконец, молдавские, которые иногда имеют довольно печальный вид: иногда нет заборов, дворы не выметены, стены домов часто не выбелены, мало хозяйственных построек, или их почти нет.

Величина сел и количество жителей, обитающих в них, разнообразно, но, в общем, в южной и юго-западной части Бессарабии они крупнее, нежели в западной по берегу р. Прута, хотя изредка и там встречаются довольно большие села. Приведу для наглядности таблицу населения в 55 селах, навещенных мною летом 1910 г. Наименьше село (малорусы) – 75 человек, наибольшее – гагаузы – 5246 человек.

Численность (от ***– до ***) человек	Количество сел
100–500	12
500–1000	8
1000–1500	9
1500–2000	7
2000–2500	5
2500–3000	5
3000–3500	4
3500–4000	2
4000–4500	не встречается
4500–5000	1

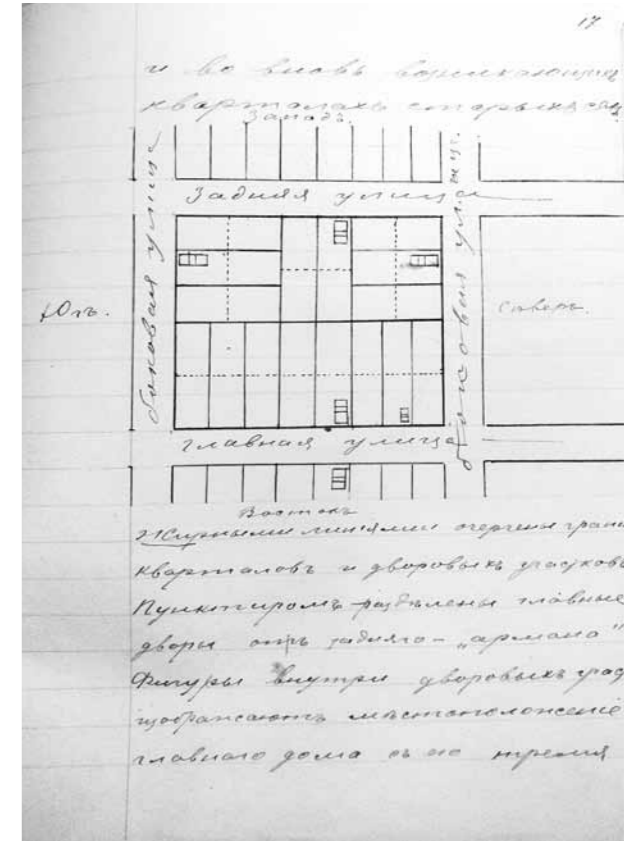
При этом наиболее крупные села составлены болгарскими и гагаузскими, большее количество сел мелких – малороссами и молдаванами. В этот расчет не входят вновь возникающие новые села болгар среди молдавских земель, которые в то время представляли группу из 10–20 дворов. Эти новые болгарские села дают нам некоторые указания о способе возникновения сел и их росте, что также подтверждается и при возникновении новых кварталов в старых селах.

[Расположение дворов, домов и надворных построек]

Переселенцы стараются основать свое село в центре купленного у помещиков участка на большой или проселочной дороге. Таким образом, главная улица села уже существует, и по обеим сторонам ее возникают дворы определенной и одинаковой величины. Ворота обращены на дорогу, а в зависимости от них находится расположение главного, чистого двора с жилыми и хозяйственными постройками и заднего «армана», служащего для молотбы хлеба и склада сена и соломы. Определенное число дворов (около 10 или больше) составляют кварталы, причем планы этих дворов длинной своей стороной перпендикулярны к более старым дворам. Задняя сторона иногда представлена сплошными заборами дворов боковых улиц и только в середине находится несколько дворов, заполняющих оставшийся участок после застройки передней и двух боковых сторон квартала. То же самое мы наблюдаем и во вновь возникающих кварталах старых сел.

Жирными линиями очерчены границы кварталов и дворовых участков. Пунктиром разделены главные дворы от заднего «армана». Фигуры внутри дворовых участков изображают местоположение главного дома с его тремя характерными отделениями. Дворы разделены на две, реже на три почти равные части. Первая, собственно двор, занимает часть ближайшую к улице, и в нем располагаются дом и другие хозяйственные постройки, как то: кухня, конюшня, загоны и сараи для крупного и мелкого рогатого скота, амбары, навесы для инвентаря, погреб, часто колодцы с журавлем или колесом, часто фруктовые садики и цветники. Вторая – задняя часть «арман» служит местом для молотбы хлеба на особо утрамбованных площадках под открытым небом, складом сена и соломы в скирды и почти всегда со своеобразными строениями для хранения мелкой соломы – половы «половник», «плевник» и для хранения и высушивания кукурузы в початках «папушойник», «кошер», «сасуяк».

Постройки в главном дворе располагаются по бокам его, причем главный дом редко становится на самой границе дворового участка. Обычно между задней стеной и границей участков оставляют пустое пространство в аршин и более ширины, его засаживают фруктовыми или иными деревьями. Тоже оставляют и со стороны улицы, и обычно там разводят цветы, наряду с кустами роз, сирени и плодовыми деревьями. Хозяйственные постройки, кроме амбаров, часто примыкают непосредственно к границе дворового участка. Главный дом

Лист рукописи Н.И. Кирмидчи
«Жилища южной части Бессарабской губ».
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 8. Д. 751. Л. 17

располагают так, чтобы двери и окна были обращены к югу. Если же это по условиям местности и плана затруднительно, располагают к востоку или западу, и как особое исключение – к северу.

В каждом дворе даже одного и того же села наблюдаются различия в расположении как главного дома, так и других хозяйственных построек. Вариаций, иногда незначительных, столько, сколько хозяев, поэтому входиться в детальное рассмотрение вопроса представляется невозможным, да и вряд ли является необходимостью. Попытаемся изобразить общую схему расположения построек, при которой удастся усмотреть два основных принципа. Первый – когда застраиваются обе боковые стороны двора, причем с одной стороны стоят главный дом (нередко заключающий под своей крышей кладовую или конюшню), сараи, загоны, навесы для инвентаря, с другой – амбары, кукурузники, иногда сараи, кухни. Обычно же кухня имеет свое определенное место у ворот, причем задняя стенка ее (почти всегда без окон) выходит или непосредственно на улицу, находясь на одной

линии с забором, или несколько отступает от него. Второй – когда хозяйственные постройки ставятся в одной линии с главным домом. Однако весьма трудно найти дворы, вполне соответствующие одному или другому типу. Всегда найдутся какие-либо уклонения, например, часть построек в глубине двора принимает направление перпендикулярное главной линии построек, или амбары стоят в глубине и срединной линии двора, или часть сараев – на противоположной дому стороне в глубине двора. Находясь в одной линии, постройки или непосредственно примыкают одна к другой, или несколько отступают, тогда эти свободные пространства используются под садики, навесы, загоны для скота, курятники, или они просто не имеют никакого назначения.

Редко наблюдаются планы с тремя разделениями всего дворового участка, причем средняя обращена в общий загон «окол» для разного скота или в собственно «арман», тогда третья задняя часть служит огородом и фруктовым садом, чаще наблюдаемым у малороссов. Еще реже, главный дом стоит обособленно, на одной стороне, и хозяйственные постройки на другой. В некоторых селах главный дом часто расположен длинной своей стороной параллельно улице. Оригинальными являются некоторые молдавские села по берегу р. Прута, на улицах которых мы видим длинные камышовые заборы, прерываемые воротами через некоторые промежутки. За невысокими заборами рассажены фруктовый (главным образом вишни или сливы) сад, меж деревьев которого вдали имеются крестьянские домики. Подобные виды мы наблюдаем и на окраинах обычных нормальных сел, когда заселяются ближайшие к селу виноградники. Как общее свойство нужно отметить существование площади посредине села и расположение общественных зданий в кварталах, окружающих эту площадь, но и в этом пункте встречаются вариации, особенно в селах крутых берегов.

[Строительные техники и материалы]

В заключение общей части удобно будет остановиться на материалах, из которых возводятся сооружения, а также на техниках, дабы при дальнейшем изложении нам был бы ясен этот вопрос. В безлесной Бессарабии приходится пользоваться материалами, находящимися под рукой, и в этом смысле природные условия оказывают громадное нивелирующее действие на предпочтения национальностей, приводя их к единству материалов и техники.

Камень, большей частью раковистый известняк и плотный песчаник, добывается в местах обнажения горной породы или в глубоких овра-

гах. Его употребляют на устройство фундаментов, сводов в погребах и минах, особых камней для молотбы хлеба (зерен из колосьев), жерновов для мельницы, и там, где он в изобилии – заборов со стороны улицы, жолубей, громадных ваз для хранения воды и т.д.

[Стены]

Но самым главным строительным материалом служит обыкновенная бессарабская земля, из которой готовят месиво «чамур». Из него воздвигают стены как главного дома, так и почти всех хозяйственных построек. Недалеко от места предполагаемой постройки, разрыхляют круглую площадь земли радиусом около одной сажени, глубиной около четверти аршина, то есть в длину одного заступа, наливают на нее воду и размешивают, гоня по кругу пару лошадей, пока вся земля не превратится в жидкую грязь. Тогда понемногу подсыпают соломы, все время перемешивая ее. Солома играет роль вяжущего элемента, ибо она своими длинными стеблями скрепляет частицы земли и предохраняет стены от рассыпания после высыхания. Перемешивание продолжается несколько часов, пока солома не будет равномерно расположена в толще грязи и не получится вязкая густая масса, из которой лошади с трудом вытаскивают свои ноги. Тогда наступает работа людей, причем в ней участвуют как мужчины, так и женщины. От общей массы грязи отрезают «сапами» (мотыками) по небольшому куску величиной около четверти аршина, мнут его руками, закругляют, то есть приготавливают так называемые вальки, которые на повозке подвозят к сооружению. Рабочий с силой бросает валец на предназначенное для него место, причем первый ряд, устанавливающий ширину стены, несколько уже каменного фундамента. Следующие слои рабочий накладывает, сидя верхом на стене, при этом он смазывает нижними краями вальки предыдущий нижний слой, так что в разрезе получается небольшой желобок на нижней поверхности каждого ряда вальков. Каждый ряд поднимает стену приблизительно на четверть аршина. Вальки подают с повозки, а потому нет надобности строить какие-либо стойки к строению. Рабочих рук немного, да и нет нужды в этом, ибо для кладки следующего ряда необходимо, чтобы предыдущий немного подсох, иначе нижние ряды могут разлезься. Очевидно, что рост чамуровой постройки зависит от состояния погоды: солнце, сухие дни и ветер благоприятствуют, дожди задерживают и часто прекращают работу.

Чамур готовят в яме, пока она не дойдет до глубины приблизительно сажени, так

как дальнейшая работа в ней затрудняет выбрасывание вальков на земную поверхность и спуск лошадей, для которых уже после аршина глубины делается крутой вход в яму, а также близкое нахождение песка не совсем годного для месива. По окончании постройки ямы засыпают каким-либо мусором, хотя иногда ее используют под погреб. Пользование месивом привело к изготовлению особых глинобитных кирпичей «лампач» длиной около 6 вершков, шириной и высотой около 3 вершков. Вальки для лампача изготовляют как и для чамура (месива), только несколько меньшей величины. Их с силой бросают в деревянные формы, давят руками, чтобы заполнить весь объем, затем осторожно вытряхивают на землю для просушки на солнце, по временам поворачивая их. Выгода изготовления лампача очевидна, так как дает возможность заранее приготовить их, и быстро сооружать постройки, менее завися от состояния погоды, чем обычная постройка из месива. Однако в подавляющем числе строятся чамуровые постройки, вследствие их большей прочности и теплоты.

Видоизменением чамура является грязь, делаемая из чистой желтой глины. В качестве вяжущего элемента в нее примешивают мелкую солому – полосу и конский навоз. Перемешивают человеческими ногами. Эта грязь более тонка и эластична, чем месиво (чамур), и служит для обмазывания чамуровых стен, пола, печей, распространяя запах конского навоза, несколько не смущающего обитателей. Иногда для подновления и очистки частей, обмазанных желтой глиной, готовят очень жидкую желтую грязь, которой при помощи тряпки или мягкой щетки покрывают их тонким слоем. Стены главного дома изнутри и с его лицевых сторон снаружи белят известью. Граница между выбеленными частями и обмазанными желтой глиной находится на стене на высоте от одного вершка до одного аршина от пола и обозначена цветными линиями – синей, красной и др.

[Крыша]

Другим важным строительным материалом служит камыш, находящийся в крестьянских дачах сел, расположенных на берегах рек и озер, или покупаемый в местах, лишенных его. Из него делают крыши, полóвники, а там, где он в изобилии, заборы, стены сараев, кукурузники, в поле и виноградных садах сторожки «бурдеи» и т.д., также используют как топливо.

Камышовые крыши наиболее часты, а потому остановимся несколько подробнее на технике их созидания. На готовых стенах воздвигают деревянную основу. Параллельно длине дома на

середине его торцовых стен накладывают толстое, длинное во всю длину дома бревно – «гринду», которое служит опорой для поперечных бревен половинок, накладываемых на гринду сверху и упирающихся в продольные стены. С задней стороны дома эти половинки своими концами опираются на стену, с лицевой же выдаются приблизительно на аршин за стену и опираются на балку, поддерживаемую столбами. Это образует так называемый навес на столбах над избой. На деревянную основу накладывают слой камыша, который обмазывают глиной как со стороны комнаты, так и со стороны крыши, при этом деревянная основа выдается внутрь комнаты. Иногда вместо камыша сверху половинок набивают доски, которые со стороны комнаты красят какими-нибудь темными красками, со стороны же крыши так же, как и при камыше, накладывают нетолстый слой чамура – месива. На вышеописанную горизонтальную основу прикрепляют гвоздями (раньше деревянными шипами) козлы, которые скрепляют горизонтальными деревянными брусками. После этого накладывают пучками камыш, толстыми концами стеблей вниз, начиная с нижних краев ската. На крыше работают двое – один сверху, другой под ней. Нижний захватывает деревянной иглой, в которую вдет особый просмоленный шнур «каблук», перекадину и протыкает иглу сидящему наверху. Последний, захватив пучок камыша, протыкает иглу вниз и т.д., то есть происходит процесс как бы зашивания камыша к деревянной основе крыши. Раньше вместо просмоленного шнура употребляли стебли осоки, и тогда был процесс привязывания пучков. Очень редко и теперь можно встретить такую крышу у молдаван на второстепенных хозяйственных постройках. В верхней части крыши у гребня образуется более тонкий слой, благодаря тонким концам камыша, и часто гребень совершенно неприкрыт, если скат велик. Вследствие этого с середины крыши накладывают другой слой камыша, пучки которого, около двух вершков толщины, одной и другой стороны пересекаются на гребне. Рабочий ловко заламывает каждый предыдущий на последующий, и заломанные концы подводит к толстым концам пучка, образовав петлю, захватившую пучок противоположной стороны, и т.д. Благодаря этим петлям, гребень крыши является хорошо прикрытым. Кроме этого, на гребень накладывают две, сбитые продольно под углом, доски, а на скатах, приблизительно у начала второго ряда и на нем, привязывают продольно пучок камыша или, что чаще, планку, скрепленную планками же с досками, закрывающими гребень. Эти приспособления имеют целью

укрепить крышу. Такая форма крыши называется «русской», в отличие от «немецкой» более красивой и более прочной, почему ее и делают на главных домах.

В «немецкой» крыше накладывают более толстый слой камыша, и затем особой деревянной лопатой подбивают его со стороны толстых краев так, что верхние трости постепенно отступают к гребню крыши и, в конце концов, $\frac{3}{4}$ ее представлены отверстиями толстых концов камыша в виде массы ячеек. Гребень и все остальные манипуляции для укрепления те же, что и в «русской» камышовой крыше.

В земляных крышах камыш тоже принимает участие и играет роль основы. Его накладывают на деревянные козлы продольно. В нижних частях козел набиты деревянные колышки и диски, удерживающие камыш от сползания. Сверху намазывают месиво, или насыпают земли. На таких крышах растут разные сорные травы, которые в домиках виноградных садов совершенно маскируют жилище. Земляные крыши очень пологи, не имеют потолков и ставятся на кухнях, курниках, свинушниках и др.

Из других материалов, употребляемых на крыше, встречаются: дранка, черепица круглая и марсельская, жест, реже доски, осока, стебли кукурузы или солома, причем последние три у молдаван на второстепенных хозяйственных постройках. Особенно отрядным приходится считать интерес жителей к марсельской черепице, которая постепенно начинает вытеснять камыш, особенно у болгар, гагаузов и немцев на крышах, главным образом, амбаров.

Форма крыши четырехскатная на главных домах, хотя нередко двускатные у малороссов и великороссов, причем открытые стороны заложены досками или камышом, есть и трехскатные. Двускатные чаще на сараях и других хозяйственных постройках. Встречаются и односкатные в виде навесов для инвентаря или скота.

[Сараи и амбары]

Следует отметить ивовые прутья, которые ныне используются еще в некоторых селах для сооружения второстепенных хозяйственных построек, и раньше, что видно по старым домам, очень часто служил для возведения стен вообще. Стены выплетают прутьями, а затем смазывают толстым слоем месива как снаружи, так и изнутри. Теперь этот способ применяется при сооружении амбаров для зерна, причем глиной смазывают только изнутри, и кукурузников для хранения и высушивания початков кукурузы, которые не обмазываются.

Интересны наблюдения, сделанные над постройкой нескольких сараев, которые бросают

свет на порядок сооружения построек с ивовыми стенками. Сначала ставят крышу на столбах, затем выплетают ивовую основу и обмазывают глиной. Однажды был наблюдаем случай при постройке чамурового сарая, при котором пользовались порядком сооружения ивовых стен, т.е. сначала крыша на столбах, а затем стены. Этот принцип сооружения наводит на мысль о происхождении навесов на столбах над призбой, особенно когда мы наблюдаем старые жилища с навесом и призбой с четырех сторон. Возможно и здесь построение крыши на столбах, и потом, несколько отступив, воздвигание стен. Колонисты ничего не могли сказать по этому вопросу.

Следует также упомянуть о досках, из которых сооружают амбары для зерна, заборы, ворота, загоны для скота и кукурузники. В сравнительно недавнее время стали пользоваться жженым кирпичом для печей.

Печи и трубы³

В этом же отделе нужно остановиться на рассмотрении вопроса о печах, которые являются однообразными и характерными. Их дымовые трубы «чувалы» имеют форму узкой у основания пирамиды, продолжающейся до потолка, а дальше чаще – конуса, вершина которого усечена так, что если взглянуть под трубу, мы увидим клочок неба. Две стороны пирамиды в жилье представлены стенами, две же другие, долженствующие образовать угол, выдающийся в жилье, сняты приблизительно на высоту одного аршина с четвертью. Остается только ребро угла, представленное деревянным или каменным столбом. Бывает снята иногда только одна сторона, или же пирамида упирается на два столба, когда труба отодвинута от одной из стен и сняты три ее стороны. В нижней своей части до потолка труба делается из камня, чамура, камыша или ивовых прутьев, и в последних двух случаях обмазана глиной; верхняя выше потолка, чаще плетеная или из камыша и обмазана глиной изнутри, иногда снаружи. Называется такая труба у болгар и гагаузов «баджаком» или «кумином», у молдаван – «кошем». Молдавское название особенно характерно. «Кош» – значит корзина, которой очевидно воспользовались когда-то для сооружения трубы, да и теперь часто встречающаяся в виде плетеной из ивовых прутьев верхней части трубы. Еще более понятно это название, если обратить внимание на трубы цыган, виденных мною в Румынии. У них нижней части почти не существует, а из потолка свешивается часть корзины, которая заканчивается несколько выше потолка, выпуская дым под

крышу, а оттуда через несколько отверстий в крыше на воздух.

Над трубой открывается отверстие печи, имеющее форму половины эллипсоида, округлой стороной обращенное кверху. Высота этого отверстия «гура сџби» (уста печи молдаван) около половины аршина, ширина около шести вершков. Нижняя часть его ограничена с одной стороны полем печи, с другой – припечком, хотя последний бывает иногда ниже. Над отверстием печи находится другое, маленькое круглое отверстие – «душник», около $1\frac{1}{2}$ вершка в диаметре, предназначенное для выхода дыма, однако оно недостаточно, и потому часть дыма выходит через верхнюю округлую часть печного отверстия. После топки для лучшей закупорки душник закрывают глинобитной пробкой, предварительно обмотанной мокрой тряпкой, а отверстие печи глиняной заслонкой, по краям тоже с мокрой тряпкой.

Под трубой иногда наблюдается еще одно печное отверстие в наружной стене, которое принадлежит летней печи для хлеба, выпечивающейся в виде пузыря от стены дома снаружи, и довольно часто – низкая глинобитная, каменная плита «котлон» с одним или двумя отверстиями для посуды. Вместо плиты иногда железный треножник или деревянный, чаще железный, крюк на цепи, проволоке или веревке, привязанной к перекрещивающимся металлическим или деревянным скрепам сверху трубы. Крюк служит для подвешивания казанка, а над ним на припечке разводится огонь.

Собственно печь изнутри представляет общее вместилище от $1\frac{1}{2}$ до 2 аршин, приблизительно кубической формы. Со стороны комнаты печь стоит на земляном основании, высота которого около полуаршина, в углу комнаты возле простенка. Она никогда не доходит до потолка жилья, а с ближайшей боковой стенкой образует запечье, уровень которого часто выше основания печи. Таким образом, из шести сторон своих печь имеет четыре свободных, соприкасающихся с комнатным воздухом, одну – основание и одну – общую стену печи и трубы. У болгар, гагаузов и малороссов печи почти гладкие; у великороссов и молдаван – с карнизами, часто разукрашены разноцветными геометрическими фигурами, выемками или колонками, полыми, сообщающимися с печью. Все эти ухищрения имеют целью увеличить площадь соприкосновения нагретых мест с комнатным воздухом. Печи делают из кирпича, хотя чаще из камня. Потолок печи поддерживается железными прутьями или полками, обмазанными глиной. Очень редко сводчатые печи наподобие тех, которые устраивают для печения хлеба. В обла-

сти печей мы должны отметить, что первенство в смысле орнаментации, так и в смысле затейливости принадлежит молдаванам, и это тем страннее, что в других областях своего хозяйства они занимают неважное положение.

Столь же характерным, как печь с трубой, нужно считать «бессарабское ложе», почти одинаковое у всех национальностей. Прежде это было как бы продолжением основания печи – земляная насыпь от печи до противоположной стены, высотой около полуаршина, шириной около двух аршин, теперь обычно это деревянный помост на козлах. На них настилают рогожу, а поверх нее ковры. Называются они «пáтом», «бдаром» и служат общей кроватью для всей семьи без различия возраста и пола. Ложатся головой к стене, ногами к свободной стороне «пата».

Топливом крестьянам повсеместно служит солома, затем камыш, где он в изобилии, реже стебли кукурузы и початки (кочаны) после снятия с них зерна, хворост, ивовые прутья, лоза, кизяк, а огонь добывают из обыкновенных шведских спичек, реже пользуются способом кресания, для чего необходимы кусок железа, кремь и трут, а за отсутствием последнего тряпочки или сухая сердцевина стебля кукурузы.

Искусство в орнаментировании стен дома, развитое, главным образом, у молдаван и малороссов, носит примитивный характер. Лошадки, пастушки, павлины и некоторые другие птицы, а также цветы в вазонах и без них – вот главные сюжеты деревенских молодых художниц, пока они еще не повыходили замуж и не занялись своими многочисленными работами по хозяйству.

Главный дом⁴

Главный дом занимает один из передних углов дворового участка. Лицевые стороны его обращены к солнцу (юг, восток, запад), а так как положение дворовых участков бывает различно, то в идеальном случае должно получиться зеркальное изображение двух домов, расположенных через улицу, т.е. главный дом расположится справа или слева дворового участка, в зависимости от солнца. Существует разница и в расположении дома своей длинной частью по отношению к улице. Более характерно, когда длина дома перпендикулярна к улице, реже параллельна, и в последнем случае часто наблюдается крыльцо. Параллельное положение, даже наличность крыльца, характерно для некоторых сел, например, Вайсал, Карагач (болгары), Балбаки, Курчи (гагаузы) и др., в то время как в других болгарских селах мы не замечаем этого.

Объяснение, очевидно, мы найдем после выяснения вопроса, откуда какие болгары пере-

селились в Бессарабию, то есть какие местности, в смысле рельефа, были населены предками настоящих болгар до переселения их в Бессарабию. Хотя этот вопрос еще неокончательно выяснен для меня, однако наблюдения, произведенные в горной части Румынии, где дом всегда параллелен улице и при нем – крыльцо, а также в долинных частях Румынии и Болгарии, где крыльцо очень редко, бросают свет на вопрос о бессарабских жилищах, и наводят на мысль, что горные болгары и гагаузы, переселившись в низменные места, строили дома по знакомому им раньше типу, сохраняя как параллельное расположение дома к улице, так и крыльцо, без которого в низменности они могли легко обойтись. Действительно, крыльцо для горных жителей является необходимостью, для жителей долин – роскошью. Жилище, расположенное на склоне горы, имеет лицевую сторону приподнятой, иногда представленной двумя этажами. Обитаем только верхний этаж и, естественно, из самосохранения человек должен был соорудить узкий коридор, а из-за удобства расширить его у места входной двери, создав крыльцо, на котором женщины часто сидят за шитьем или другими женскими хозяйственными работами. Между тем, в долинных селах нет нужды ни в коридоре, ни в крыльце, ибо полдома находится почти на одном уровне с почвой; если же имеются высокие призбы, то они вызваны небольшими уклонами почвы и в большинстве случаев не огорожены.

Главный дом бессарабцев – самое большое, опрятное строение, с лицевых сторон выбеленное известью, с призбой и навесом (спуском) над ней, часто с садиком и цветником перед домом, огороженным решетчатым дощатым забором в аршин высоты. Посреди длинной лицевой стороны стены находится входная дверь одноили двустворчатая, простая или филенчатая, с характерным наддверным низким окном в три стекла, длиной в ширину двери, высотой около четверти аршина. По обеим сторонам двери – по два окна с тремя железными прутьями, вставленными вертикально в коробке, в старых домах одинарные, забытые наглухо с 4-мя или 6-тью стеклами, в новых двустворчатые с 6-тью стеклами. Со стороны ширины дома – 2 или 3 окна, выходят на улицу и освещают большую комнату – гостиную.

Призба⁵

Обычно две лицевые стороны дома имеют призбу, ширина которой около 1 аршина, находится в зависимости от ширины и навеса крыши на столбах, а именно, призба несколько уже навеса, столбы которого нижними краями упи-

раются в горизонтальную балку или каменные основы, образующие выходящий угол призбы. Навесы бывают и с трех сторон, реже с четырех в некоторых старых домах, но постоянным является условие: если есть навес на столбах, обязательно должна быть и призба, но не наоборот. Такая же связь существует между окнами и навесом (например, в старых домах с четырехсторонним навесом – окна со всех сторон). Длина призбы зависит от длины дома, а высота сильно варьируется (от 1 вершка до 1 ½ аршина в зависимости от уклона почвы, на которой стоит дом). Иногда призба огорожена досками или деревянной решеткой на высоту одного аршина, а на такой забор наложена горизонтальная доска от столба к столбу так, что получается род скамейки или полки. Если есть крыльцо, оно составляет одно целое с домом, т.е. крыша такой же формы, как над всем домом, образует выступ над крыльцом. Уклонение в некоторых частях от вышеописанного внешнего вида главного дома мы находим в нескольких малороссийских селах (напр., Шаганы, Золокары), у которых нет навеса на столбах, хотя имеется невысокая узкая призба, а окна вставлены с внутренней стороны оконного просвета так, что подоконник оказывается за стеклом на улице, ставни наружные, должны защищать жителей от «шалостей парней», то есть не пускать камни в жилище.

[Внутренняя планировка]

Наиболее типичные планы главных домов представлены тремя отделениями, следующими одно за другим по длине дома. В середине – сени, по бокам – комнаты, из которых иногда одна, со стороны двора, обращена в комору «занца», кладовую. У молдаван часто дом состоит из двух отделений почти равных, из которых одна представляет большие сени «тинда», другая – гостиную «каса маре» (большая комната, хотя нередко она служит и для повседневного обитания). Редко в сенях отделен угол, играющий роль кладовой, а все сени или комната во время молотбы хлеба обращены в амбар, что чаще наблюдается у молдаван, хотя тоже можно встретить и у других национальностей в случае скопления зерна и заполнения амбаров.

Первые намеки на увеличение отделений в типичном с тремя отделениями доме очень часто проявляются в разделении сеней по их длине на две части, причем передняя – у наружных выходных дверей – служит собственно сенями, а глубинная, снабженная в большинстве случаев окном, включает в себе печные трубы, иногда и плиту, и играет роль кухни. Реже эта часть обращена в маленькую комнату, и тогда топка печей из первого отделения. Очень редко

встречаются отклонения в назначении отделений, когда сени расположены с краю, а остальные две комнаты следуют друг за другом, или сеней нет, а вход со двора непосредственно в малую комнату, в которой помещается труба и топка, т.е. когда сени обращены в комнату, а третье отделение в комору. Увеличение числа отделений под одной крышей идет в том направлении, что прибавляют еще одно или два отделения. В первом случае четвертое отделение, самое удаленное от улицы, бывает комнатой, коморой или конюшней, во втором – при пяти делениях, считая с улицы, второе и четвертое отделения играют роль сеней.

Другой путь, по которому шло увеличение числа отделений, и прообраз которого мы можем видеть в неполном разделении сеней на две части, состоял в перпендикулярном делении трех типичных комнат, т.е. параллельное по отношению к длине дома, в полной своей форме долженствующее представить шесть камер. Однако чаще мы встречаем различные стадии в развитии этого принципа, например, разделены сени и одна комната, другая же оставлена в виде большой гостиной. Реже бывают дома с семью отделениями, причем в наблюдавшемся мною случае у богатого болгарина села Шикирли-Китай задние камеры узки и слабо освещены очень маленькими окнами и обращены в каморы.

Также редка пристройка к главному дому, состоящая из двух отделений и конюшни, причем эта пристройка стоит под одной общей крышей с главным домом. При расположении многих комнат в одну линию мы видим две или больше наружных выходных дверей, причем группы комнат не всегда сообщаются друг с другом.

[Сени]

В заключении к описанию главного дома мы остановимся несколько на ознакомлении с его состоянием в готово обитаемом виде, а также на убранстве. Сени в большинстве случаев освещаются только одним низким наддверным окном в три стекла, составляющим одно общее с коробкой наружной двери. Свету получается немного, а потому иногда прорубают небольшое окно (от 2 вершков до ½ аршина) сбоку двери. Порог несколько приподнят на толщину дверной коробки. Иногда в глубине сеней также прорублено окно, единственное во всей задней стене дома. В сенях одна или две характерных трубы, иногда с земляной плитой «котлоном». Редко вдоль стен деревянные скамьи или невысокие земляные завалинки. Последнее более характерно для старых домов и «кухонь», о которых

речь будет ниже. Сени имеют чистый приличный вид и иногда выполняют роль комнаты. Карнизы трубы украшены покупными тарелками с изображением петушков, лошадок и других представителей фауны и флоры (село Чешма-Варуита).

Другой характер носят сени молдаван. Карнизы почти отсутствуют, но зато труба оригинально орнаментирована, особенно в домах, где имеется взрослая дочь. По краю полуэллипсоидного отверстия трубы идут две параллельные линии (на расстоянии около двух вершков), изображенные штрихами, между которыми (линиями) ряд цветных синих и черных розеток. Углы трубы также орнаментированы и соединены линией несколько выше верхнего края отверстия трубы. У верхних углов получившейся замкнутой фигуры изнутри нарисованы большие розетки с отдельно очерченными лепестками. Так же, и даже лучше, украшены летние заслонки печей, заменяющиеся зимой более простыми, обмазанными желтой глиной.

[Комнаты]

В сенях, как правило, три двери: одна – наружная и две боковых (с каждой стороны по одной), ведущие в комнаты, простые из сбитых вертикально гладких досок или филенчатые, чаще неокрашенные. Иногда в глубине сеней имеется четвертая дверь меньших размеров и проще по конструкции, образующая сквозной ход через сени. Последнее чаще бывает в домах, расположенных параллельно своей длиной к улице. Одна из боковых дверей, обычно в сторону улицы, ведет в большую комнату – гостиную «гулямата стая» у болгар, «каса маре» у молдаван, «велика хата» у малороссов, почти у всех лучше всего украшенную и служащую, главным образом, для приема гостей.

Пол редко деревянный, чаще земляной, стены выбелены, потолок с выдающимися в комнату балками то выбелен, то выкрашен в темный цвет, особенно если он деревянный. Окна, большей частью, четыре – по два на каждой лицевой стороне, хотя со стороны улицы их иногда бывает три или же их всего только два (у молдаван). Окна, особенно у болгар и гагаузов и албанцев, с тремя вертикально поставленными в коробке железными прутьями. На подоконниках глиняные вазоны с цветами.

Следует засвидетельствовать, что существуют холодные и теплые гостиные, последние более характерны для молдаван и старых домов болгар и др. У молдаван они или особенно сильно и пестро орнаментированы, причем пользуются, главным образом, синими, черными цветами и преобладают геометрические формы, или же

«Пешкир» — домотканое полотенце для украшения комнат. Бессарабская губ., Измаильский у., с. Чишме-Варуита. Болгары. Начало XX в. РЭМ колл. № 2944-2. Экспедиционный сбор Н.И. Кирмидчи. 1910. Фото О.В. Ганичевой

«Пешкир» — домотканое свадебное полотенце. Бессарабская губ., Измаильский у., с. Чишме-Варуита. Болгары. Начало XX в. РЭМ колл. № 2944-3. Экспедиционный сбор Н.И. Кирмидчи. 1910. Фото О.В. Ганичевой

«Пешкир» — домотканое свадебное полотенце. Бессарабская губ., Измаильский у., с. Чишме-Варуита. Болгары. Начало XX в. РЭМ колл. № 2944-4. Экспедиционный сбор Н.И. Кирмидчи. 1910. Фото О.В. Ганичевой

отличаются сложной затейливой конструкцией колонок, карнизов, выемок и т.п. Последнее, хотя менее искусное, встречается у великороссов — липован.

Мебелью гостиной служат деревянные длинные скамьи (раньше земляные, глинобитные или сложенные из камня), расположенные вдоль стены, прикрытые коврами и снабженные особыми длинными подушками (около 18 вершков длины и 8 вершков ширины), в которые упираются спинами сидящие на скамьях. Лицевая сторона подушек «вызглавница» — шерстяная с вытканными узорами, и набиты они соломой или сеном. Между двумя окнами стоит небольшой стол, накрытый белой скатертью, возле которого иногда один или два табурета, реже стула.

Стены завешаны шерстяными коврами (чаще у молдаван) с узорами, домашними белыми простынями с вытканными геометрическими фигурами, красивыми полотенцами с гарусными узорами или шелковыми, затканными золотом. Окна также завешаны полотенцами, у некоторых заменяемыми теперь ситцевыми или тюлевыми занавесями, сильно портящими стиль.

В углу, образованном двумя лицевыми сторонами, находятся в изрядном количестве иконы (обвешанные полотенцами), чрезвычайно примитивной работы, в другом — сложено приданое: сундуки, а на них одеяла, ковры, подушки. Тут же на стенах висит женское платье, каждое подвешенное на отдельный гвоздь, иногда в изрядном количестве (до 10) разных цветов, особенно если имеется взрослая дочь или молодая невестка. Если в гостиной есть широкий диван для сна, приданое складывается на нем. Возле двери на стене иногда висит небольшой шкафчик для посуды.

Идеальная гостиная не должна быть обитаема, а потому в ней не должно быть ни печи, ни настила для сна — «одара». Гости же не имеют обыкновения снимать своих тулупов, а потому не приходится бояться за их здоровье. Они чинно восседают рядышком на длинных скамьях, опираясь спиной на подушки.

Другая комната, вход в которую тоже из сеней, всегда имеет земляной пол, стены не всегда выбелены, освещается двумя окнами во двор, реже четырьмя, при параллельном положении дома к улице, всегда с характерной простой печью и настилом для сна, возле стен те же деревянные скамьи, стол, обставлена проще. У молдаван она часто отсутствует,

а у болгар и других редко обитаема и служит коморой.

[Кухня]

Таким образом, нередко случаи, когда стоит целый дом, удобно обставленный и украшенный, совершенно необитаемым, между тем, вся семья теснится в небольшом флигеле, называемом «кухней» в страшно негигиенических условиях. Обычно кухня стоит отдельно от всех других хозяйственных построек, и положение ее, как было отмечено выше, более или менее определено. Иногда она достигает почти размеров главного дома, хотя в большинстве случаев, гораздо меньше его, и состоит из двух отделений: сени или собственно кухня и спальня, в которой обитает почти вся семья. Небезынтересно будет привести некоторые соображения относительно этого строения, имеющего иногда вид дома с тремя отделениями и носящего скромное название «кухня», особенно когда мы находим определенные, ясные указания среди

«Чутура» — ступа деревянная, вырезанная из цельного куска дерева. Бессарабская губ., Измаильский у. Болгары. Начало XX в. РЭМ колл. № 2944-11. Экспедиционный сбор Н.И. Кирмидчи. 1910. Фото О.В. Ганичевой

различных примитивных форм очага в болгарском селе Чешма-Варуита, расположенном между городами Болградом и Измаилом.

Наиболее примитивной формой кухни нужно считать простой очаг в форме небольшой ямки, вырытой в земле и иногда обложенной на уровне земли камнями, окружающими отверстие несколько меньшее диаметра посуды, в которой готовят пищу. Такая же ямка, но без камней, устраивается для обжигания волос на свиных тушах. Более сложной приходится считать низенькую глинобитную или сложенную из камней плиту «котлон», которую мы часто встречаем под трубами в помещениях. Эти плиты находятся и под открытым небом, чаще под навесом, и заслоном в виде забора или специально поставленного. Когда же заслон окружил весь очаг, был смазан глиной и снабжен более прямой крышей, мы находим уже законченную форму не только кухни в нашем смысле, но вообще жилья. В дальнейшем развитии все свелось к тому, чтобы ставить более прочные чамуровые стены и надежную земляную крышу. Это мы видим на строениях площадью около двух аршин в квадрате, в которых уже стоит характерная труба «баджак», а в одной из стенок отверстие летней печи для хлеба, корпус которой выпячивается в виде пузыря от стены этого маленького строения. Кухня постепенно увеличивается, чему немало примеров, и в наивысшей ее форме мы находим два, три отделения, почти целый дом, удержавший свое название «кухня», хотя и здесь она занимает скромное место в сенях. Вторая комната служит спальней, а третья, если она существует – коморой, конюшней, сараем, в котором часто открывается дверь погреба.

«Кухня» редко бывает выбелена известью, и этот признак может служить отличительной ее чертой. Обычно она обмазана желтой глиной, и один раз у малороссов на этом фоне кухни я видел изображения лошадок и птиц. Крыша большей частью земляная, особенно в селе Тропокло у малороссов – казаков, у которых даже главные дома с земляной крышей. Если крыша из камыша, она имеет форму «русскую» в большинстве случаев. Навеса на столбах в подавляющем количестве нет, хотя имеется низенькая узкая призма. Два маленьких окна из четырех стекол, одинарные и забитые наглухо, выходят во двор, и очень редко одно из них – на улицу. Потолка, как правило, нет. В собственно кухне имеется характерная труба «кумин» с плитой «котлон» или железным треножником, вдоль стен – низенькая призма для сидения. В спальне – типичная бессарабская печь и деревянный или глинобитный настил, над ним или рядом

люлька, подвязанная к потолку, за дверью, открывающейся в спальню, – небольшие полочки для посуды, хлеба, тут же висит тыква с солью и др. мелкие вещи. Возле свободных от «пата» стен иногда есть деревянная длинная скамья и очень редко нормальный высокий стол. Обычно столы для обедов круглые, диаметром около 1½ аршин, на трех ножках высотой около четверти аршина. Хозяин дома и взрослые мужчины сидят на низких скамеечках с тремя или четырьмя ножками, круглых или четырехугольных. Остальные члены непосредственно на земле. Кушают из общей посуды.

Из вышеизложенного ясно, что самым необходимым строением для жизни бессарабских крестьян нужно считать «кухню», от которой они получают «и стол, и дом». В последнее время замечается стремление пользоваться каким-нибудь отделением главного дома.

[Надворные постройки]

О расположении других хозяйственных построек было сказано раньше, здесь же попытаемся разобраться в них несколько детальнее. Стены различных хозяйственных построек, главным образом, глинобитные, хотя нередко встречаются плетеные или камышовые, обмазанные глиной с одной внешней или внутренней стороны или с обеих. Обделка их менее тщательна. Крыша дву- трех- четырехскатная, большей частью камышовая, реже земляная, соломенная (у молдаван), из марсельской черепицы (болгар, гагаузов, немцев).

Рассматривая главный дом и «кухню», мы указали, что конюшня, особенно у болгар и гагаузов, часто находится под одной кровлей с ними. Нередко конюшни также связаны с сараем для другого скота, отделены от него глухой стеной и имеют отдельный выход. Расположение конюшен, а также их отделка могут служить отчасти характерной чертой некоторых национальностей.

Так, у болгар, гагаузов и немцев они находятся вблизи жилых помещений, сравнительно хорошо отделаны, теплы, и это соответствует особой любви этих национальностей к хорошим лошадям, в которых они знают толк. Другое дело у молдаван, великороссов и малороссов, где лошадь ценится наравне с остальными животными: конюшни у них редко обособлены от общих сараев, и лошадям приходится проводить время в обществе быков, коров и овец (а потому и вид их достаточно унылый).

В наиболее типичном случае скомбинированное строение из конюшни и сарая для рогатого скота бывает около двух сажень ширины, шести-семи сажень и более длины. Оно разделено глухой стеной на две почти равные части,

или же сарай несколько длиннее. Ближайшая к дому или другим постройкам часть имеет обычную четырехстенную комору, другая же лишена одной передней стены, представляя как бы разрез. В ней крыша упирается на несколько деревянных столбов. Возле открытого сарая огораживается площадь, которая служит загонем для разного скота и местом фабрикации кизьяка. Скот свободно гуляет по этому загону, а в ненастную погоду или жару может по своей воле уходить под сарай, вдоль стен которого стоят ясли. Изгородь загона делается из досок, плетня, камыша, режы из камня или глины. В середине загона находятся деревянные или плетеные ясли. Гуляя по загону, животные оставляют там свои экскременты, которые смешиваются и утапты-

ваются с остатками соломы и сена. Через некоторый промежуток времени, в зависимости от количества скота, получается слой утрамбованного навоза толщиной до 1½ вершка. Мотыкой «сапой» или заступом отрезают квадратные куски величиной в поларшина и раскладывают их вдоль заборов для просушки. Потом складывают в скирды так, чтобы воздух мог циркулировать между отдельными кусками кизьяка и окончательно просушивать их. Для предохранения от дождей верх скирды иногда прикрывают хворостом, соломой или камышом. Кизьяк, будучи зажат, тлеет, распространяя в большом количестве дым со скверным тяжелым запахом, чем пользуются для отпугивания комаров <...>⁶.

¹ И.Н. Инзов (1768–1845), генерал от инфантерии. С 1818 г. – главный попечитель и председатель Попечительного Комитета о иностранных колонистах Южной России. С 1819 г. курировал исполнение «Указа об устройстве задунайских поселенцев». С 1820 г. – полномочный наместник Бессарабской области. В 1821 г. основал для болгарских беженцев город Болград.

² Местные жители, большинство которых к настоящему времени составляют болгары, до сих пор почитают этот источник. Каждый год в день Св. Георгия (6 мая) ранним утром до восхода солнца женщины идут к колодезю, умываются у него и приносят воду домой.

³ Подзаголовок предложен Ф.К. Волковым.

⁴ Подзаголовок имеется в оригинале рукописи.

⁵ Подзаголовок предложен Ф.К. Волковым.

⁶ На этой фразе рукопись обрывается. Сложно предположить, какой объем текста был утрачен вместе с последними листами тетради И.Н. Кирмидчи за время ее более чем столетнего пребывания в архиве. На наш взгляд, в изложенном выше материале автор привел довольно насыщенное описание своих наблюдений в области способов организации жилого пространства бессарабскими крестьянами. По всей видимости, в заключительной части он освещал ряд частных аспектов, связанных с общей характеристикой домашнего быта и спецификой ведения придомового хозяйства. Эти сведения, несомненно, дополняли содержание работы и, вместе с тем, подводили ее к логическому завершению, выполняя роль «последних штрихов».

К АВТОРАМ

Журнал «Музей. Традиции. Этничность» выходит два раза в год, распространяется на территории Российской Федерации, полнотекстовая версия издания публикуется на сайте Российского этнографического музея (www.ethnomuseum.ru).

Редколлегия журнала «Музей. Традиции. Этничность» приглашает российских и зарубежных авторов направлять в журнал статьи, посвященные проблемам изучения этнической истории и этнических традиций, феноменов этничности и межэтнических контактов, а также деятельности музеев по сохранению и презентации этнографических коллекций. Предполагается публикация статей и сообщений, отражающих результаты исследований памятников традиционной культуры из российских и зарубежных музеев, архивов, библиотек. Основные темы журнала представлены в рубриках: «Из истории этнографической науки», «Этнические традиции в культуре», «Музейные формы трансляции этничности», «Этнографическое поле, музейные коллекции, архивы», «Рецензии», «Персоналии».

Редакция принимает статьи на русском (для отечественных авторов) и английском (для зарубежных авторов) языках объемом до 1,5 авторских листов, сообщения, рецензии, заметки – до 0,7 авторского листа. Статьи зарубежных авторов должны сопровождаться аннотацией на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МУЗЕЙ. ТРАДИЦИИ. ЭТНИЧНОСТЬ»

Авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм). Размеры полей: правое – 20 мм, левое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 20 мм. Для акцентирования элементов текста разрешается использовать курсив, полужирный курсив, полужирный прямой. Не следует допускать автоматической или принудительной расстановки переносов, использовать пробелы для выравнивания или оформления абзацного отступа.

Тексты представляются в распечатке (2 экземпляра) и электронном виде в формате RTF с нумерацией страниц, колонтитулы не создаются.

Шрифт «Times New Roman», размер 12, с полусторонним междустрочным интервалом.

Сноски должны быть автоматическими, конечными (в конце документа); арабская нумерация. При оформлении сносок следует использовать ГОСТ 7.0.5. – 2008 (см. раздел 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).

Схемы, графики, рисунки выполняются в формате JPEG.

Все иллюстрации должны иметь наименование и, в случае необходимости, пояснительные данные (подрисуночный текст); на все иллюстрации должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснитель-

ные данные располагаются непосредственно под рисунком. Иллюстрации нумеруются арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется.

Иллюстрации представляются также отдельно в файлах формата TIFF, JPEG, PSD или EPS (разрешение не менее 300 dpi для изображений в натуральную величину) с распечатками для макетирования. В исключительных случаях по согласованию с редакцией принимаются фотографии в пригодном для воспроизведения виде в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации (распечатки) указывается фамилия автора и номер иллюстрации. Отдельно прилагается список иллюстраций и подписи под иллюстрациями (с указанием на местонахождение оригинала, шифра рукописи и номеров листов оригинала, инвентарного номера музейного экспоната).

Музейные и архивные материалы принимаются к публикации только при наличии письменного разрешения владельцев: организаций и частных лиц.

Файл статьи и ее распечатка (2 экземпляра), предоставленные в журнал, должны быть полностью идентичны. Исправления, дополнения и т.п., внесенные без согласования со стороны редакции, учитываться не будут.

Структура публикуемых материалов

На русском языке:
индекс УДК (печатать над фамилией автора слева) – должен отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);
название статьи (с заглавной буквы, далее строчными);
имя, отчество, фамилия (полностью, расположение – на середине страницы);
сведения об авторе (полное название учреждения или кафедры вуза, город, ученая степень, ученое звание, должность), e-mail;
аннотация объемом до 200–250 слов (после отступа);
ключевые слова (не более 15 слов);
основная часть (текст статьи);
примечания и библиографические ссылки.

На английском языке:
индекс УДК (печатать над фамилией автора слева);
название статьи (с заглавной буквы, далее строчными);
имя, отчество, фамилия (полностью, расположение – на середине страницы);
сведения об авторе (полное название учреждения или кафедры вуза, город, ученая степень, ученое звание, должность), e-mail;
аннотация объемом до 200–250 слов (после отступа);
ключевые слова (не более 15 слов).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Порядок рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала «Музей. Традиции. Этничность».

1. Рукописи научных статей, поступившие в редакцию журнала «Музей. Традиции. Этничность», рассматриваются главным редактором, членами редколлегии на предмет их соответствия тематике журнала и редакционным требованиям к оформлению.

2. Поступившие в редакцию рукописи статей регистрируются и направляются на письменное рецензирование одному или, при необходимости, двум рецензентам. Выбор рецензентов определяют члены редколлегии и главный редактор журнала.

3. Рецензентов уведомляют о том, что присланные им рукописи являются собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается использовать неопубликованные рукописи в каких-либо целях. Сведения о личности рецензента являются конфиденциальной информацией.

4. Рецензии на рукописи предоставляются редакцией авторам рукописей по их письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности и места работы рецензента.

5. Рецензия может быть направлена по запросу экспертных советов в ВАК РФ.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется

автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи.

7. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в сроки, установленные редколлекцией. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от автора, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье.

8. Если статья по рекомендации рецензента подверглась значительной авторской переработке, она направляется на повторное рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

9. Редколлегия оставляет за собой право отклонить статью в случае неспособности или нежелания автора учесть пожелания редакции.

10. При наличии отрицательных рецензий на рукопись от двух рецензентов статья отклоняется редколлекцией.

11. Назначенный главным редактором член редколлегии доводит принятое решение до сведения автора не принятой к публикации статьи.

12. Максимальный срок рецензирования – между датами поступления рукописи в редакцию и вынесения редколлекцией решения – составляет 3 месяца.

13. Оригиналы рецензий хранятся в редакции в течение трех лет со дня публикации статей.

Подписной индекс 70735

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Рукописи авторам не возвращаются.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов без согласия редакции не разрешается.

По вопросам публикации просим обращаться в редакцию журнала.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1

Тел.: (812) 570-52-25. Факс: (812) 570-52-25

e-mail: journal@ethnomuseum.ru

Музей. Традиции. Этничность

№ 1 (9). 2017

Подписано в печать 20.05.2017. Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.

Объем издания 13,25 уч.-изд. л.; 7,21 печ. л. Тираж 500 экз.

Оформление обложки: П.В. Белова

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано в типографии «НП-Принт», Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15